

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ НАН БЕЛАРУСИ**

**Особенности
культурного развития
«пограничных» территорий:
исследования и стратегическое
управление**

**Материалы международного
научно-практического семинара
г. Минск, 30-31 мая 2017 года**

Сборник научных статей

Минск
«Право и экономика»
2017

УДК 316.752 / 647.5 (422)

ББК 60.59

075

Р е ц е н з е н т ы:

доктор социологических наук, профессор, консультант департамента гуманитарного сотрудничества общеполитических и социальных проблем Исполнительного комитета СНГ В.А. Клименко,
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры политологии и социологии УО «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова» Н.Е. Лихачев

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

Коваленя А.А. - академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент;
Котляров И.В. - доктор социологических наук, профессор;
Лашук И.В. - кандидат социологических наук, доцент;
Мицкевич О.Н. - кандидат социологических наук;
Кармызова Д.Д. (ответственный секретарь) - м.н.с. Института социологии НАН Беларуси

075 **Особенности** культурного развития «пограничных» территорий: исследования и стратегическое управление: материалы междунар. науч.-практ. семен., Минск, 30-31 мая 2017 г. : сб. науч. ст. / ред. кол. : Котляров И.В. (гл. ред.) [и др.]; Ин-т социологии НАН Беларуси. - Минск : Право и экономика, 2017. – 174 с.

ISBN 978-985-552-684-2.

Сборник составлен по материалам международного научно-практического семинара «Особенности культурного развития «пограничных» территорий: исследования и стратегическое управление», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси. Посвящен обсуждению комплекса научно-образовательных, организационно-методических и информационных мер по формированию стратегии управления региональной культурной политикой; проблематике использования культурных ресурсов приграничных территорий; развитию, картированию и брендингу населенных пунктов и формированию культурно-имиджевых ресурсов на местах.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и специалистов органов государственного управления, а также для читательской аудитории, интересующейся вопросами современного социального развития.

УДК 316.752 / 647.5 (422)

ББК 60.59

ISBN 978-985-552-684-2

© ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», 2017

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2017

30-31 мая 2017 года в Институте социологии НАН Беларуси прошел международный научно-практический семинар «Особенности культурного развития "пограничных" территорий: исследования и стратегическое управление». Семинар организован в рамках республиканского плана мероприятий по проведению в 2017 году «Года науки», общей целью которого является углубление взаимодействия науки с социально-культурной сферой и различными отраслями экономики, развитие и расширение направлений инновационно-культурной деятельности, формирование международного имиджа Беларуси как страны с высоким уровнем интеллектуального и человеческого капитала и расширение международного научно-технического сотрудничества.

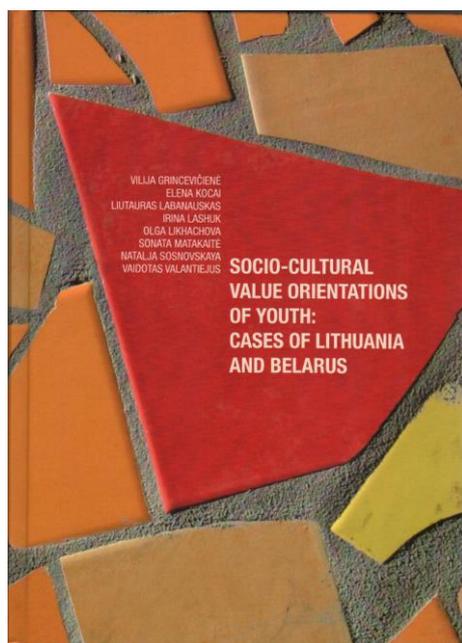
С приветственным словом выступили:

– академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор **Коваленя Александр Александрович**.

– начальник отдела образования и работы с творческой молодежью Министерства культуры Республики Беларусь **Гуляева Елена Григорьевна**.

– директор Института социологии Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь **Котляров Игорь Васильевич**.

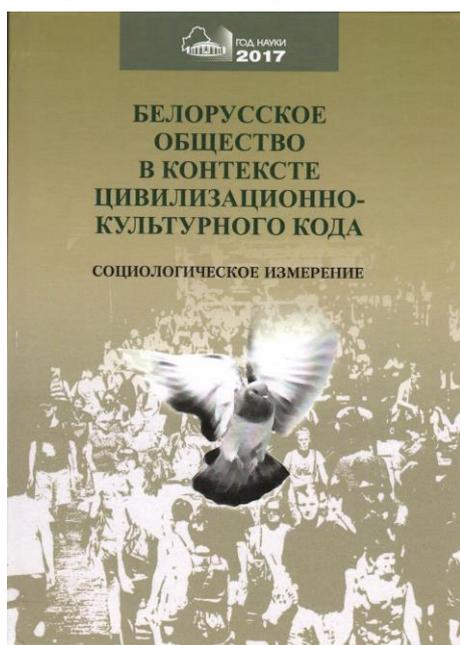
– Профессор кафедры философии, социологии и лингвистики Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Астраханской области «Астраханский государственный архитектурно-строительный университет», доктор социологических наук, доцент **Каргаполова Екатерина Владимировна**.

Открытие семинара было обозначено презентацией серии научных монографий, подготовленных белорусскими и литовскими учеными. Так, Гринцевичене Вилия, профессор Литовского эдукологического университета презентовала коллективную монографию Института социологии НАН Беларуси и Литовского эдукологического университета «**Socio-cultural value orientations of youth: cases of Lithuania and Belarus**», изданную в Литве на английском языке. Профессор обозначила, что это результат совместной работы коллектива ученых из Литвы и Беларуси (в Беларуси при финансовой поддержке ГКНТ) по совместному

гранту «Специфика молодежи как субъекта социокультурного пространства в условиях глобализации и информатизации современного общества». В монографии представлен сравнительный анализ социокультурных характеристик белорусской и литовской молодежи как поколенческой общности. Эмпирической базой исследования явились данные замеров по национальным выборкам двух стран.

Заместитель директора Института социологии НАН Беларуси Лашук И.В. презентовала коллективную монографию **«Поведенческие стратегии потребителей культурной продукции: ценности, интересы, типология»**, которая является результатом масштабного пятилетнего проекта Института социологии НАН Беларуси при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Беларусь.

Соколова Галина Николаевна, руководитель Отдела политической и экономической социологии Института социологии НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор анонсировала третью коллективную монографию Института социологии НАН Беларуси **«Белорусское общество в контексте цивилизационного культурного кода: социологическое измерение»**.

По результатам дискуссии участники пришли к выводу, что тематика международного научного семинара в высшей степени актуальна и своевременна. Были обсуждены перспективы сотрудничества как между странами, так и внутри Беларуси между региональными научными центрами. Обсужден комплекс научно-образовательных, организационно-методических и информационных мер по формированию стратегии управления региональной культурной политикой; проблематике использования культурных ресурсов приграничных территорий; развитию, картированию и брендингу населенных пунктов и формированию культурно-имиджевых ресурсов на местах. Выступления ведущих белорусских, российских и литовских исследователей были посвящены вопросам управления региональной культурной политикой; сравнительному анализу

социокультурных характеристик белорусского общества; проблемам формирования толерантности средствами социально-культурной деятельности; роли молодых специалистов в развитии сферы культуры; социологическому изучению современного состояния сферы культуры и искусства и другим актуальным вопросам, связанным с управлением сферой культуры, изучением культурного разнообразия и толерантности, поддержанием историко-культурного наследия различных локальных культур и их сосуществованию на приграничных территориях.

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ СЕМИНАРА

Святлоў Барыс Уладзіміравіч,
Міністр культуры Рэспублікі Беларусь

Паважаныя арганізатары і ўдзельнікі семінара!

Ад імя Міністэрства культуры і ад сябе асабіста дазвольце выказаць шчырыя віншаванні з нагоды адкрыцця міжнароднага навукова-практычнага семінара “Асаблівасці культурнага развіцця “памежных” тэрыторый: даследаванні і стратэгічнае кіраванне”.

Адметнай рысай сённяшняга мерапрыемства з’яўляецца тое, што яно адбываецца ў год, які абвешчаны ў нашай краіне годам навукі. Яго можна разглядаць у якасці яшчэ аднаго ўдалага прыклада цеснага супрацоўніцтва Міністэрства культуры з Нацыянальнай акадэміяй навук Беларусі ў вырашэнні найбольш актуальных праблем духоўнага жыцця беларускага грамадства.

У сучасных стратэгіях развіцця культурныя аспекты маюць не меншую значнасць, чым аспекты эканамічныя. Культура паўстае ў якасці адной з рухаючых сіл, якія забяспечваюць устойлівае развіццё на карысць цяперашніх і будучых пакаленняў.

Спадзяюся, што работа семінара дазволіць унесці значны ўклад у вырашэнне найбольш актуальных пытанняў сферы культуры, сярод якіх захаванне культурнай разнастайнасці – каштоўнаснага здабытку беларускага грамадства, пашырэнне доступу розных груп насельніцтва да культурных даброт, актыўнае далучэнне грамадзян да культурнага жыцця краіны.

Жадаю ўсім удзельнікам семінара плённых навуковых дыскусій, творчага натхнення і новых здзяйсненняў.

*Каваленя Аляксандр Аляксандравіч,
акадэмік-сакратар Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН
Беларусі, член-карэспандэнт НАН Беларусі*

Паважаныя ўдзельнікі і госці семінара!

Па даручэнні кіраўніцтва Акадэміі навук дазвольце вітаць вас у сценах Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі - галоўнай навуковай установы краіны.

Вучоныя Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў дасылаюць прадстаўнікам Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, гасцям з Расійскай Федэрацыі і Літоўскай Рэспублікі лепшыя словы ўдзячнасці.

Наш семінар праводзіцца ў межах рэспубліканскага плана мерапрыемстваў Года навукі.

Шаноўныя ўдзельнікі семінара!

Сёння вучоныя-гуманітарыі Беларусі ўносяць важкі ўклад у сацыяльна-эканамічнае і духоўна-культурнае развіццё беларускага грамадства. У большасці нашых даследаванняў праводзіцца ідэя цывілізацыйнага развіцця пры захаванні нацыянальных асаблівасцей і гісторыка-культурных традыцый беларускага народа.

Адзначу, што па выніках навуковай працы за 2016 год вучоныя Аддзялення выдалі звыш 2 000 навуковых прац, у тым ліку:

120 кніжных выданняў, з іх 37 манаграфій;

6 падручнікаў;

12 даведнікаў і энцыклапедыяў;

звыш 1300 навуковых артыкулаў,

больш за 500 тэзісаў.

Гэтым самым хачу падкрэсліць, што мы здольны вырашаць самыя складаныя праблемы. Агульная большасць прац гуманітарыяў – гэта даследаванні, якія з'яўляюцца фундаментам устойлівага развіцця нашай краіны, разгортвання ідэалагічнай работы, падрыхтоўкі вучэбных праграм і падручнікаў для школ і ВУНУ. Многія з іх не маюць аналагаў у краінах СНД, упершыню прадстаўлены айчыннай і еўрапейскай навуковай грамадскасцю і выклікалі іх высокую ацэнку.

Даволі плённа працуюць арганізатары нашага сённяшняга семінара - вучоныя Інстытута сацыялогіі.

Так, у 2016 годзе вучонымі-сацыёлагамі ўпершыню неэканамічныя рэсурсы разгледжаны як ключавы фактар моцнай сацыяльнай палітыкі. Распрацаваны тэарэтычныя асновы вывучэння сацыякультурнага кода беларусаў. Абгрунтавана роля сацыякультурнага кода як метадалагічнага інструментарыя пры вывучэнні неэканамічных рэсурсаў, якія фармуюцца ў сацыяльнай сферы (аховы здароўя, адукацыі, турызме і інш.). Распрацаваны

навуковыя падыходы да вывучэння сацыякультурных механізмаў і фактараў кансалідацыі беларускага грамадства.

Як бачна, зроблена шмат. Але наперадзе ў нас вялікая і напружаная праца. Аб'яўленне 2017 года ў нашай краіне годам навукі - гэта не толькі вялікі гонар, але і вялікая адказнасць за нашы творчыя вынікі, якія нам неабходна будзе рэалізаваць практычна. З гэтай нагоды намі запланавана правядзенне шэрагу буйных навукова-практычных мерапрыемстваў, і наш сённяшні семінар - адно з іх.

У кастрычніку 2017 г. плануецца правесці Першы беларускі філасофскі кангрэс "Нацыянальная філасофія ў глабальным свеце"; у чэрвені 2017 года будзе праведзены II Беларуска-кітайскі гуманітарны форум. Запрашаю ўдзельнікаў семінара прыняць удзел у гэтых грамадска-значных мерапрыемствах.

Паважаныя калегі!

Дазвольце яшчэ раз пажадаць удзельнікам форума плённых дыскусій, новых ідэй, творчых поспехаў і эфектыўных рашэнняў, а таксама ўсім нам сацыяльнага і эканамічнага дабрабыту.

Дзякуй за ўвагу!

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*И.В. Котляров,
директор ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»,
Заслуженный деятель науки Республики Беларусь,
доктор социологических наук, профессор.*

В XXI столетии неожиданно для многих мир стал совершенно другим. Он полон рисков и вызовов, энтропии и турбулентности. Резко выросла непредсказуемость как на глобальном, так и на региональном уровнях. Ситуация на планете стала зыбкой, напоминающей трясину топкого болота. Уничтожены социальная стабильность и устойчивое развитие обществ, нарушены культурные и социально-психологические основы, связи и нормы. Серия оранжевых революций прокатилась в странах Ближнего Востока. Суда с беженцами из горячих точек Земли тонут посреди бушующего моря. Тысячи жертв. Человек с мачете может выйти на улицы современных немецких городов и пустить его в действие. Гражданская война бушует совсем недалеко от белорусских границ. Сожжение в Одессе заживо десятков стариков, женщин, детей, выступивших против возрождения фашизма, заставило многих людей совершенно по-другому посмотреть на происходящие в мире политические процессы и события. Современный мир находится в глубоком системном кризисе. Он пришел к нему, даже не понимая его сути.

Однако в центре Европы есть страна, где царит мир и согласие, где ни одна капля крови не упала в межнациональных и межконфессиональных конфликтах, где никогда не умолкает детский смех и спокойно старшему поколению, где живут трудолюбивые и добрые люди, где помнят историю и создают нынешний день, где уважают традиционные ценности, где целенаправленно формируют толерантность и спокойствие, согласие и уверенность в завтрашнем дне.

Это Республика Беларусь. Как показывают социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси, она состоялась как независимое государство. Создан прочный фундамент, позволяющий белорусскому обществу и национальному государству энергично и эффективно развиваться по всем направлениям. Беларусь – сильное государство с высоким уровнем человеческого потенциала, самодостаточности и устойчивости к внешнему воздействию. Несмотря на сложнейшую соци-

ально-политическую ситуацию в конце прошлого века и начале этого, экономические и финансовые проблемы, колоссальное давление извне, благодаря общественной солидарности и согласию белорусское государство успешно движется вперед. Почти три четверти жителей страны с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее, считают, что Беларусь способна и дальше развиваться и прогрессировать, чтобы занять еще более достойное место в мировом сообществе.

Белорусы сформировались как нация. У нас своя культурная матрица, свои особенности, свои преимущества. Беларусь является сообществом национального единства в море хаоса, организованной силой борьбы против рисков и вызовов. В стране живое воплощение толерантности и терпимости к разным культурам, традициям и взглядам. Диалог, дружба пронизывают все белорусское общество и являются эффективным средством взаимопонимания людей, наций, религий. В мире хаоса и злости они стали основой развития межконфессиональных и межнациональных отношений. Как результат, все нации и религии, культуры и социальные группы являются равноправными и равноценными.

Сегодня все хорошо. Но что будет завтра? Повлияют ли события, происходящие сегодня во всем мире, на белорусскую социальную реальность? Конечно, повлияют. Но как? На этот и многие другие вопросы помогает найти ответы проводимый Институтом социологии НАН Беларуси социологический мониторинг – систематически повторяющиеся социологические исследования, проводимые по специально разработанной методике с применением специализированного инструментария, направленные на выявление важнейших тенденций и закономерностей развития белорусского общества и принятие необходимых управленческих решений.

Но этого в современных условиях явно недостаточно. Тогда ученые института сделали принципиально новый ход в своих исследованиях, в попытке спрогнозировать, какой видят свою страну в будущем жители Беларуси. Прогнозированием социология, как правило, не занимается, и социологическое исследование «Беларусь–2030» было первым на постсоветском пространстве.

Был обнаружен весьма любопытный тренд, на который ученые института раньше не обращали особого внимания. Как оказалось, в белорусском обществе достаточно высок индекс общественных ожиданий, который показывает, насколько оптимистично смотрят жители страны в будущее. Респонденты не только видят национальное государство сильным и процветающим, но и готовы приложить максимум усилий для того, чтобы эти ожидания сбылись.

Как показывают социологические исследования, белорусские нация и государство имеют свои исторические, национальные и социокультурные историю и традиции, ценности и особенности, идеологию и

менталитет, которые во многом детерминируют современное состояние общественного сознания общества и влияют на понимание будущего. Для того, чтобы изучить особенности социальных процессов в белорусском обществе, ученые Института социологии НАН Беларуси вышли на идею необходимости выявления степени влияния различных субъективных факторов и объективных причин на формирование настоящего и будущего национального государства, создания парадигмы цивилизационного кода белорусского общества.

Прежде всего, важно понять, что такое цивилизационный код. Предлагается следующее авторское определение – это исторически сложившаяся система (набор) знаков, символов, средств антропологического и социокультурного характера, определенных коммуникаций (отношений), элементов самовыражения, своеобразных маркеров, формирующих социальное пространство национальной реальности и благодаря которым передается социальный опыт и смысл жизни от поколения к поколению, идеалы цивилизации воспроизводятся в преемственности людей, которые адекватно воспринимают и реагируют на происходящие пространственно-временные процессы.

Главная установка цивилизационного кода заключается в наличии определенной системы самобытных, доминирующих в обществе ценностей и смыслов, взглядов и традиций, форм общения и социальных укладов, исторической памяти и мировоззрения, поведенческих форматов и знаний, умений и навыков. Именно они детерминируют развитие нации и общества, передаются из поколения в поколение через образование и воспитание, позволяют справляться с рисками и вызовами, сами формируются в процессе исторического развития, интеллектуального, нравственного и эстетического воспитания.

Цивилизационный код – это способ передачи определенной информации: знаний о мире и социального опыта, навыков и умений в данной социокультурной среде, а в его смысловом значении лежит аттитюд об устойчивом комплексе формальных и неформальных принципов и правил, норм и установок, регулирующих взаимодействие людей в определенной сфере жизнедеятельности и организующих его в систему ролей и статусов и способных послужить основой для формирования и развития цивилизационных отношений.

Цивилизационный код – это целостный, устойчивый, идущий через многие столетия комплекс часто неосознаваемых социальных и культурных предписаний, поведенческих установок и практик. Он достаточно сложен и эффективен, отлажен, но постоянно изменяется, учитывая вызовы и риски времени и социальной реальности.

Что входит в его структуру? Цивилизационный код предполагает при всех экономических и идеологических, политических и социальных различиях набор определенных смыслообразующих факторов, характерных черт, фундаментальных ценностей, долговременных признаков, культурных и религиозных, духовных и этнических характеристик, исторических традиций, особенностей менталитета.

Цивилизационный код, согласно теории П. Бурдьё, можно понимать как социальное пространство, в котором тесно взаимодействуют основополагающие, системообразующие психологические характеристики, связанные с определенными поведенческими и ментальными стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, различными социальными и идеологическими ориентациями, различные социально-политические субъекты и институты, организации и институты, роли, процессы, связи, смыслы, взаимодействия, отражающие политические, социальные, правовые, идеологические и культурные нормы и принципы, исторические традиции, ценностные установки и ориентиры. Поле представляет собой конкретно заданный тип игры, в нем имеется своя логика или свои правила игры. При этом в поле цивилизационного кода можно выделять субполя, например, культуры (в узком смысле), образования, здравоохранения, спорта, туризма, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Социальная структура в многомерном пространстве цивилизационного кода детерминируется позициями агентов, определяемыми в свою очередь общим объемом социального капитала и удельным весом стратегий поведения и базовых ценностей, культурных и религиозных, духовных и этнических характеристик и т.д.

Социальное пространство цивилизационного кода можно понимать как пространство коммуникативное. Взаимодействия происходят как на уровне хронологическом, так и на уровне топологическом, способствуя самоидентификации цивилизационного кода, выделению его структурных элементов и смысловых элементов. Социальное пространство цивилизационного кода – это особый коммуникативный феномен, где коммуникация между локальными цивилизациями осуществляется в ходе диалога между ними, через формирование особого коммуникационного поля смыслового взаимодействия.

Одним из важнейших структурных элементов цивилизационного кода является историческая память. Важно любить и помнить, понимать и уважать историю. История – это не просто череда событий и фактов, дат и имен. Это, прежде всего, понимание истинных причин и взаимосвязей самых различных явлений и событий, причем причин глубинных, уходящих истоками во времена, часто бесконечно далекие от тех, когда эти явления и процессы происходили. Важно понимать, что в истории все взаимосвязи и

факты, явления и процессы, события и люди, причины и следствия взаимосвязаны друг с другом. Только честный и порядочный ученый, анализируя бесконечную цепочку замысловато переплетенных событий и причинно-следственных связей, способен увидеть и понять истинный смысл исторических событий, их грозную эпическую красоту, запомнить и запечатлеть на различных носителях, не насилуя ее ради сиюминутных интересов недалеких политиков. Ложное толкование исторических фактов уводит последующие поколения от понимания того, как это было на самом деле, от той действительной опоры, от того фундамента, на котором возводится современное общество.

История – это реализация конкретного цивилизационного кода. В истории нет ничего случайного, она сама выбирает героев. Великий русский поэт А.С. Пушкин отмечал, что историю дал нам Бог, и она в принципе не могла быть иной. Исторические достижения белорусского народа всегда опирались на национальное сознание и менталитет, нравственность и духовность, культурные традиции, интересы и ценности.

Важно понять, что объединяет общество: воспоминания о прошлом или модель будущего? Известный писатель Джордж Оруэлл утверждал, что кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее. Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, то будущее выстрелит в тебя из пушки, – подчеркивал великий поэт Расул Гамзатов.

Вспомним, перестройка началась с того, что прошлое белорусского народа целенаправленно облили грязью. В истории и литературе культивировался образ белоруса как жертвы убогости, отсталости, недалекости. Хотя вспомним, даже национальные классики писали о белорусах – пан сохи и косы. Многие поколения белорусов выросли на постоянном и целенаправленном навязывании комплекса неполноценности, что не могло пройти бесследно. Даже в наши дни трудно многих писателей, журналистов, аналитиков убедить в том, что предки белорусов не были убогими людьми. Они владели богатейшим арсеналом духовной и материальной культуры, что белорусы – великая нация, имеющая свои духовные корни, что белорусов знали если не во всем мире, то в Европе – точно, что в прошлом белорусское государство было одним из самых сильных и влиятельных на европейском континенте. В то же время следует особо подчеркнуть склонность белорусского народа к коллективности и общинности, соборности и колхозности, коммюнитарности и другим разновидностям коллективистического общественного строя и массового мировоззрения и целостного умонастроения. Недаром Беларусь в сложные времена была «самой советской республики», а для некоторых белорусских писателей – даже «Вандеей».

Действительно, кто пишет историю, тот во многом определяет будущее. Именно в прошлом содержатся уроки, которые нужно усвоить, чтобы

двигаться в будущее. Но в истинном, а не придуманном прошлом. Прошлое проектирует будущее, оно перебрасывает мосты в завтра. Историческая память социально детерминирована. Она формирует образы и символы, апеллирует к прошлому, к традициям, закрепляет смыслы и канонизирует ценности, связывая прошлое, настоящее и будущее многих поколений, делая их народом с собственной и неповторимой парадигмой развития.

Важно в рамках цивилизационного кода наиболее полно раскрыть специфически сущностные черты и структурные элементы исторической памяти, их роль в сохранении и укреплении социально-духовных оснований бытия. Особенно это важно сегодня, когда достаточно явно прослеживаются противоречия между исторической памятью, с одной стороны, и ситуацией, когда разнообразные знаковые события трактуются совершенно по-разному, а учебные пособия и средства массовой информации откровенно лгут, используя фашистские идеологические подходы.

Совершенно не прав Фридрих Ницше, который утверждал, что «настоящее же, то есть бытие, не нуждается в памяти». Очень трудно согласиться с ним и его современными последователями, которые активно занимаются «перепроверкой толкований событий прошлого» и «критическим переосмыслением прежних оценочных критериев в новой парадигме». Они, ссылаясь на Ф. Ницше, пытаются переписать историю, утверждая, что события прошлого имеют ценность и значения только для того времени, говорят о препятствиях объективного подхода в историческом познании как условия истинности и правды.

Историческая память гипотетически способна формировать как негодяев, так и патриотов. Если каждый гражданин, государство и гражданское общество с уважением относятся к своему прошлому, каким сложным оно не было, к могилам своих предков, к сединам отцов, то формируется нация, народ, любящий, уважающий свою Родину. Если же часть нации, пусть даже и очень продвинутая, разрушает памятники, обливает грязью историю, своих предшественников, то в этой стране обязательно вырастут такие люди, которые через некоторое время, повторяя опыт старших товарищей, уничтожат все они, эти старшие товарищи, делали. В такой стране, в принципе, не может быть патриотов. И если матери рожают нормальных людей, то неуважение к исторической памяти сделает из них негодяев. И подобных случаев в современной истории достаточно много, когда патриоты пытаются остановить негодяев, и, как результат, погибают старики, женщины, дети.

Важными компонентами цивилизационного кода являются традиции и обычаи, которые, несмотря на динамизм общественного развития и существенное увеличение социального пространства, являются важнейшими механизмами передачи духовных ценностей и социального опыта, сохранения того лучшего, что было у наших предков. Они являются формами движения

общества в будущее, так как придают развитию направленность, освобождают его от неоправданных колебаний.

Традиции нужно беречь, добиваться, чтобы люди не стали бы «манкуртами», не помнящими родства. Если в обществе нет своих традиций, то люди будут воспринимать культуру чужих государств. В таком случае теряется лицо народа, его самобытность. Зачем копировать образ жизни других социальных групп и национальностей, как сейчас иногда делается, отвергая жизненный опыт собственной Родины?

Белорусское государство и общество ценят, помнят и уважают свои традиции. Для многих жителей Беларуси Великий Октябрь был победой социальной справедливости. Он и остался им и сейчас. Может быть, поэтому социальная справедливость как ценность для белорусов является не пустым словом. Красный флаг над Рейхстагом, пропитанный кровью наших дедов, – это тоже традиция. Он и сегодня гордо реет над одним из символов белорусской столицы – Музеем истории Великой Отечественной войны. И пятилетний мальчишка, который раньше родителей бежит в этот музей, будет прекрасным хранителем и продолжателем традиций. И пусть у него в будущем в жизни будет много музеев, но этот останется главным. Пока в Музей истории Великой Отечественной войны «не зарастет народная тропа» гарантировано прекрасное будущее. Социологические исследования показывают, что если не ломать, не уничтожать традиции, не идти на колоссальные цивилизационные риски и издержки, связанные с уничтожением всего того лучшего, что есть, то народ, нация, общество будут успешно развиваться и целенаправленно идти вперед. Не так, как это происходит у некоторых наших соседей, где граждане оскорбляют друг друга, морально и физически убивают, глумятся над памятью предков, разрушают их могилы, уничтожают символы и памятники.

В связи с этим важно сформировать возможные защитные модели цивилизационного пространства, определяющие отношения Свой-Чужой. Желание индивидов упорядочить в сознании окружающую социальную реальность в соответствии со своими потребностями приводит к конкретным действиям по созданию различного рода границ. И это логично, так как любая локальная цивилизация всегда стремится к установлению границ, к выделению социального пространства собственного бытия и определению канонов Другого, чуждого мира. В социокультурном смысле граница призвана институализировать собственное пространство, воспроизводить представления о дихотомической структуре социальных моделей. Граница – место сознательного выбора человека. Именно на пограничном пространстве, в пограничной детерминируется жизненный путь индивида, происходит его противодействие законам Другого мира. Человеку всегда приходится проходить через специфически очерченные границы, важнейшими

свойствами которых является динамичность, ситуативность, контекстуальность, выбирать между Добром и Злом, Подлостью и Порядочностью.

В социальной реальности имеется особый пространственно-цивилизационный феномен – приграничье. Под ним можно понимать единое социальное пространство сопредельных регионов, которое структурируется трансграничными социокультурными сетями. Вопросы Сохранение и развитие таких элементов цивилизационного кода как духовно-нравственное воспитание молодежи, толерантность, бережное отношение к материальной и духовной составляющим исторического наследия в поликультурных и многоконфессиональных средах – одна из важнейших задач органов государственной власти и местного самоуправления, общественности и бизнеса при участии традиционных для региона конфессий. Приграничное сотрудничество – один из важнейших государственных приоритетов Беларуси. Поэтому развитие социально-экономических и культурных взаимоотношений между приграничными регионами весьма актуально. Его важно использовать для дальнейшего развития государства. Ведь развитая экономика и богатый культурный слой Беларуси, её история, традиции и памятники, богатейшие природные и ландшафтные объекты постоянно привлекают в нашу страну бизнесменов и предпринимателей, туристов и зарубежных гостей.

Важно выявить социальные механизмы, существенно влияющие на развитие ценностей белорусского общества, определить факторы, формирующие идеалы и ценностные ориентиры граждан. Под механизмами формирования и развития структурных элементов цивилизационного кода можно понимать комплекс институтов, общественных и государственно-правовых структур и отношений, которые с помощью различных методов, способов и средств, с учетом политических, социальных и экономических факторов воздействуют на возникновение, развитие и изменение цивилизационных параметров.

Анализ важнейших структурных элементов социального механизма, влияющего на элементы цивилизационного кода, следует начать с культуры. В условиях, когда идейный дефицит заполняется чуждыми национальным традициям ориентирами и критериями духовной и материальной жизни, это особенно важно. Недаром профессор Преображенский в известной книге Михаила Булгакова «Собачье сердце» отмечал, что «разруха начинается в головах». Действительно, все беды, все проблемы начинаются с кризиса в головах, недостатка элементарной культуры.

Культура – основа общества, его становой хребет, образ мышления, содержание миропонимания и мировоззрения. Именно она определяет, как и кем ощущает себя человек и как он ведет себя в мире. Культура – это самое устойчивое, что есть в любом обществе. Мы видим, какие сильные эмоции несет в себе патриотизм, любовь к родному языку, к своему народу. Они

составляют смысл жизни, благодаря им человек и остается человеком на земле. Стремление заставить кого-то отказаться от культуры можно рассматривать как попытки самоубийства не только их самих, но и общества в целом.

Важным фактором цивилизационного кода является менталитет. Это устойчивый комплекс основополагающих представлений и проявлений субъектов социума, который формируется на основе социальной и духовной практик предыдущих поколений, но в настоящее время во многом детерминирует общественное и индивидуальное сознание и политическое поведение индивидов. У каждой нации имеется свой менталитет как образ жизни, биологически и социально обусловленная духовность, способ мышления, склад ума, нравственный настрой, мировосприятие, неповторимость и оригинальность национального характера. Белорусская нация в процессе исторического развития приобрела свои особые черты, которые передаются из поколения в поколение. Среди них – образ жизни и язык, этническое самосознание и топонимия, традиции и обряды. Эти качества отличают белорусов от других народов, которые и издревле живут рядом с ними. Исторический опыт и социальная реальность показывают, что незнание менталитета народа, его прошлого и настоящего ведет к разрушению преемственности между поколениями – цепи времен, что наносит непоправимый урон развитию человека и народа в целом.

В Беларуси достаточно высокий уровень культуры. Она постепенно становится одним из важнейших приоритетов развития белорусского общества, развивается рынок культурных товаров и услуг, призванный удовлетворять познавательные-образовательные, коммуникативные, художественно-творческие и другие потребности различных социальных групп Беларуси. Отличительными чертами белорусской культуры всегда выступали взаимное уважение, неприятие любых форм враждебности на религиозной либо этнической почве. И в то же время кризисные явления затронули и эту часть белорусского общества: существенно падает интерес к театрам и кино, все меньше людей посещает библиотеки и концертные залы, читает книги.

Цивилизационный код – это ценности и идеология, организация и стиль. Различные социальные и политические субъекты предлагают разные векторы развития для цивилизации, стремясь обеспечить ее доминирование. Для успешного движения вперед в условиях масштабных политических и экономических преобразований необходим комплексный анализ взаимосвязи, характера и динамики социально-экономических структур населения и системообразующих элементов цивилизационного кода, формирование на этой основе исторически и культурно адаптированных моделей национального развития.

Бездумное копирование матрицы развития других народов приводит к сужению исторической перспективы. Нам необходимо разработать национальную цивилизационную систему ценностей, подстроить под нее образовательный, информационный процесс, сформулировать национальную идею и идеологию белорусского государства и донести их до широких слоев населения через систему образования и средства массовой информации, культуру и политику.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ МОЛОДЕЖИ ЛИТВЫ

*Елена Коцай,
заведующая кафедрой социальной работы и социологии
Литовского эдукологического университета,
Doctor of Philosophy (PhD).*

*Виля Гринцевичене,
профессор
Литовского эдукологического университета.*

Американский социолог Джордж Герберт Мид утверждает, что поведение человека в социальной группе таково, что оно может стать объектом для себя, принимая к себе отношение других индивидов в контексте социальной среды, поведения и опыта. Жизнь каждого человека вращается в пространстве, которое определяется определенными условиями общества. Таким образом, удовлетворенность жизнью (качество жизни, благополучие, благосостояние, уровень жизни, удовлетворение, счастье и так далее) молодого человека не зависит только от его собственных усилий. Общественная культура, преобладающие ценности и нормы определяют пространство жизнедеятельности, направляя в него целенаправленно. В силе мощи личности на её ранних стадиях кроится потенциал, имеющий в себе зачатки физических, умственных и духовных сил, из которых в ходе жизни (в процессе социализации) появляются личностные характеристики человека, формирующие только ему характерные черты: культуру общения, самовыражение, творчество в деятельности и мышлении и т.д. [1].

Проблемы молодежи актуальны и важны во все времена. В нашей стране быстро происходящие социально-экономические, демографические, духовные перемены общества создают новые проблемы для молодого поколения. Сегодня для него важно не только преодолеть личностные вызовы, но и адаптироваться к быстрым изменениям общества и технического прогресса, найти в себе ресурсы, чтобы успешно решить возникающие проблемы. Позитивному социальному здоровью молодежи уделяется все больше внимания, потому что заботящееся о своем будущем общество

должно предложить противовес молодежным вызовам и создать более безопасную и счастливую модель жизни будущего. В разных странах проведённые исследования показывают, что счастливые и довольные своей жизнью люди легче решают свои проблемы, поддерживают значимые социальные отношения, более устойчивы к стрессу [2], чувствуют себя здоровее и живут дольше [3].

Сегодня проблематика удовлетворенности жизни в Литве привлекает к себе внимание ученых из разных областей: социологов, экономистов, врачей, психологов, педагогов. Над этой темой работают С. Крутулене [4], В. Гринцевичене, Й. Гринцевичюс [5], Й. Каляткайте, Л. Булотайте [6], Й. Ружевичюс [7] и др. В Литве наблюдается недостаточное количество репрезентативных исследований удовлетворенностью жизнью на национальном уровне, которые могут всесторонне отражать основную ситуацию социально-экономического развития страны. Поэтому, объектом нашего исследования выбрана удовлетворенность жизнью литовской молодежи. Цель этой статьи – проанализировать удовлетворенность жизнью молодежи на микроуровне по их субъективному мнению, т.е. как человек лично оценивает удовлетворенность своей жизнью; рассмотреть, в соответствии с какими социально-демографическими характеристиками (пол, образование, место жительства, возраст, материальное положение) различия удовлетворенностью жизнью статистически значимы и незначимы. В статье представлены результаты репрезентативного опроса 2015 года, проведённого в рамках литовско-белорусского проекта «Специфика молодежи как субъекта социокультурного пространства в условиях глобализации и информатизации современного общества». В ходе исследования опрошено 1050 респондентов из Литвы в возрасте от 16 до 29 лет. Метод исследования – анкетный опрос. Выборка – неслучайная репрезентативная, стратифицированная по возрасту, месту жительства, полу, образованию. Анализ данных проводился, используя программное обеспечение SPSS.

Различные методы оценки удовлетворенности жизнью, благосостояния, общественного счастья, качества жизни описаны в научной литературе и применяются в мировой практике с 1970 года [8]. Одной из проблем, возникающих в исследовании удовлетворенностью жизнью, является то, что удовлетворенность жизнью не воспринимается однозначно и разные ученые выбирают разные методы её оценки. В научной литературе используются различные термины, предназначенные для описания удовлетворенности жизнью человека: хорошая жизнь, качество жизни, благополучие, благосостояние, уровень жизни, удовлетворенность, счастье и так далее. Тем не менее, это термины с разными значениями и во многих случаях не могут использоваться в качестве синонимов, хотя и взаимосвязаны. Очевидно, что происхождение этих терминов связано с различными научными дисциплинами: психологией, медициной, социологией, экономикой.

Хотя валовой внутренний продукт (ВВП) по-прежнему считается основным показателем экономического развития, по которому легко сравнить прогресс страны с точки зрения времени и географии, важно понять, что ВВП не отражает социальное неравенство, состояние общественного здравоохранения, качество окружающей среды. Своего рода прорывом, не обращая внимания на экономические показатели, стала еще в 1972 году королём Бутана Джигме Сингье Вангчуком выдвинутая идея - благополучие страны измерять не по объему ВВП, а по валовому национальному счастью населения (ВНС). С тех пор премьер-министр Королевства Бутана, как обычно с 1972 года, в своём ежегодном докладе о положении страны основывается на девяти измерениях: психологическое благополучие, использование времени, общественная жизнеспособность, культура, здравоохранение, образование, разнообразие среды, уровень жизни, правительство [8]. Этот метод не только психологи, но и экономисты считают чрезвычайно эффективным.

Ученые западного мира признают, что для оценки удовлетворенности жизнью важны не только показатели экономического, но и социального уровня жизни: смертность населения, средняя продолжительность жизни, уровень образования. Одним из главных всё же остаётся вопрос об операционализации и измерении удовлетворенности жизнью.

В 1984 г. представители американской медицины сформировали индекс качества жизни, которым можно измерить и удовлетворенность жизнью, и важность различных аспектов жизни и значения для человека [9]. Индекс состоял из 5 компонентов: качество жизни в целом и в следующих 4 областях – здоровье и деятельность, психологическое, духовное ощущение, социально-экономическое благополучие, семейная жизнь.

В 1985 г. американские психологи писали, что удовлетворенность жизнью – это когнитивная (познавательная) конструкция, определяемая как субъективно воспринимаемая человеческая реальность, в которой индивид живет, соответствуя ожиданиям из прошлого в отношении к жизни [10]. Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера измеряет когнитивную оценку соответствия жизненных обстоятельств ожиданиям индивида и до сих пор имеет обширную практику применения. Специфика психологического изучения удовлетворенности жизнью заключается в его субъективном характере. Удовлетворенность жизнью, как утверждает российский психолог Р. М. Шамионов, представляет собой сложное, динамичное социально-психологическое образование, основанное на интеграции когнитивных и эмоционально-волевых процессов, характеризующееся субъективным эмоционально-оценочным отношением – к себе, социальным отношениям, жизни, труду – и обладающее побудительной силой, способствующей действию, поиску, управлению внутренними и внешними объектами [11].

Несомненным является то, что на субъективную оценку удовлетворенности жизнью оказывают влияние разнопорядковые детерминанты: объективные предпосылки, внешние и внутренние условия, универсальные факторы. Как

утверждает белорусский социолог Л. П. Галич, в удовлетворенности проявляется отношение к жизни, которое зависит от субъективных (ценностные ориентации, социальные и физические особенности личности) и объективных факторов (социальные, экономические, политические, культурные процессы и условия) [12]. «Удовлетворенность жизнью обусловлена преимущественно не реальным состоянием насыщения потребностей и объективными факторами жизнедеятельности, а часто стереотипами, ценностными представлениями, стремлениями к самоутверждению, к социальному признанию, одобрению и престижу». По мнению социолога, удовлетворенность отражает жизненные установки, мотивацию, потребности и ожидания. Л. П. Галич предложила структуру общей удовлетворенности жизнью, в которую входят такие ее частные проявления, как удовлетворенность тем, как человек 1) питается, 2) одевается, 3) отдыхает, 4) условиями проживания, 5) личной безопасностью и безопасностью своих близких, 6) собственными жизненными перспективами.

Как видим, удовлетворенность жизнью – сложное, комплексное понятие, аккумулирующее множество аспектов, которые дополняют друг друга и одновременно акцентируют разные значения.

Социально-демографические характеристики респондентов отражены в таблице 1.

Таблица 1. – Социально-демографические характеристики респондентов (n = 1050)

Характеристики		%
Пол	Женщины	48
	Мужчины	52
Образование	Начальное образование	23,8
	Среднее образование	34,5
	Среднее специальное образование (техникум, профессиональный колледж)	8,8
	Высшее не университетское образование	7,5
	Высшее университетское образование	25,4
Место жительства	Вильнюс	10,1
	Четыре главных города страны	26,0
	Районные центры, малые города	39,3
	Сельская местность	24,6
Возраст	16-18 лет	32,2
	19-24 лет	33,2
	25-29 лет	34,6

Респондентом был задан вопрос, который они должны оценить по 10-бальной шкале, где показатель «0» является минимальным (наибольшая не-

удовлетворенность), а показатель «10» – максимальным (наибольшая удовлетворенность) (эта шкала близка шкале Э. Динера «Удовлетворенность жизнью» (SWLS)).

Совершенно не удовлетворен (-а)		Насколько Вы в целом удовлетворены Вашей жизнью сегодня?							Полностью удовлетворен (-а)		Не знаю	Отказываюсь отвечать
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	-1	-2

По данным опроса, общий показатель удовлетворенности жизнью молодежи составил 7,85 баллов по 10-балльной шкале. Исследование показало, что в высшей степени довольны своей жизнью 24% респондентов. Более-менее довольны своей жизнью (средний результат 5 баллов) – 12%. Совершенно недовольными своей жизнью оказались 3% респондентов.

По таким характеристикам как образование, место жительства и возраст значимых различий нет. Были выявлены значимые различия между юношами и девушками по удовлетворенности жизнью в целом. Удовлетворенности жизнью у девушек на статистически значимом уровне выше, чем у мужчин. Женщин в большей степени устраивает их жизнь. Возможно, это связано с определенными гендерными стереотипами, в соответствии с которыми к мужчинам предъявляются более высокие требования по материальным, социальным параметрам. Также выявлены значимые различия между самооценкой материального положения и удовлетворенностью жизнью. На рисунке 1 видно, что молодые литовцы отмечают (45%) средний уровень материального положения (вариант ответа “на данный момент для меня ни трудно, ни легко зарабатывать деньги”).

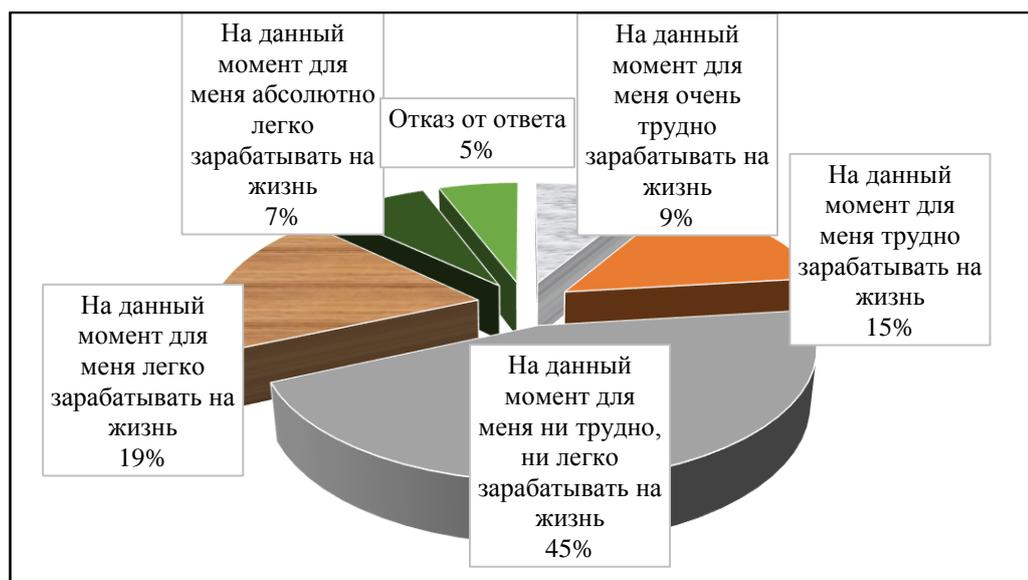

Рисунок 1 – Самооценка материального положения молодежи (n = 1050)

У тех респондентов, которые хуже оценивают своё материальное положение, удовлетворенность жизнью меньше. И наоборот. Чем выше юноши и девушки оценивают свое материальное положение, тем выше у них удовлетворенность жизнью. Это говорит том, что материальный фактор важен, оценивая удовлетворенность. Хотя материальное благополучие – это лишь один из аспектов удовлетворенности жизнью.

Показатели нашего исследования не носят исключительно молодёжный характер, они представляют собой оценку литовского общества в целом. В Литве с 2003 г., как и в других странах Европы, периодически считаются удовлетворенность жизнью и индекс счастья. До сегодняшнего дня уже выполнены 4 таких исследований (в 2003 г., 2007 г., 2012 г., 2016 г.). Эти опросы основаны на объективных показателях ресурсов и условий жизни населения, а также на субъективном мнении жителей. Удовлетворенность жизнью и счастье населения оценивается по 10-бальной шкале. В 2015 г. в литовской прессе писалось, что удовлетворенность жителей Литвы своей жизнью достигла рекордно высокого уровня ($n = 1005$). По данным опроса, удовлетворенность жизнью составляла 75%, это на 6 процентных пунктов больше, чем в 2014 г. [13]. В Европейском союзе (ЕС) своей жизнью довольны в среднем 81% респондентов. 37% литовцев считает, что экономическая ситуация в стране хорошая. В Латвии и Эстонии этот показатель составил 23% и 47%, в то время как в ЕС - 40%. Почти треть литовских респондентов (32%) положительно оценила своё трудоустройство, а 62% свое финансовое положение оценили как хорошее.

Ситуация в белорусском обществе похожа. В своей статье в 2015 г. белорусский социолог Л. П. Галич представляет компаративный анализ оценок белорусов и россиян удовлетворенности текущей жизнью и различными ее составляющими. Опрос показал, что среди белорусов 77,4% респондентов удовлетворены тем, как они питаются; 69,9% – тем, как одеваются; 66,8% удовлетворены своим жилищем; 42,6% удовлетворены тем, как отдыхают; 76,6% удовлетворены своей безопасностью и безопасностью близких; 58% удовлетворены своими жизненными перспективами. Оценивая то, как складывается жизнь в целом, 67% населения Беларуси высказались, что удовлетворены собственной жизнью. Отрицательный ответ на данный вопрос был распространен среди 32,5% белорусов [13].

Резюмируя можно сказать, что оценка удовлетворенности жизнью, как и сам термин, особенно интересует наши общества последние два десятилетия. Периодически проводятся исследования, цель которых выявить уровень удовлетворенности жизнью населения. Показатели удовлетворенности жизнью литовской молодежи, как и общества в целом, достаточно высоки. Удовлетворенность жизнью статистически значимо различается в соответствии с такими социально-демографическими характеристиками как пол и материальное положение. Субъективный метод оценки удовлетворенности жизнью на основе прямых вопросов, как респонденты оценивают свою удовлетворенность по ка-

ким-то аспектам, является прекрасной альтернативой для традиционных измерений эффективности экономической политики, которая во многих случаях ограничивается макроэкономическими показателями.

Библиографический список

1. Meadas, G. H. Savimonė (Self) / G. H. Meadas // *Sociologija. Mintis ir veiksmai*. – 1998. – № 2. – С. 132–135.
2. Park, N. The Role of Subjective Well-Being in Positive Youth Development / N. Park // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2004. – № 591. – С. 25–39.
3. Diener, E. Happy People Live Longer: Subjective Well-Being Contributes to Health and Longevity / E. Diener, M. I. Chan // *Applied Psychology: Health and Well-being*. – 2011. – № 3 (1). – С. 1–43.
4. Krutulienė, S. Gyvenimo kokybė: sąvokos apibrėžimas ir santykis su gero gyvenimo terminais / S. Krutulienė // *Kultūra ir visuomenė*. – 2012. – № 3 (2). – С. 117–130.
5. Grincevičienė, V. Aspect of Life Quality in Secondary Socialization: Experience of Learners' Parents / V. Grincevičienė, J. Grincevičius // *Pedagogika*. – 2014. – № 116. – С. 159–169.
6. Kaliatkaitė, J. Gerovės samprata sveikatos moksluose ir psichologijoje: tyrimai, problemos ir galimybės / J. Kaliatkaitė, L. Bulotaitė // *Visuomenės sveikata*. – 2014. – № 1 (64). – С. 1–24.
7. Ruževičius, J. Qualité de vie: notion globale et recherche en la matière / J. Ruževičius // *International Business. Innovations, Psychology, Economics*. – 2013. – № 4(2). – С. 7–16.
8. Servetkiene, V. Lietuvos gyventojų gyvenimo kokybės pokyčiai: statistika ir realybe / V. Servetkiene // *Societal Innovations for Global Growth*. – 2012. – № 1(1). – С. 792–815.
9. Ferrans, C. Quality of Life Index: Development and psychometric properties / C. Ferrans, M. Powers // *Advances in Nursing Science*. – 1985. – № 8. – С. 15–24.
10. The satisfaction with life scale / E. Diener [et al.] // *Journal of Personality Assessment*. – 1985. – № 49. – P. 71–75.
11. Шамионов, Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы: монография / Р. М. Шамионов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. – 2008. – 296 с.
12. Галич, Л. П. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью белорусов и россиян / Л. П. Галич // *Социологический альманах*. – 2015. – № 6. – С. 465–472.
13. Lietuvių pasitenkinimas gyvenimu – rekordinėse aukštumose [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tv3.lt/naujiena/861952/lietuviu-pasitenkinimas-gyvenimu-rekordinese-aukstumose>. – Дата доступа: 12.06.2017.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНТАКТНЫХ СООБЩЕСТВ ПРИГРАНИЧЬЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА

А.И. Винокуров,

проректор по научной работе

ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств»,

кандидат психологических наук, доцент.

Процессы глобализации открывают возможность приграничным регионам активизировать внешнеэкономическую деятельность; строить инновационную экономику, создавая «большое экономическое пространство приграничья». Важное значение в связи с этим приобретают сравнительные исследования контактных сообществ приграничья; оценка степени влияния близкородственных культур на региональный процесс соседей; описание типа складывающейся социокультурной ситуации приграничья.

Сравнительный анализ в сфере культурной вариативности является перспективным исследовательским подходом к изучению изменений, происходящих в различных культурах в результате межкультурных контактов, он содержит широкие возможности исследования российско-белорусских этнокультурных приграничных регионов [1, с.11-19], [4, с.11-18].

Методология социокультурного портрета региона разработана членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным и профессором Л. А. Беляевой [3, с. 111]. Особенностью методологии портрета является его жанр – портрет рассматривается как способ изучения объекта и как форма изложения полученных результатов. Как способ портрет характеризуется комплексностью, системным единством анализа и синтеза важнейших характеристик региона. Форма изложения предполагает наглядность представления эмпирических данных, их визуализацию. Сопоставимость результатов исследований обеспечивается единством типовых параметров, методов сбора эмпирических данных, расчета результирующих индексов и индикаторов, стандартизированной визуализацией.

На основе сопоставления социокультурных сообществ Смоленской, Витебской и Могилевской областей предполагается разработать крупномасштабный социокультурный портрет, показывающий особенности влияния близкородственных культур на региональный процесс соседей. Проект является первым отечественным опытом проведения поисково-описательного исследования межкультурного взаимодействия сообществ российско-белорусского приграничья.

Для достижения поставленной цели планируется решение ряда исследовательских задач, объединённых в 4 блока:

Первый блок задач связан с разработкой методологических подходов к рассмотрению особенностей исследования межкультурного взаимодействия в зоне приграничья. Это предполагает:

осмысление социально-философских и социокультурных обоснований применения поисково-описательного исследования социумов российско-белорусского приграничья;

разработку методологии проведения исследования межкультурного взаимодействия малых сообществ в зоне российско-белорусского приграничья.

Второй блок задач посвящен анализу результатов сопоставления особенностей социокультурных сообществ Смоленской, Витебской и Могилевской областей. Для этого понадобится:

создание информационной базы для наполнения портрета статистическими данными и данными социологических исследований;

сопоставление особенностей социокультурных сообществ Смоленской, Витебской и Могилевской областей, показывающих социокультурную ситуацию приграничья, детализированную до уровня антропно-культурной, институционно-регулятивной, социо-экономической сфер.

Третий блок задач, включает:

выявление путей и методов развития сотрудничества и интеграции во взаимоотношениях между государственными учреждениями, бизнес-сообществами, масс-медиа и гражданами России и Беларуси;

описание ситуации, проблем и перспектив социокультурной модернизации уникального субэтноса западной провинции России – Смоленской области.

Четвёртый блок задач реализует:

разработку рекомендаций властям регионального и муниципального уровня регионов приграничья по тактике и стратегиям противодействия вызовам и угрозам сохранению самобытных народных культур России и Беларуси, попыткам их унификации в практиках массовой культуры и развертывания новых форм давления Европейского Союза.

Объектами сопоставительного анализа являются: антропно-культурная сфера регионов (население и поселения; социальное самочувствие населения, культурный потенциал и капитал населения); институционно-регулятивная сфера (государственное и муниципальное управление, правопорядок и правонарушения, реалии инновационной деятельности); социо-экономическая сфера (социальная стратификация и мобильность, уровень жизни, проблемы ее качества, трудовая мотивация и экономическая активность населения).

Методы исследования – компаративистский метод культурных исследований, символический интеракционизм Чикагской школы и бихевиористский метод в психологии, методы оценки социокультурных изменений.

Результаты исследования позволят оценить социокультурную ситуацию западного приграничья России, детализированную до уровня антропно-культурной, институционно-регулятивной, социо-экономической сфер; описать особенности проявления трансформации культурной принадлежности западного приграничья России; показать перспективы социокультурной эволюции уникального субэтнуса западной провинции России – Смоленской области. Результаты исследования могут использоваться при решении управленческих задач по оценке социальных детерминант проявлений социально-психологических состояний фрустрации и депривации населения (расхождение между реальным и ожидаемым состоянием, к которому стремится человек); радикальных настроений и протестного поведения молодежи; применяться в разработке системы превентивных мер противодействия технологиям «цветных революций», идеологии экстремизма.

В глобальной трансформации заметно, что вектор политической коммуникации Запада направлен на построение зоны соприкосновения Евросоюза и Российской Федерации, что может создать проблему территориальной целостности России. Именно здесь, в западном приграничье России, с севера на юг проходит незаметный культурный рубеж, характеризующий многовековое культурное влияние западных соседей. События, происходящие в подобных условиях, оказывают существенное влияние на поведение людей и порождают различные формы и разнонаправленные процессы социальных взаимодействий и коммуникаций.

Уровень фундаментальности, научная новизна и значимость исследования контактных сообществ приграничья заключается в разработке социокультурного портрета, показывающего роль контактных сообществ «однородцев» в контексте переходных состояний общества, разработки на этой основе рекомендаций по тактике и стратегии противодействия вызовам и угрозам сохранению самобытных народных культур России и Беларуси, попыткам их унификации в практиках массовой культуры и развертывания новых форм давления запада на Россию.

Анализ специальной литературы показал, что проблематика российско-белорусского приграничья активно разрабатывается Международным консорциумом Университетов приграничья (г. Белосток, Республика Польша); Могилёвским региональным центром социально-экономических исследований Государственного научного учреждения «Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь»; учреждением образования «Витебский государственный университет им П.М. Машерова; учреждением образования «Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого» и др.[2, с. 262], [5, с. 368].

Нами установлено, что на территории российско-белорусского приграничья функционирует уникальная культура-посредник, которую составляют жители поселений приграничья, в том числе: мелкие предприниматели, посредники и фрилансеры, занятые торговлей; работники учреждений культуры, организующие праздники народного творчества и спортивные соревнования; покупатели, зрители и участники праздников и соревнований. Культура-посредник создаёт возможность прямой коммуникации «лицом к лицу», расширяя конфигурацию социокультурного пространства соседей, и формирует территориальное «мы-сознание».

Традиционным становится совместное проведение религиозных праздников и торжеств. В канун празднования Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрии», в 2016 г. в Смоленск прибыл крестный ход «Наш общий путь – Одигитрия», который начал свое шествие в Витебске. В шествии приняли участие жители городов Беларуси, России, Украины, Молдовы. Участники шествия принесли в Смоленск чтимые образы своих земель – святых Иоанна Кронштадтского, Евфросинии Полоцкой, Александра Невского и другие. Впервые в день праздника в Свято-Успенском кафедральном соборе прошли Божественные литургии; в Руднянском районе Смоленской области установлен Поклонный крест.

В сотрудничестве с Республикой Беларусь Администрацией Смоленской области большое внимание уделяется торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству; мероприятиям, посвященным Дню единения народов Беларуси и России. Смоленская область, как сегмент крупного социального образования приграничья, включена в систему межрегиональных взаимодействий и отношений, тесно связана коммуникационными потоками с Беларусью. Тип российско-белорусских взаимодействий и коммуникаций позволяет рассматривать Смоленщину как коллективный субъект регионов приграничья, которые в высокой степени влияют на региональный процесс Смоленской области, порождая появление серии новых социальных практик и инвестиционных проектов. Важными среди них, являются индустриальные парки «Сафоново» и «Феникс». Планируется создание в Дорогобужском районе территории опережающего социально-экономического развития, г. Дорогобуж получил статус моногорода. На федеральном уровне поддержано создание в Смоленской области льняного кластера.

В условиях социокультурной дифференциации регионального социума Смоленской области нами фиксируется активная институализация малых сообществ. Их характерные черты становятся особенно значимыми в интерпретации факторов и механизмов социокультурной динамики региона – люди стремятся к объединению в малые сообщества с целью формирования подконтрольной им жизненной среды. Зарегистрированы 24 национальные общественные организации, отмечается тенденция увеличения их

количества. Осуществляют свою уставную деятельность 11 городских и хуторских казачьих обществ, объединенных в Смоленское отдельное казачье общество Войскового казачьего общества «Центральное казачье войско». Все указанные общественные организации составляют Российскую общественную ассоциацию «Национальный конгресс Смоленской области», которая активно действует на территории Смоленской области. Ассоциация регулярно организует встречи диаспор, обеспечивает их различной информацией, координирует деятельность.

Визуализация и виртуальная коммуникация становятся доминантным свойством трансформирующегося пространства западного приграничья России.

Библиографический список

1. Беспмятных, Н.Н. Методология кросс-культурного анализа: базовые концепты, направления перспективы исследований /Н.Н. Беспмятных // Наука. Религия. Общество. №1. – 2008. – С.11–19.

2. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы /В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О.Сухого, 2009. – 319 с.

3. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : Ин-т. философии РАН, 2010. – 110 с.

4. Масловский, М.В. Межкультурное взаимодействие и социальные поля: новые теоретические подходы в европейской и американской социологии / М.В. Масловский // Социологические исследования (Социс). – 2016. – № 7. – С.11–18.

5. Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / ВГУ имени П. М. Машерова; сост.: А. М. Мезенко[и др.]. – Витебск, 2016. – 368 с.

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРЫ ПОГРАНИЧЬЯ: ОПЫТ НЕЛИНЕЙНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

*М.А.Можейко,
заведующая кафедрой философии
и методологии гуманитарных наук
УО «Белорусский государственный университет
культуры и искусств»,
доктор философских наук, профессор.*

Пограничье, по определению выступающее регионом кросс-культурных взаимодействий, является сложным (в синергетическом смысле этого слова) объектом, моделирование которого невозможно как линейное.

Во-первых, это связано с тем, что регион кросс-культурного взаимодействия, в субъективном восприятии встречающихся в его рамках культур плюрализируется, выступая для каждой из них в различных своих проявлениях. Так, например, в реальном культур-коммуникативном процессе Брестская область, для носителей белорусской культуры выступающая как белорусско-польско-украинское (или, что не одно и то же, белорусско-украинско-польское) пограничье, для носителей культуры украинской проявляет себя как пограничье украинско-белорусско-польское или украинско-польско-белорусское, в то время как для носителей польской культуры – как польско-белорусско-украинское или польско-украинско-белорусское. Подобная интерлокуция позволяет говорить о зеркальном умножении числа измерений, сквозь призму которых может быть рассмотрено пограничье как таковое (причем арифметическое увеличение взаимодействующих культурных традиций приводит увеличение названных измерений в геометрической прогрессии).

Во-вторых, в любом из названных вариантов имеет место то, что можно назвать внутренней аксиологической неравновесностью культурной среды (важнейшим проявлением которой выступает высокая креативность соответствующей культуры). Так, в равновесном своем состоянии культурное пространство может рассматриваться как аксиологически центрированное определенной совокупностью тех иерархий ценностей и интерпретационных матриц, которые рассматриваются в данной культурной традиции как нормативные. Подобный семантико-аксиологический *центр* культурного пространства может быть условно обозначен как своего рода *ортодоксия*: если иметь в виду не конфессиональный, а собственно этимологический смысл понятия «ортодоксия» (греч. *ὀρθός* – прямой, т.е. правильный, *δόξα* – мнение), то под ортодоксией можно понимать феномен канонического воспроизведения в рамках культурной традиции той или иной теоретической системы, обретающей в этой традиции акцентированный статус

правильной, вне значимых семантических трансформаций ее содержания, однако, при неизбежной редукции последнего с течением времени.

В своем становлении каждая ортодоксия проходит следующие этапы: содержательное становление концепции; оформление вокруг концептуального ядра будущей ортодоксии пояса культурных поведенческих программ, фиксирующих ее предпочтительный, по отношению к другим концептуальным системам статус; конституирование соответствующей концептуальной системы в качестве собственно ортодоксии, что предполагает официальное санкционирование ее со стороны внеконцептуальных структур (государство, церковь и др.) посредством придания ей статуса единственно легитимной интерпретационной стратегии в соответствующей предметной области [2].

Оформившаяся ортодоксия исключает релятивизм трактовки, обретая черты социальной мифологии. Соответственно этому, ортодоксия как таковая, в перспективе, имеет тенденцию к трансмутации от организованной в форме проблемного знания концепции к замкнутому и формализованному догматическому кодексу, тяготеющему – при аппликации на массовое сознание – катехическим жанрам бытия в культуре.

В централизованном состоянии культурная традиция обеспечивает стабильность аксиологических шкал и интерпретационных матриц, что позволяет индивидуальному сознанию функционировать на основе устоявшихся мировоззренческих универсалий (интегральных представлениях о мире, человеке и месте человека в мире), не подвергая их ни сомнению, ни даже рефлексивному осмыслению.

Однако, нарушении обрисованного (равновесного) состояния духовно-мыслительного пространства культуры неизменно разрушает эту идиллию, заключающуюся в том, что человек может позволить себе полагать, что мир устроен именно так, как он о нем думает. Культурная среда может приходить в неравновесные состояния вследствие флуктуационных изменений параметров ее развития, которые могут быть как внутренними, так и внешними. Внешние флуктуации связаны с невозможностью воспроизведения сложившихся образцов деятельности и поведения вследствие дисфункций в работе культурных программ: как в области экономики (что проявляется в утрате системой соответствующего технологического уровня, – например, переход от лоций к каботажному плаванию в античной Греции периода упадка или деградация сельскохозяйственных технологий Западной Европы в X–XI вв.), так и в области политики (кризис власти, как правило, осложняемый состоянием войны, например, ситуация в Германии перед возникновением Веймарской республики или в России перед Столыпинской реформой).

Источником внутренних флуктуаций в культурной динамике выступают противоречия между *центром* культуры, семантически и аксиологически доминирующим над всем культурным пространством (ортодоксией) и так называемой культурной *периферией* (альтернативными идеологическими программами, инакомыслием, ересями, концептуальными построениями маргинального характера и т.п.), в силу этого усиления позиций *периферии*, сложившийся аксиологический баланс между статусом ортодоксии и альтернативных культурных программ нарушается, культура в целом приходит в неравновесное состояние. И если применительно к равновесным (стабильным) культурным средам можно говорить об акцентуации ортодоксии как о жесткой центрированности системы культуры, предполагающей наличие фиксированных семантических и аксиологических приоритетов. В противоположность этому, в неравновесной культурной среде ортодоксия теряет приоритетные позиции по отношению к культурной *периферии*, и культура выступает как ацентричная.

Ситуация взаимодействия культурных традиций может быть типологизирована по различным критериям, которые в своем системном взаимодействии позволяют задать классификацию такого взаимодействия.

По критерию аксиологического статуса взаимодействующих традиций ситуация этого взаимодействия может быть дифференцирована на:

1) аксиологически вертикальное взаимодействие, т.е. взаимодействие периферийной культурной традиции и традиции ортодоксии, в пространстве которого реализуются интенции ортодоксии к собственной консервации и интенции периферийных традиций к изменению своего статуса; особенно остро это проявляется при формировании в сложившемся культурном контексте новой мировоззренческой парадигмы, которая еще не доминирует, но достаточно сильна, чтобы противостоять господствующей ортодоксии и – хотя бы в отдаленной перспективе – претендовать на ортодоксальный статус (например, возникновение христианского миропонимания в контексте позднеантичной культуры); как правило, такое взаимодействие имеет место при условии, что ортодоксия находится на эволюционной стадии стагнации (к примеру, «Вискули» были бы невозможны в СССР 60-х гг.);

2) аксиологически горизонтальное взаимодействие, т.е. взаимодействие нескольких традиций, ни одна из которых исходно не обладает статусом ортодоксии; в его рамках, в свою очередь, может быть выделено: 2.1) хронологически вертикальное взаимодействие традиций, одна из которых возникает позже другой и в перспективе замещает ее (становится ортодоксией), и 2.2) хронологически горизонтальное взаимодействие нескольких исторически параллельно сосуществующих традиций, взаимодействие которых разрешается не посредством возобладания одной из них, но посред-

ством механизмов культурного синтеза и (или) порождения новой традиции на основе взаимодействующих (что также может приводить к оформлению новой ортодоксии).

По генетическому критерию ситуация взаимодействия культурных традиций может быть дифференцирована на:

1) интракультурную, имеющую место в случае, когда взаимодействующие традиции возникают внутри определенной культурной системы в силу имманентных для нее процессов, приводящих к исторически одновременному конституированию культурных параллелей, которые в силу семантической или аксиологической альтернативности не могут быть непосредственно сведены в единую систему или непротиворечиво сняты более общей культурной программой (например, параллельное развитие аристотелизма и августицианства в схоластике XII -XIII вв.),

2) экстракультурную, инспирированную внешними историческими причинами, приводящими социальные и культурные системы в столкновение, в ходе которого происходит внедрение в сложившийся культурный контекст чужеродных элементов, – как на масштабном уровне (когда кросс-культурное взаимодействие может быть оценено в регистре Восток – Запад: столкновение античной и восточной традиций в период завоеваний Александра Македонского или христианства и ислама во время Крестовых походов), так и на уровне локальных взаимодействий.

По такому критерию, как степень эксплицированности порожденного взаимодействием культурных традиций противостояния, можно выделить:

а) выраженную оппозицию традиций при условии эксплицитной манифестации аксиологически и/или семантически альтернативных культурных программ (типа борьбы христианства и ислама в период мавританского владычества в Испании) и

б) параллельное сосуществование в рамках единой культуры тенденций, объективно альтернативных, но не оформляющееся в эксплицитное столкновение: ситуация взаимодействия фиксируется лишь на мета-уровне культуры – в рамках философской рефлексии (например, объективно русская культура выступает как духовное пространство встречи восточной и западной традиций, но противостояние аксиологических установок последних становится предметом осмысления лишь в ее философских и историко-культурных концептуальных построениях).

Разумеется, реально в поле столкновения различных культур, как правило, осуществляется одновременное взаимодействие нескольких и даже многих традиций – своего рода *полилог*, в контексте которого выделение взаимодействующих в режиме *диалога* пар есть результат абстрагирования.

В любом из этих случаев культурная среда приходит в состояние неустойчивости, характеризующееся, с одной стороны, утратой жестких ак-

сиологических ориентиров (своего рода ситуация мировоззренческого хаоса), а с другой – актуализацией и реализацией креативного потенциала. Поскольку в условиях нестабильности ни культура в целом, ни даже наука не обладают универсальным языком, постольку единственным критерием адекватности той или иной идеи становится наличие у нее креативного потенциала. Так, оформившаяся константная макроструктура (прежде всего – *центр*) культурной среды, проявляя все признаки интенции к самоконсервации, тем не менее, утрачивают в обрисованном контексте свои прагматически и/или аксиологически приоритетные позиции: ценностные шкалы теряют свою безусловность, а культурный *центр* (ортодоксия) – потенциал мировоззренческого доминирования.

Хаос культурной среды в условиях неравновесного ее состояния со всей очевидностью обнаруживает себя на уровне мировоззренческих универсалий. Он проявляется в том, что в рамках культурной традиции оформляется несколько вариантов содержания одной и той же (причем, как правило, достаточно значимой в общей системе приоритетов данной культуры) универсалий: например, различные интерпретации природы в русской культуре XIX в. или трактовки любви в культуре средневековья. На этой основе конституируются мыслительные структуры, которые являются семантически альтернативными и аксиологически несовместимыми друг с другом, – мировоззренческая среда приходит в состояние достигнутого хаоса. Это делает невозможным функционирование в сознании повседневности универсалий культуры в прежнем, безрефлексивном, режиме.

Ситуация взаимодействия культурных традиций в поле определенной культуры, во-первых, резко интенсифицирует рефлексивное осмысление универсалий, поскольку встреча в едином культурном пространстве нескольких различных (взаимоисключающих) версий интерпретации одной и той же универсалии неизбежно приводит не только к осознанию самого факта ее наличия, но и к эксплицитной постановке вопроса о способах и границах ее функционирования, а главное – к эксплицированию ее содержания. Во-вторых, рефлексия над культурой при наличии в ней противоположных смыслов одной и той же универсалии приводит к дестабилизации культурной среды – прежде всего, к разрушению ее устойчивой структуры, обеспечивающей вертикальное соотношение *центра* и культурной *периферии*: параллельное функционирование в единой культуре различных версий одной и той же универсалии лишает смысла саму идею ортодоксии.

Категориальный строй таких культур являет собой пример хаотизированной нелинейной среды, открытой для новых версий конфигурирования. Последние могут возникать посредством:

изменения в интерпретации традиционных универсалий, например, новая трактовка времени как линейного в античной классике, пришедшая

на смену циклическому его видению и влекущая за собой радикальную перестройку всего мировоззренческого комплекса (прежде всего, расслоение единого событийного континуума на события сакрального и профанного рядов, трансформации в структуре пантеона, выражающиеся в удвоении персонификаций ряда фигур и т.п.);

фиксации в содержании универсалий новых семантических и аксиологических акцентов, порождающие новые узлы центраций, например, фокусировка внимания на личностном содержании универсалии культуры «Бог», приводящая к оформлению теистических религий, центрирующих сознание вокруг новых, экзистенциально окрашенных аксиологических доминант: вера, любовь, надежда – в отличие от прежних дотеистических доминант внешнего ритуала;

оформления новых версий семантического сопряжения категорий культуры друг с другом, – например, сопряжение субстанциальных и темпоральных аспектов «архэ» в античной натурфилософии, обусловившее конституирование идеи множественности миров;

формирования новых универсалий, вызывающее переструктурировку всего категориального строя культуры, – например, конституирование универсалии «счастливого случая» в рыцарской культуре, радикально изменившее представления о судьбе, будущем, сущем и должном.

Благодаря этим процессам сложившаяся в соответствующей культуре универсальная схема мироинтерпретации (картина мира), принятые в этой культуре идеалы мирообъяснения, сложившиеся в ней ценностные шкалы и т.п. ставятся под сомнение. Это означает, что культурный *центр* (а с ним – и вся оформленная макроструктура культурной среды) теряет статус безусловности, т.е. культурная среда утрачивает потенциал стабильности. В этом случае флуктуации на микро- (единичном, индивидуальном) уровне не изглаживаются, ибо в культуре нарушены системы стабилизации (т.е. защиты структуры), а дают начало новым версиям структурирования культурной среды. Типичным примером может служить оформление платоновской концепции любви и красоты, предполагающей аксиологическую дифференциацию Афродиты Урании и Афродиты Пандемос: в контексте стабильной культуры античной классики эта концепция практически не повлияла на представления греков о любви: фабулы античных романов (Гелиодор, Лонг, Харитон и др.) организуются вокруг внешних препятствий, разделяющих влюбленных героев, и не фиксируют коллизий, связанных с различной интерпретацией ими природы любви; Лукиан, чьи герои клянутся «обеими богинями», эксплицитно фиксирует отсутствие различий между любовью земной и любовью небесной для мышления повседневности. Между тем при утрате культурой стабильного состояния актуализация неоплатониче-

ской версии указанной дифференциации оказывается той точкой центрации, вокруг которого складывается христианская мораль, акцентирующая агапе и сторге при негации филии и эроса.

В подобной ситуации культура утрачивает жесткую дифференциацию своих феноменов на ортодоксальные и периферийные, – культурная среда обретает характеристики аксиологической децентрированности и аструктурности. Практически это означает, что она открыта для нового структурирования, оформления новых культурных приоритетов (в перспективе – доминирующих *центров*).

В данном контексте взаимодействие культурных традиций не может быть артикулировано как традиционно понятый диалог, то есть взаимодействие стабильных систем с определенным содержанием и четко заданными аксиологическими шкалами. Соответственно, механизм взаимодействия культурных традиций не может быть описан ни как превалирование одной из них, ни как их взаимная аксиологическая аннигиляция, ни как суммативный содержательный синтез. Это связано с тем, что по отношению к каждой из традиций другая – вне языка, ибо не может быть ассимилирована посредством чуждых ее содержанию понятийных средств. Такая ситуация сохраняется до тех пор, пока не будет сформирован метаязык, способный служить средством выражения всех взаимодействующих семантико-аксиологических рядов, т.е. охватывающий все версифицированное культурное пространство их встречи.

В структурном отношении каждая культурная традиция может быть рассмотрена как текст (представляющий определенный язык), а новая формирующая ортодоксия – как мета-язык, обладающий потенциалом *прочтения* этих текстов, то есть задающий их семантическую и аксиологическую интерпретацию. Как отмечено Ю.М.Лотманом, в данном случае позволительно говорить о том, что не только язык может породить и порождает тексты, но и разнородные тексты, взятые в их соприкосновении, обладают креативным потенциалом по отношению к языку [1].

Между тем сам факт прихода культурных традиций во взаимодействия является сугубо внешним по отношению к имманентному содержанию и может быть рассмотрен как случайная флуктуация в его динамике. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с ситуацией возникновения того, что в синергетической терминологии обозначается как «порядок через флуктуацию» [3, с. 237-238]. Неравновесность культурной среды оказывается источником формирования новых культурных языков, т.е. новых семантических систем и аксиологических шкал, открывая тем самым новые эволюционные перспективы рассматриваемой культурной среды, – равно как и пути для новых кросс-культурных взаимодействий. Тем самым развитие культуры в целом может быть понято как атрибутивно нелинейный процесс.

Формирование новой ортодоксии в данном случае не выступает в качестве изначально целеположенного процесса, но представляет собой продукт самоорганизации культурной среды, предполагающей моменты бифуркационного ветвления, версифицирующего перспективы ее эволюции. Применительно к культурной среде это означает, что в период ее неравновесности в ее контексте формируются основы различных и независимых друг от друга вариантов нового интерпретационно-семантического *центра*, каждый из которых представляет собой попытку создания метаязыка по отношению к пришедшим во взаимодействие традициям. Это обстоятельство также оказывается фактором активизации генерирования новых версий мироинтерпретации: возникновение христианства на основе античной рациональности и ближневосточного теизма; конституирование Андалусской культуры как продукта взаимодействия христианско-европейской и мусульманско-арабской традиций и т.п.

Ситуация взаимодействия традиций может артикулироваться как динамическая лишь до того момента, как будет конституирован новый культурный *центр* (ортодоксия), то есть до формирования универсального и унифицированного языка культуры, в нормативно-семиотическом пространстве которого осуществляется принудительная (семантически деформирующая) интерпретация всего, что выходит за рамки санкционированной этим языком легитимной аксиологической «нормы».

Но на эксплицитно-официальном уровне, когда язык новой ортодоксии уже сформирован, ситуация рефлексивно моделируется таким образом, будто один аксиологический *центр* заменяется другим. Последний оценочно артикулируется в соответствии с характерной для данной культуры фоновой аксиологической шкалой: в культурах, ориентированных на новацию (типа новоевропейской), в качестве новационного; в культурах, ориентированных на консервацию (типа древневосточной), в качестве традиционного. Обретя статус ортодоксии, этот *центр* конституирует своего рода мифологическую историю своего становления. В ее рамках альтернативные новому *центру* (содержательно им подавленные) версии культурного развития ретроспективно подвергаются окончательному (интерпретационному) подавлению: аксиологически дискредитируются как некорректные («еретические», «лженаучные» и т.п.).

Объективно процесс конституирования различных узлов центрации (включая конституирование нового *центра* – ортодоксии) реализуется, как правило, в качестве поливариантного: одновременно возникает несколько версий центрации культурной среды (несколько конкурирующих мировоззренческих парадигм, претендующих на статус ортодоксии). Подобная ситуация может быть интерпретирована как точка бифуркации в динамике культуры, версифицирующая ее эволюционные перспективы, что предпо-

лагает своего рода бифуркационный выбор системой пути развития (многочисленные программы реорганизации церковной практики, предшествующие и параллельные францисканству – от катаров до Дольчино; столыпинская, конституционно-демократическая, социал-демократическая, анархистско-радикальная и др. социально-политические программы развития России начала XX в.; плюрализм эстетических программ при переходе от классики к модерну и т.п.). Речь идет, однако, не о «выборе» культурой предпочтительной программы из исходно пришедших во взаимодействие, но о «выборе» в рамках интерпретационного поля, задающего варианты новых культурных программ, позволяющих тем или иным путем разрешить ситуацию мировоззренческого хаоса, т.е. задать новую структурную организацию культурной среды, предполагающую конституирование нового *центра*(ортодоксии) и новой *периферии*. Так, конфликтное столкновение в рамках средневековой теологии аристотелизма, ориентированного на схоластический дедуктивизм, и неоплатонического августинизма, тяготеющего к мистическому богопознанию, разрешается посредством оформления томизма как включающего в себя элементы того и другого, но ни содержательно, ни аксиологически не аддитивного по отношению к ним.

Несмотря на то, что темпоральность культурной динамики измеряется в масштабе глобальных исторических отрезков, тем не менее, в ситуациях описанной нестабильности возникновение новых версий организации культурной среды может происходить с предельно высокой скоростью (шквальный рост популярности Франциска Ассизского, «триумфальное шествие» советской власти и т.п.). С этой точки зрения ситуация может быть описана как протекающая в режиме blow up («с обострением»), что предполагает радикальные структурные трансформации среды в момент времени, практически близкий к точечному [3, с. 237-238]. В этой ситуации флуктуация на микроуровне (в системе отсчета культуры на уровне индивидуального сознания) может оказаться решающей для конституирования новой макроструктуры в культурной среде. Произойдет это или нет, зависит от ее локализации: большинство флуктуаций проходят незамеченными, нивелируясь в силу закона больших чисел; однако если возмущение культурной среды произойдет в семантически узловой точке культурной среды, оно может положить (подобно платоновскому видению любви и красоты) начало новой макроорганизации культурного целого.

Процессуальность взаимодействия культурных традиций с точки зрения механизма ее реализации может быть рассмотрена как осуществляющаяся поэтапно:

1. Первая фаза предполагает децентрацию культурной среды, разрушение прежней ортодоксии посредством снятия с нее ореола единственности; культурная среда в данном контексте обретает характер аксиологиче-

ски изотропной; на этой фазе культура может быть рассмотрена как открытая нелинейная среда, предельно хаотизированная на микроуровне (индивидуальное сознание и сознание повседневности) как в смысле отсутствия упорядоченности, так и в смысле потенциальной креативности.

2. Вторая фаза представляет собой фазу генерации плюральных версий нового семантико-аксиологического *центра* культуры (хотя эксплицитно эта цель может быть не выражена, а соответствующие модели – рефлексивно осмысливаться в качестве оппозиции прежнему *центру* или маргинальных интерпретационных систем). В данный период приоритетным для культурной среды становится не столько стремление к гомеостазису и семантической гомогенности, сколько интенция к разнообразию (в терминологии Г.Спенсера, данная фаза может быть названа эволюционным движением от однообразия к разнообразию): в процессуальности подобной среды конституируются определенные семантически значимые системы смысла, пока еще не претендующие на статус ортодоксии, – семантико-аксиологический плюрализм, порожденный взаимодействием нескольких культурных традиций, оборачивается квази-плюрализмом попыток его преодоления. На этой фазе культурная среда максимально чувствительна к микрофлуктуациям, и флуктуации даже на уровне индивидуального сознания могут (в силу авто-каталитических и кросс-каталитических эффектов) приводить к макроскопическим – в масштабе культурного целого – последствиям, в силу чего эволюционные перспективы такой культурной среды абстрактно могут быть оценены как бесконечно плюральные, а конкретно локализуются в рамках определенного вероятностного поля, очерчивающего границы возможного будущего данной культуры. Специфика превращения этих возможностей в действительность зависит не только от исходного содержания взаимодействующих традиций, но и от случайных факторов, которые в равновесных условиях были бы нивелированы, и от внешних влияний, которые при равновесном состоянии культурной среды выступали бы в качестве индифферентных. Например, наличие арабизированной испанской культуры за Пиренеями в течение нескольких веков (IX-XI) не оказывало содержательно значимого воздействия на эволюцию автохтонной христианской традиции в южной Франции, в то время как дестабилизация культурной среды в Провансе в XI в. делает фактор мусульманского соседства семантически значимым для оформления куртуазной традиции;

3. Третья фаза есть фаза центрации, т.е. конституирования нового семантико-аксиологического *центра* культуры (новой ортодоксии) и оформления (посредством жестко избирательной легитимации определенных интерпретационных матриц) новой иерархии культурных смыслов. Каждое из плюральных семантических плато культуры обретает конкретный статус: санкционированные поля (*центр*), нейтрально легитимная зона, *периферия*

и оппозиция. Структурированная таким образом культурная среда утрачивает неравновесный характер и обретает статус культурной системы.

Ни на одной из обозначенных фаз невозможно линейно-однозначное прогнозирование эволюционных перспектив неравновесной культурной среды, ибо динамика последней носит принципиально статистический характер. Это обстоятельство, однако, свидетельствует не о слабости исследовательской программы, примененной в том или ином случае, но, напротив, о ее комплексном характере, позволяющем учитывать флуктуационный механизм исследуемого процесса и статистический характер реализуемых в нем закономерностей. Подобная установка не только полагает допустимым, но и предполагает гипотетическое моделирование тех возможных вариантов культурной организации, которые могут возобладать при новом макроструктурировании неравновесной культурной среды. Нелинейный подход открывает возможность фиксации ареала возможных путей эволюции, которые в перспективе могут иметь место в динамике исследуемой культурной среды, т.е. вероятностного семантического поля ее развития (оставляя вопрос о механизмах перехода этих возможностей в действительность на долю последующего ретроспективного анализа).

В качестве гипотетически возможных вариантов эволюционных путей культурной системы в подобных случаях могут быть рассмотрены:

- экстремальные (как с точки зрения содержательной последовательности, так и с точки зрения аксиологического ригоризма) версии культурных программ: например, аскетический экстремизм катаров в средневековой культуре, с одной стороны, и культивация скабрёзности в фаблю и шванках – с другой; славянофильство и западничество в интерпретации евразийского характера русской культуры и др.;

- программы, являющиеся зеркальной семантико-аксиологической альтернативой, утратившей свой статус ортодоксии: либертинаж в противовес ригористической морали; феномен хиппи как эпатажная альтернатива «культуре отцов» и т.п.;

- реактуализация некогда имевших место культурных программ (своего рода «малые ренессансы»): например, Овидианское возрождение, программно культивировавшее эротическую поэзию в средневековой латинской литературе;

- программы, являющие собой результат семантической трансформации фрагментов прежней ортодоксии в контексте новых аксиологических тенденций: классическим примером является христианское переосмысление языческих сюжетов (привнесение пасхальной семантики в мифо-архаическую символику яйца; трансформация в рождественское дерево майского шеста как фаллического символа космогонического соединения неба и земли; модификация языческих божеств в демонические фигуры: мифологема змеи, образы Марены, Хольды, и т.п.);

- причудливые синкризы различных и нередко разнородных культурных традиций: например, молитвенная традиция бенгинок как соединяющая в себе традиционные технологии мистической практики и приемы сексуального возбуждения («нагие молитвы»); северофранцузская рыцарская культура, синтезирующая презумпции христианского фатализма и культ «счастливой авантюры» и т.п.;

- продукты своего рода аннигиляции альтернативных культурных программ, «встреча» которых в едином культурном пространстве приводит к вытеснению соответствующего предметного поля из фокуса аксиологической значимости: например, отторжение любых нравственных ориентиров массовым сознанием Ренессанса в условиях резкого противостояния христианской и светской морали.

Данный список может быть продолжен, и, как правило, в реальной исторической ситуации объективируются параллельно несколько из приведенных возможностей. Хаотизированная и нестабильная культурная среда генерирует целый веер возможных путей своей макроорганизации. Однако на нормативно-официальном уровне происходит аксиологическая дифференциация и селекция актуализировавшихся культурных программ, то есть санкционирование и легитимация одних (как правило, центрирующихся вокруг будущей ортодоксии) и дискредитация и элиминация других.

Таким образом, свойство креативности может быть зафиксировано как атрибутивный параметр нестабильной культурной среды пограничья: если для истории эпоха нестабильности – это смутные времена (ибо развитие цивилизации предполагает эволюционное накопление достижений, – безусловно, при соответствующих моментах перехода к новой мере), то для культуры период нестабильности – это ее звездный час.

Библиографический список

1. Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) / Ю. М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. – Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 110–120.
2. Можейко М. А. Ортодоксия / М. А. Можейко // Новейший философский словарь. – М.: Изд. В. М. Скакун, 1998. – С. 494–495.
3. Пригожин И. Р. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.

КЛАСТЕРНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ «ПОГРАНИЧНЫХ» ТЕРРИТОРИЙ

П.М. Сапотько,

*директор художественной галереи «Университет культуры»,
преподаватель УО «Белорусский государственный университет
культуры и искусств».*

Сложившаяся ситуация в национальной экономике Беларуси требует перехода в русло интернационализации, при котором один из ключевых векторов развития переносится на пограничные регионы, требующие применения инновационных методик и существенное обновление «дорожных карт». Предпосылки для социально-экономического и культурного обновления пограничных регионов обусловлены участием Республики Беларусь во многих интеграционных процессах и открытостью экономики государства.

Усиление интеграционного потенциала «пограничных» территорий обеспечивает устойчивое региональное развитие, повышение благосостояния населения данной местности, укрепление добрососедских отношений и развитие межкультурного диалога.

Категорию одного из научных феноменов получает «пограничное пространство». Доктор экономических наук Лариса Божко под пограничным пространством понимает «экономическую и социальную географическую зону вдоль границы, в пределах которой происходят пограничные процессы и явления, связанные с соблюдением интересов соседних стран и взаимодействием между их экономическими, социальными, правовыми и политическими системами» [1, с. 19].

Согласно европейской практике, приграничный регион определяется 15-километровой зоной от таможенного пункта на пограничном переходе. По мнению российских исследователей – экспертов Национального института развития современной идеологии, развитие приграничных территорий актуально по следующим причинам: «приграничные территории получают возможность восстановить и более эффективно развивать экономические, культурные и гуманитарные связи, использовать налаженные приграничные контакты в механизмах сотрудничества с соседними странами, а также снизить дотационность регионов; процессы трансграничного сотрудничества в экономически неблагополучных регионах выступят превентивной мерой для недопущения конфликтов и предпосылкой активизации социально-экономического развития» [3, с. 20].

Предпосылки качественного развития как в социально-культурной, так и в экономической сферах пограничных регионов, способны создать укоренение кластерной модели.

В рамках теории конкурентоспособности американский экономист, профессор кафедры делового администрирования Гарвардской школы бизнеса Майкл Портер дал следующее определение понятию «кластер» – это «группа географически локализованных взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом» [4, с. 21]. В социально-культурной сфере под кластером понимается системное взаимодействие учреждений культуры, информации, туризма, образования и науки, бизнес-структур, общественных организаций, государственных органов и иных субъектов, направленное на решение определенных проблем отрасли.

В основе кластерной модели лежат принципы добровольности, конгруэнтности, партнерства, открытости, единства информационного поля, что обеспечивает возможность комплексного взаимодействия профильных и смежных структур через объединение своего ресурсного потенциала эффективно решать многие задачи.

Во многих странах мира кластеры представляют собой основу социально-экономического развития пограничных регионов в рамках международных объединений и наднациональных структур в условиях интеграционных процессов современности. В частности, речь идет о еврорегионах – «территориальных единицах, состоящих из приграничных административных территорий государств-соседей, создаваемых для развития экономических, торговых, культурных, образовательных, научно-технических и природоохранных связей» [2, с. 83].

В Западной Европе еврорегионы успешно функционируют на протяжении более полувека (первый еврорегион был образован в районе Гронау на границе Германии и Нидерландов в 1958 году), в странах же Центральной и Восточной Европы этот процесс начался только в 1990-х гг. Стратегия еврорегионов строится на принципах добрососедства, партнерства и международной кооперации – основных ценностных ориентирах европейской политики.

Советом Европы еврорегионы определяются в качестве «фактора, стабилизирующего Европу» [2, с. 84]. Данный тезис очень важен в связи с нынешним состоянием общемировой социальной и политической системы, характеризующейся существенной трансформацией, затрагивая также духовную сферу жизни общества. При этом актуальность межкультурного диалога с его функциями обеспечения социальной стабильности и устойчивости только возрастает. В данном контексте важна конгруэнтность социального и экономического эффектов, что, в свою очередь, предполагает

наличие качественной системной работы, основанной на положениях синергетической концепции в ее социально-экономическом выражении.

На сегодняшний день на территории Беларуси в пределах границ с Евросоюзом создано 5 еврорегионов: еврорегион «Буг» (Брестская область Беларуси, Волынская область Украины, Люблинское и Бялоподляское воеводства Польши), еврорегион «Неман» (Гродненская область Беларуси, Мазовецкая и Алякувский районы Литвы, Подляское воеводство Польши, Калининградская область России), еврорегион «Озерный край» (Браславский, Миорский, Верхнедвинский, Глубокский и Поставский районы Витебской области Беларуси, города Даугавпилс и Резекне Латвии, Игналинский, Висагинасский и Зарасайский районы Литвы), еврорегион «Беловежская пуца» (Свислочский, Пружанский и Каменецкий районы Беларуси, Гайновский повет Польши), еврорегион «Днепр» (Гомельская область Беларуси, Черниговская область Украины, Брянская область России). Таким образом, в Беларуси к пограничной территории отнесены полностью Брестская и Гродненская области, а также семь районов Минской области.

За период своей деятельности в белорусских еврорегионах появилось несколько кластерных проектов. Одна из них – «Создание трансграничного кластера сельского / зеленого туризма в шести прилегающих приграничных районах Гомельской и Черниговской областей» (еврорегион «Днепр»), направленного на изучение и сохранение исторических, культурных и природных достопримечательностей шести районов белорусско-украинской территории еврорегиона. Мощный кластерный потенциал сосредоточен в региональной черте Гродно – Сувалки, что на территории еврорегиона «Неман», в котором успешно развивается проект «Путешествие в этносказку». Проект содействует повышению конкурентоспособности и туристической привлекательности пограничного региона посредством совершенствования территориального маркетинга, создания новых туристических объектов на пограничных территориях, повышения квалификации поставщиков туристических услуг. В процессе реализации проекта в Сувалкском субрегионе создан этнотуристический объект «Деревня сказок», реконструирован этнографический музей Ефима Карского в Гродно, создано несколько анимационных программ, этнокультурных туристических маршрутов по пограничному региону, издана Энциклопедия этнокультурных туристических ресурсов Сувалкского субрегиона и Гродненской области, проведен Фестиваль сказок, басен и легенд Восточной Европы (Польша и Беларусь) и др.

Объединение в кластер на территории еврорегионов способствует взаимодополнению в области ресурсного обеспечения субъектов кластера, поддержке и взаимовыручке в случае возникновения экономических и иных проблем у одной из организаций, входящей в кластер, созданию комплексного и многокомпонентного культурного проекта, гарантии в качественном

предоставлении услуги в условиях реализации проекта на постоянной основе, получению прибыли каждым участником кластера на основе предварительных договоренностей, более привлекательной ценой, в отличие от услуг туристических фирм и иных коммерческих структур, за счет высокого уровня самоорганизации и освобождения от большого числа посредников и агентов, поддержке и повышенному интересу со стороны местных властей, так как посредством кластера создаются предпосылки для активного продвижения и формирования положительного имиджа региона.

Перспективы создания кластеров на территории пограничных регионов заключаются в приращении их социально-экономического капитала, создании межрегиональных брендов, привлечении новых источников финансирования, облегчении визовых процедур, увеличении туристических потоков, активизации диалога с властью, рациональному и комплексному использованию историко-культурного и природного потенциала регионов, применению передового опыта межкультурных взаимодействий.

Посредством кластерной модели развития пограничных регионов формируются площадки для привлечения инвестиций, так как в данном случае срабатывает система двусторонних инвестиционных гарантий. Создание и работа трансграничного кластера финансируется рядом европейских структур, фондов и программ. Основой сотрудничества служат конкретные проекты, финансирование которых осуществляется из нескольких источников (в основном практикуется следующая схема финансирования: 50% расходов покрывает ЕС, по 15% расходуются из бюджетов стран, 20% оплачиваются непосредственными участниками процесса). В рамках Европейского Инструмента Добрососедства и Партнерства Беларусь получила хорошую финансовую помощь по линии программ трансграничного сотрудничества «Регионы Балтийского моря», «Латвия – Литва – Беларусь», «Польша – Беларусь – Украина».

Преимущество данной формы международной кооперации заключается в том, что пограничные регионы могут образовываться на территории государств, одно из которых не обязательно должно входить в состав ЕС (как это показывает пример с Беларусью). Участниками являются не только административные органы, но и общественные объединения, профессиональные союзы, торгово-промышленные палаты, которые играют ключевую роль в развитии экономического сотрудничества в рамках региона.

Важным признаком развития еврорегионов и прочих наднациональных объединений является наличие достаточных полномочий для поддержания сотрудничества с соседними регионами на локальном уровне, усиление процессов децентрализации и тенденций, приводящих к автономии отдельных регионов.

На европейском уровне рамочные условия сотрудничества регионов установлены Европейской конвенцией о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, принятой в Мадриде в 1980 году. В некоторых странах аспекты трансграничного сотрудничества регулируются на законодательном уровне. Например, в Российской Федерации в 2011 году утверждена Концепция развития сотрудничества в сфере культуры между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельными государствами на период до 2020 года. Республика Беларусь на данном этапе находится в стадии становления национального законодательства в рассматриваемой области, свидетельством чему являются официальные заявления первых лиц государства о соответствующих намерениях. Также основные аспекты трансграничного сотрудничества регионов указаны в межгосударственных договорах, программных документах, соглашениях региональных властей об условиях такого сотрудничества.

В Беларуси сотрудничество в рамках интеграционных трансграничных образований сопровождается рядом проблем, среди которых – сильная централизация государственной власти, сопровождающаяся нежеланием перераспределять полномочия с местными исполкомами, трудности в получении виз, недостаточная инициативность местной власти и общественности, различия в области правовых отношений сопредельных государств, недостаточный уровень межгосударственных контактов, отсутствие государственного института, курирующего деятельность «пограничных» регионов.

Вместе с тем, кластерная модель в развитии «пограничных» регионов направлена на решение таких задач экономического и социально-культурного секторов, как укрепление рынка труда, рост занятости населения, повышение уровня благосостояния людей, развитие региональной экономики, поступление средств в государственный бюджет, извлечение дополнительных доходов от обслуживания туристов, повышение инвестиционной привлекательности регионов, создание условий для общего роста денежных доходов населения, повышение их реального содержания, поиск новых целевых рынков, разработка конкретных целевых программ развития наиболее перспективных направлений социально-культурной деятельности, развитие туристической инфраструктуры, создание системы маркетинговых служб, обеспечивающих продвижение национального культурного продукта на мировом и внутреннем рынках, оживление региональной культуры, поддержка культурного многообразия и уклада жизни местного сообщества, расширение возможностей для самореализации и творчества, обеспечение доступности культурных ценностей для всех социальных слоев населения, усиление учреждений культуры в решении социально-экономических задач, качественное совершенствование деятельности учреждений культуры, создание новых культурных объектов, более гибко реагирующих на изменяющиеся потребности и запросы населения, сохранение и репрезентация материального и духовного историко-культурного наследия, повышение уровня и качества услуг сферы

культуры, широкое вовлечение в туристический оборот историко-культурных ценностей и др.

Библиографический список

1. Божко, Л.Л. Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий: автореф. дис... д-ра эконом. наук: 08.00.05. / Л.Л. Божко; Уральск.гос.эк.ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 47 с.
2. Залесский, Б.Л. Беларусь – Европа: потенциал партнерства. Политика многовекторности в условиях глобальных вызовов / Б.Л. Залесский. – Германия: Lambert, 2016. – 160 с.
3. Большаков, А.И. Формирование и развитие пограничных туристских кластеров: автореф. дис... канд. эконом. наук: 08.00.05. / А.И. Большаков; Рос.гос.ун-т туризма и сервиса. – Москва, 2014. – 34 с.
4. Портер, М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / М. Портер. – М.: Международные отношения, 1993. – 896 с.

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*О.Н. Мицкевич,
заведующая отделом социологии культуры
ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»,
кандидат социологических наук.*

Развитие современной культуры зависит от состояния кадрового потенциала отрасли, который представляет собой совокупность способностей и возможностей потенциальных и реальных работников обеспечивать достижение целей ее развития. В качестве кадрового потенциала выступают работники культуры. А именно, библиотекари, работники музеев, экскурсоводы, артисты, актёры, музыканты, певцы, писатели и художники. В исследовании мы обратим особое внимание на резерв кадрового потенциала в сфере культуры, а именно, молодых специалистов. Специалисты этой сферы призваны поддерживать и развивать духовно-нравственные основы общества, национальные традиции, искусство, формировать духовные установки, мировоззрение личности, содействовать реализации ее творческих способностей и интересов.

Работу молодым специалистам в сфере культуры в Могилевской области обеспечивают 505 клубных учреждения, 523 библиотеки, 16 кинотеатров и 369 киноvideоустановок, 24 государственных музея, 78 детских школ искусств и 149

их филиалов и классов на селе, 14 Домов ремесел, 3 театра и областная филармония.

Ежегодно в Республике Беларусь выпускается около 20 тыс. молодых специалистов с высшим образованием и 18 тыс. человек со средним специальным образованием. Из них около 4 тыс. направляются по распределению в Могилевскую область. Подготовка специалистов в культуре в г. Могилеве и области осуществляется в пяти учреждениях среднего специального образования, и дипломами о высшем образовании специалисты получают после обучения в г. Минске, в учреждениях республиканского масштаба (Белорусская академия искусств, БГУКИ, Белорусская государственная академия музыки).

Социально-профессиональная адаптация имеет место в различных сферах трудовой деятельности, где есть молодые специалисты, но в каждой из них этот процесс приобретает свои особенности. Определенная специфика в становлении молодого специалиста присуща и учреждениям культуры. Она обусловлена тем, что, во-первых, здесь присутствует более целенаправленный выбор характера трудовой деятельности молодыми людьми; во-вторых, значительная часть контингента адаптантов обладает природной одаренностью и творческими способностями; в-третьих, сфера культуры представляет собой обслуживающую отрасль, находится в основном на бюджетном финансировании, испытывает определенные трудности в материальном обеспечении и оплате труда специалистов.

Под социально-профессиональной адаптацией будем понимать социально-психологический процесс, в ходе которого происходит приобщение индивида к профессиональной и социокультурной среде, вхождение в систему трудовых отношений, установление приемлемых личностных контактов с социальным окружением. Это двустороннее взаимодействие личности и социально-профессиональной общности, результатом которого является, с одной стороны, приспособительные освоение внутриколлективных отношений и рост профессионального мастерства, а, с другой, реализуется влияние молодого специалиста на изменение устоявшихся норм в целях оптимизации процесса создания духовно-культурных ценностей.

Основными компонентами исследования адаптационного процесса являются следующие: профессиональная ориентация; жизненные и профессиональные ценности молодых специалистов; знания и навыки, применяемые в трудовой деятельности; карьерные установки.

В данном исследовании был проведен социологический опрос среди молодых специалистов культурной сферы в Могилевской области. Выборочная совокупность составила 256 человек, из них: 79 (30,9%) – г.Могилев и г.Бобруйск, 147 (57,4%) – райцентры Могилевской области, 30 (11,7%) – работающие в сельской местности. В основу выборки был положен списочный состав молодых специалистов, предоставленный Управлением культуры Могилевского облисполкома.

Выбирая свой карьерный путь, современная молодёжь ориентируется на те ценности, которые существуют в обществе. Мы выяснили основные мотивы, которыми молодые специалисты руководствовались при поступлении в колледжи и вузы культурной направленности (таблица 1).

Таблица 1. - Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чем Вы руководствовались при выборе профессии?», %

Варианты ответа	Женщины	Мужчины	Общее распределение
Собственный интерес, склонности	83,9	83,8	83,9
Престиж профессии	17,0	10,8	16,1
Просто нужно было где-то учиться	9,2	2,7	8,2
Легко трудоустроиться	6,9	8,1	7,1
Где-то надо работать	6,9	5,4	6,7
Семейная традиция	6,0	5,4	5,9
Лёгкость выполняемой работы	4,1	8,1	3,9
Высокая оплата труда	2,8	0	2,4

Примечание – Общее распределение превышает 100%, т.к. на данный вопрос респонденты могли отмечать несколько вариантов.

Данные социологического опроса показывают, что для молодых работников культуры в первую очередь важно наличие таланта, способностей. Как девушки, так и юноши в большинстве руководствовались данными критериями выбора профессии. Среди опрошенных девушек 17,0% посчитали творческую деятельность престижной, немного меньше юношей – 10,8% - согласились с этим мнением. Также больше среди девушек оказалось и тех, кто выбрал данную профессию случайно, 9,2% сделали выбор неосознанно. Юношей в этой группе встречается меньше – 2,7%.

Осознанность профессионального выбора зависит от возраста и среды, в которой человек социализируется. При оценке успешности своей адаптации, 57,4% молодых специалистов посчитали, что полностью адаптировались к профессиональной деятельности, треть (34,0%) постепенно привыкают, у 8,6% возникают некоторые сложности с адаптацией.

В зависимости от степени самоадаптации было выяснено, в какой жизненный период был осуществлён профессиональный выбор молодыми специалистами. Как видно из таблицы 2, каждый третий из тех, кто полностью адаптировался к трудовой деятельности сделал свой выбор профессии в 5-8 классах (32,6%). Меньше всего среди тех, кто принял решение уже абитуриентом или, начав работать – 5,6%. По признакам самоадаптации, более половины тех, кто имеет некоторые сложности в работе, приняли решение учиться и работать по специальности уже в 9-11 классах (59,1%). Необходимо отметить, что ни один

из респондентов, испытывающих сложности, не выбрали профессию, будучи в вузе (колледже) или начав работать. Намного меньше среди плохо адаптировавшихся молодых специалистов представлено тех, кто сделал выбор при поступлении – 9,1%.

Таблица 2. - Распределение ответов респондентов на вопрос: «Когда Вы приняли решение учиться/работать по выбранной Вами специальности?», %

Период	Полностью адаптировались	Постепенно привыкают	Есть некоторые сложности	Общее распределение
До школы или в начальных классах	16,0	14,9	18,2	15,8
В 5-8 классах	32,6	34,5	13,6	31,6
В 9-11 классах	26,4	28,7	59,1	30,0
Будучи абитуриентом, при поступлении	18,8	16,1	9,1	17,0
Начав учиться/работать	5,6	5,7	0	5,1

Реализация способностей – основная причина занятия культурной деятельностью. Каждый третий молодой специалист (29,4%) обосновал свой выбор стремлением творческой самореализации. Для многих этот карьерный путь оказался мечтой с детства (20,6%). Процесс осуществления трудовой деятельности в культуре предполагает мобильный рабочий график, связанный с поездками на гастроли, обменом опытом как внутри страны, так и за её пределами. Также 13,7% молодых специалистов привлекает такой вид деятельности, и являлся одним из основных мотивов профориентации. Меньше всего специалистов сделали свой профессиональный выбор по корыстным целям. Так, 4,5% выбрали по причине лёгкости работы, 2,5% из желания заработать денег, 1,0% чтобы переселиться в город и 0,8% для переезда за границу.

Таким образом, привлекательность сферы культуры у большинства молодых специалистов заключается в сочетании творческой реализации и организационно-практических аспектов исследуемой сферы.

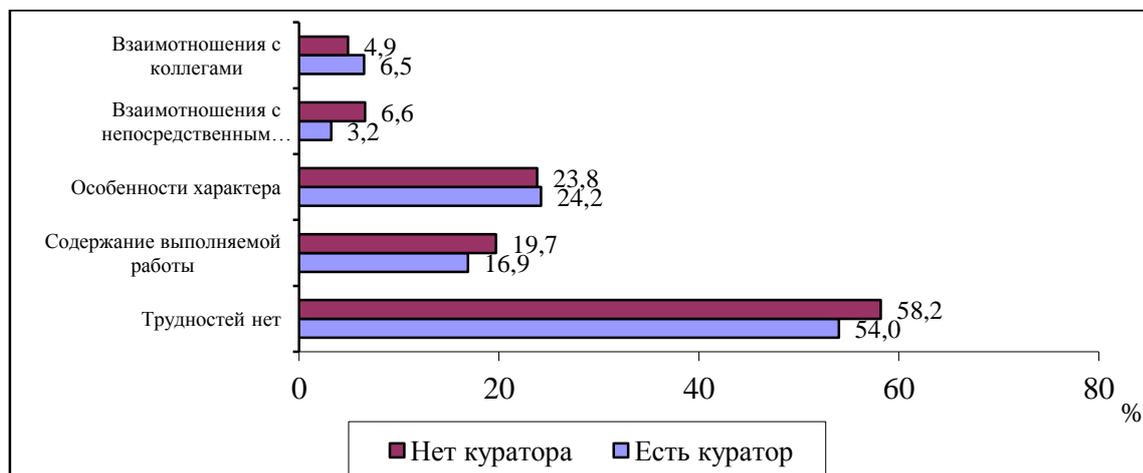
От адаптационного периода в начале профессиональной деятельности будет зависеть дальнейшая карьера молодого специалиста. Одним из важных аспектов реализации эффективной адаптации является применение полученных знаний и навыков на работе. В соответствии с самооценкой своих знаний, в среднем молодые специалисты оценили себя на 7,7 балла (по 10-ти бальной шкале). С этим мнением согласилось и большинство экспертов (кураторы и наниматели молодых специалистов). Они оценили средний квалификационный уровень молодёжи на 7,0 баллов.

При осуществлении качественной самооценки полученных навыков, более половины молодых специалистов в целом довольны полученными знаниями

– 62,1%. Среди экспертов, поддерживающие данное мнение, оказалось 66,0%. Согласно социологическим данным, эксперты полагают, что молодым специалистам недостаточно полученных знаний для осуществления трудовых обязанностей. Так, лишь 4,3% считают, что знаний больше, чем необходимо, а каждый четвертый (26,2%) согласен с тем, что знаний не хватает для выполнения требуемой работы. Среди молодых специалистов оценки оказались более оптимистичны. Так, уверены в своих знаниях и в том, что их получено больше, чем необходимо 18,8% опрошенных, а только 5,9% ощущают их нехватку. Меньше всего, как среди экспертов (2,8%) так и среди молодых специалистов (5,9%) указали на то, что полученные знания не соответствуют выполняемой работе. Значительное количество молодёжи сомневается в оценке применения профессиональных знаний. По данным опроса, 7,4% затруднились оценить степень применения полученных навыков на практике.

Исходя из полученных результатов опроса, у молодых специалистов наблюдается немного завышенная самооценка о качестве полученных в учебном заведении знаний. Часть из них ещё не определилась с оценкой их применения. Можно предположить, что более чем у половины молодых специалистов адаптационные процессы проходят успешно (62,1% респондентов отметили, что уровень образования соответствует выполняемой работе), чего нельзя сказать о тех, кто испытывает трудности из-за нехватки знаний, или ещё не определился в их достаточности.

Социально-профессиональная адаптация молодых специалистов зависит от психологических, социальных и материальных факторов.

Примечание – Общее распределение превышает 100%, т.к. на данный вопрос респонденты могли отмечать несколько вариантов.

Рисунок 1 - Трудности у молодых специалистов в зависимости от наличия или отсутствия наставника (куратора), %

Мы выяснили, какие сложности возникают у молодых специалистов при выполнении профессиональных функций (рисунок 1).

Результаты опроса продемонстрировали отсутствие каких-либо сложностей на работе более чем у половины молодых специалистов, как у тех, кто закреплён за куратором (54,0%), так и у самостоятельно работающих (58,2%). В то же время, каждый четвёртый признаёт наличие психологических сложностей, которые мешают успешно адаптироваться. Так, 24,2% тех, у кого есть наставник и 23,8% тех, у кого его нет, осознают препятственное влияние особенностей своего характера на адаптационные процессы. Заметный разрыв наблюдается в социальном взаимоотношении в профессиональной среде, на что указали 6,6% молодых специалистов, которые работают без помощи кураторов и соответственно испытывают трудности во взаимоотношениях с непосредственным руководством. Вдвое меньше таких среди тех, кому есть к кому обратиться за помощью, т.е. к наставнику – 3,2%. Однако, обратная ситуация выявлена во взаимоотношениях с коллегами. Среди молодых специалистов, находящихся под наставничеством сложности с коллегами по работе испытывают 6,5% опрошенных, а среди тех, у кого отсутствует куратор – 4,9%.

Таким образом, большинство молодых специалистов не имеют серьёзных социально-психологических трудностей на рабочем месте. Тем не менее, с одной стороны, наличие куратора (кроме непосредственного руководителя) может значительно снизить конфликтность с руководством организации, однако в такой ситуации возникает необходимость более активного взаимодействия с коллективом, что влечёт риск напряжённости в социально-психологических отношениях с коллегами.

Таким образом, социально-профессиональная адаптация молодых специалистов в настоящее время осуществляется неоднозначно. Можно предположить, что половина молодых специалистов в рассматриваемой сфере в Могилёвской области всё ещё испытывают сложности как материального, так и социального характера. Отрасль культуры отличается от других сфер тем, что процесс обучения занимает достаточно долгий период, а также профориентация осуществляется в начальной и средней школе. Учитывая эти обстоятельства, многие молодые специалисты хотели бы посвятить свою жизненную карьеру культурно-просветительской деятельности, однако сталкиваясь с противоречиями в начале профессионального пути, молодые специалисты вынуждены искать способы повышения качества жизненного уровня за счёт смены профессии или рабочего места. Для успешности адаптационных процессов молодых специалистов в Могилёвской области необходимо учитывать следующие условия: соответствие трудоустройства полученной специальности; наличие куратора, а также налаженный благоприятный климат в коллективе; материальное стимулирование молодых специалистов; возможность предоставления творческой сво-

боды в выполнении трудовых функций; возможность прохождения зарубежных стажировок; учитывать особенности характера молодых специалистов при трудоустройстве.

Работа подготовлена в рамках НИР БРФФИ № Г17М-027 от 18.04.2017.

Библиографический список

1. Могилевский областной исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mogilev-region.gov.by/category/kultura>. – Дата доступа: 17.06.2016.

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 04.04.2017.

РАБОТА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

С. Н. Лихачева,

заведующая кафедрой политологии и социологии

УО «Могилевский государственный университет

имени А. А. Кулешова»,

кандидат социологических наук, доцент.

1. Деятельность местных органов власти представляет собой проведение внутренней политики государства на определенной территории. Позитивное отношение граждан к власти предопределяется социальной стабильностью в повседневной жизни, обеспеченным материальным положением, благоустроенным жильем, определенностью в трудовой деятельности, возможностями для образования, отдыха, комфортными условиями в населенном пункте. Формирование частной и смешанной форм собственности наряду с государственной означает неизбежность перестройки системы управления, в том числе на местном уровне. Если для государственной формы собственности приемлемыми являются различные схемы планирования и подчинения организаций, предприятий государственным органам управления, то в новых условиях должны преобладать косвенные методы регулирования их деятельности. На местные власти возлагается ответственность за создание среды для функционирования данных субъектов и выполнение координирующих функций.

Обращения граждан в местные органы власти служат не только удовлетворению их насущных потребностей, но и являются важнейшим механизмом «обратной связи», необходимой государству. Их рассматривают в том числе, когда речь заходит о таких явлениях, как политическая культура, политическое и гражданское участие. Основываясь на сложившихся официальных и бытующих неофициальных нормах, принципах и традициях в обществе складываются определенные типы поведения, как управленцев, так и граждан. Обращения в органы власти - одно из древнейших политико-правовых явлений. Однако на протяжении столетий господствовал традиционный подход, рассматривавший инициатора обращений как просителя. В условиях демократического государства обращения населения с вопросами, жалобами, просьбами и т.д. к исполнительной власти – явление вполне естественное, так как далеко не все свои потребности человек может удовлетворить самостоятельно. В контексте социальной защиты как направления социальной политики государства общество разрабатывает совокупность долгосрочных и среднесрочных целей своего развития в области уровня и качества жизни населения. Поэтому обращения граждан – это «обратная связь» в плане повышения ее эффективности, адресности, масштабов, оперативности выявления «болевых точек».

При обращении граждан в органы власти реализуется три основные функции: правозащитная, информационная и коммуникативная. Первая состоит в предотвращении нарушений прав граждан или их восстановлении, вторая - в получении управленческим аппаратом информации о проблемах населения посредством анализа большого числа обращений, третья - во влиянии граждан на работу управленческого аппарата в целях изменения социальной ситуации. Особая роль отводится работе с обращениями на местном уровне, т. к. это наиболее эффективный и короткий путь решения волнующей поселенческую общность проблемы. Кроме этого, происходит непосредственное взаимодействие граждан с властью, в результате которого и дается ей оценка. В последнее время формы, методы работы в этом направлении стремительно изменяются в первую очередь за счет широкого внедрения системы «одного окна», а также применения технических новшеств, например, возможностей электронных обращений посредством Интернет. Особенности взаимодействия местной власти и граждан были выявлены при проведении социологического исследования Могилевским институтом региональных социально-политических исследований в 2015 году.

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос: «Как изменились, по Вашему мнению, стиль, формы и методы работы с гражданами в органах местной власти за последние 3 года?», %

Варианты ответов	Общее распределение	Могилев	Бобруйск	Горецкий р-н	Кричевский р-н	Осиповичский р-н	Шкловский р-н
Улучшились	26	19,0	18,9	41,7	34,3	55,6	38,9
Не изменились	36	42,5	32,8	30,6	37,1	27,8	27,8
Ухудшились	7	9,5	6,6	0	5,7	2,8	8,3
Затруднились ответить	30	29,0	41,8	27,8	22,9	13,9	25,0

Распределение ответов респондентов в разных населенных пунктах по месту проведения опроса показало, что меньше всего улучшений в работе с обращениями за последние три года увидели жители крупных городов, однако, например, в Осиповичах позитивно оценивающих ситуацию в 2,5 раза больше, а также и в других районах улучшений больше, чем ухудшений. В районных городах меньше и затруднившихся ответить, т. к. можно предположить, что в них власть ближе к нуждам жителей и последние больше о ней информированы.

Система «одного окна» функционирует уже несколько лет и стала привычной формой работы с обращениями граждан. Ее введение было очень своевременным, значительно упростило и одновременно усовершенствовало контакты власти с гражданами. Важно также и то, что это привело к перезапуску правового механизма реализации права граждан на обращения в органы государственной власти, местного управления и самоуправления. Оно включает всеобщее право на обращения, свободу подачи обращений, равноправие и равную ответственность гражданина и государства, гласность разбирательства, объективность, комплексный подход к рассмотрению, законность всего порядка работы с обращениями граждан. Такая система открытости власти снимает предвзятое к ней отношение как к бюрократизированной, коррумпированной, далекой от нужд народа. Жители Могилевской области отмечают, что с внедрением системы «одного окна» получить необходимую консультацию или документ стало намного проще – 17,2%; упростились лишь некоторые процедуры – 29,6%; решать вопросы стало сложнее – 3,9%; ничего не изменилось – 20,4%; затруднились ответить – 29%. Можно отметить, что почти половина населения области отмечает улучшения той или иной степени, однако, для каждого пятого ничего не изменилось, неизвестна также позиция затруднившихся ответить.

Обращения граждан также можно рассматривать как одну из форм гражданского участия, реакцию на происходящие в государстве события. Даже решая свои частные проблемы, они вступает с властью в партнерские отношения, становятся более юридически грамотным и ответственным. Мы поинтересовались мнением населения, какой вид обращения им видится наиболее эффективным (рисунок 1).

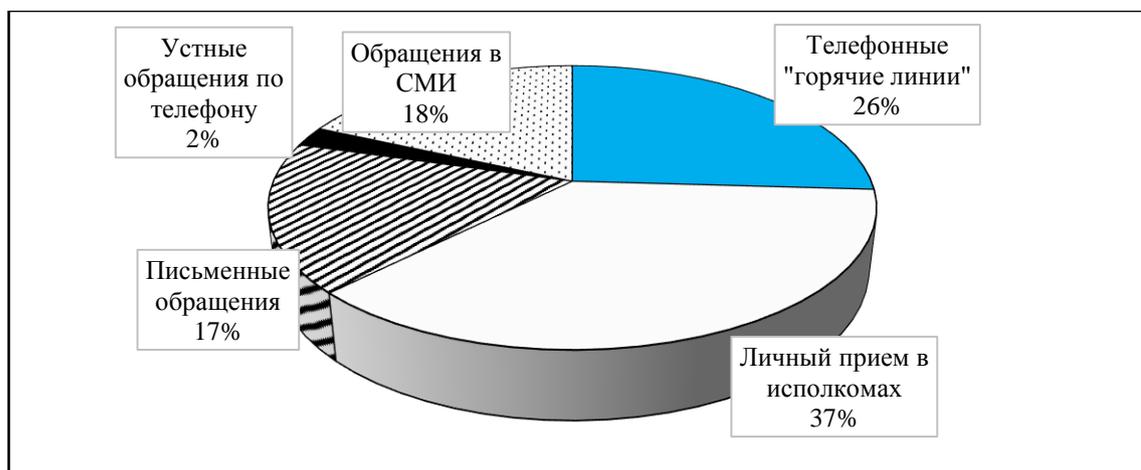

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Что является наиболее эффективной формой работы местных органов власти с обращениями граждан», %

Приоритет среди возможных форм обращений отдается личному посещению представителя власти и попытке получить ответ на свой вопрос, что называется, здесь и сейчас. Также эффективной видится получившая в последнее время широкое распространения форма работы с гражданами – телефонные «горячие линии», когда в течение нескольких часов чиновник, как правило, высокого ранга отвечает на поступающие от населения вопросы. Почти каждый четвертый расценивает форму позитивно. По-прежнему остаются популярными обращения к власти посредством СМИ, когда на основе описанной ситуации готовится репортаж, сообщение или просто происходит перенаправление жалобы во властные органы. Почти столько же указало и на эффективность письменных обращений. Промежуточную позицию между СМИ и письменными формами занимает электронная подача обращений, которая только начинает получать широкое распространение и в вариантах ответов в позиции «другое» она пока массово не добавлялась. Можно рассмотреть, каким формам подачи обращений отдают приоритет граждане разных возрастов (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос: «Что является наиболее эффективной формой работы местных органов власти с обращениями граждан», по возрасту %

Варианты ответов	20-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Телефонные «горячие линии»	29,4	33,8	31,0
Личный прием в исполкомах	43,7	44,4	47,8
Письменные обращения	16,0	20,9	26,5
Устные обращения по телефону	0,8	3,0	4,4
Обращения в СМИ	29,4	22,2	15,9

Тенденции в предпочтениях респондентов разных возрастных групп в целом схожи, но молодые, например, большее значение придают СМИ, включая возможности Интернета, и здесь стоит продолжать работу по налаживанию этой формы, т. к. она экономит время, удобна, не требует серьезных финансовых затрат. Старшая возрастная группа больше надежд на решение проблем связывает с письменными обращениями. Однако все признают личный прием в исполкоме как самую эффективную форму.

Решение социально значимых проблем зависит от своевременного реагирования и эффективного удовлетворения потребностей граждан, и в этом состоит профессионализм управленцев, несущих ответственность за стабильность в регионе. В противном случае население видит неспособность местной власти к управлению и обращается на республиканский уровень. Поэтому важно выяснить, имеется ли в общественном мнении уверенность в возможностях местных исполнительных органов (рисунок 2).

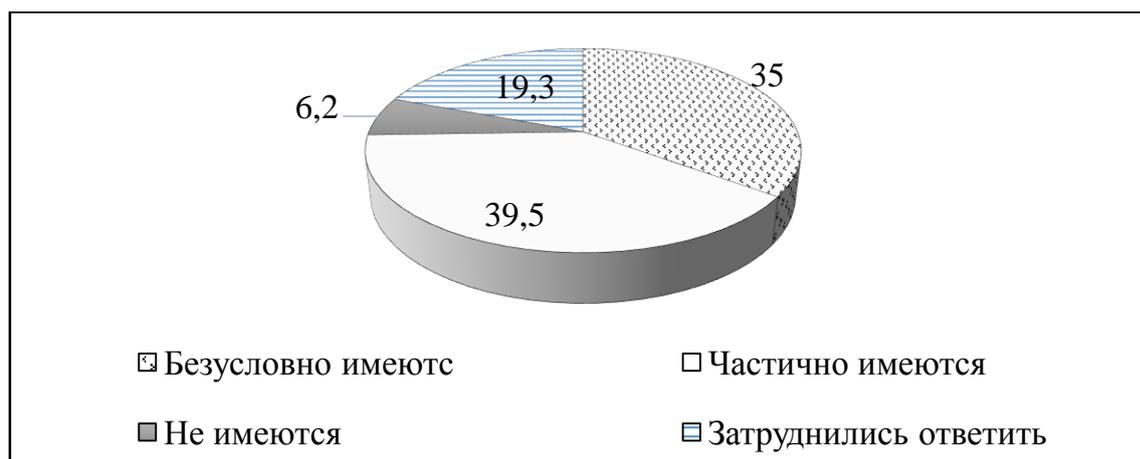

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «По вашему мнению, имеются ли у местной власти все необходимые ресурсы для решения социально значимых проблем населения?», %

Значительное число жителей Могилевской области убеждены, что у местной власти хватает полномочий для решения имеющихся у населения

проблем, а мнение «они ничего не решают» имеется только у 6,2 % респондентов. В разных населенных пунктах оценка управленческих ресурсов неодинакова (таблица 3).

Таблица 3. – Распределение ответов на вопрос: «По вашему мнению, имеются ли у местной власти все необходимые ресурсы для решения социально значимых проблем населения?» по месту проведения опроса, %

Варианты ответов	Могилев	Бобруйск	Горецкий р-н	Кричевский р-н	Осиповичский р-н	Шкловский р-н
Безусловно имеются	41,0	25,4	41,7	20,0	36,1	38,9
Частично имеются	34,5	38,5	38,9	54,3	44,4	52,8
Не имеются	7,5	7,4	0	2,9	5,6	5,6
Затрудняюсь ответить	17,0	28,7	19,4	22,9	13,9	2,8

Высоко оценивают возможности местной власти в Могилеве, Горках, Шклове и Осиповичах, поэтому управленцам, по мнению населения, лишь остается правильно распоряжаться своими полномочиями для решения проблем местного сообщества. Достаточно большое число в некоторых городах затруднившихся ответить обращает нас к вопросу о достаточности информирования о деятельности власти на местах.

Таким образом, анализ особенностей взаимодействия власти с населением в современных условиях показал необходимость дальнейшей работы по привлечению всех необходимых ресурсов для решения социально значимых проблем населения на местном уровне. Организация работы с обращениями граждан хотя и не вызывает серьезных нареканий, но требует совершенствования нормативной базы, а также более широкой пропаганды через все средства массовой коммуникации имеющихся форм и возможностей связи с представителями местной власти по поводу волнующих жителей области проблем. Современная социальная действительность видоизменяет запросы жителей в сторону повышения качества услуг и состояния жизненной среды. Поэтому проблема совершенствования управленческой деятельности по удовлетворению потребностей граждан является одной из востребованных и сложных. Основные направления этой деятельности изложены в регламентирующих правовых документах, а с какой эффективностью они внедряются в реальную практику, зависит от инициативы местных органов власти.

РАЗВИТИЕ СТРАНЫ ГЛАЗАМИ ОБЩЕСТВА: БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД 1990-2011 гг. В МЕЖДУНАРОДНОМ СРАВНЕНИИ

Н.Ф. Денисова,

научный сотрудник

ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси».

Для социологов изучение культурного развития пограничья представляет особый интерес, так как именно здесь происходит соприкосновение культур – нашей и наших соседей. Взаимообмен идеями, ценностями, культурными смыслами приводит к формированию единого культурного пространства региона – Европы. Но для плодотворного культурного обмена нужны определенные предпосылки: простой механический перенос идей и ценностей из одной культурной среды в другую не гарантирует, что они приживутся. Как будет показано ниже, такими предпосылками выступают не только факторы культурной среды общества (его культурное наследие, традиции, черты менталитета и пр.), но и социально-экономические условия жизни членов данного общества. Эта особенность культурного обмена идеями и ценностями имеет одно важное последствие: если в обществе не сформировались необходимые предпосылки, его невозможно радикально изменить, перевести в качественно иное состояние.

В данной работе осуществлена попытка оценить, сформированы ли необходимые предпосылки в Беларуси для ее интеграции в общеевропейское культурное пространство. В основе анализа лежит изучение представлений населения о приоритетах развития страны. Проведенный анализ строится на допущении, что выбор целей общественного развития свидетельствует о характере ценностей человека. Иначе говоря, если человек определяет что-либо значимым для страны, следовательно, это является значимым и для него.

В качестве эмпирических данных были использованы результаты исследований World Values Survey (далее – WVS), - репрезентативных повторных социологических исследования, которые были проведены более чем в 100 странах мира. Данный проект был запущен в 1981 г. и к настоящему времени было проведено 6 волн, однако Беларусь участвовала всего в трех из них (в 1990 г., 1996 г., и 2011 г.) [1]. Далее сравнительный анализ будет строиться на результатах этих трех волн, сравнение будет проводиться по пяти странам: Беларуси, России, Украине, Германии и Польши. Критериями отбора стран выступила с одной стороны их географическая близость к нашей стране, а с другой, - наличие тесных экономических связей с Беларусью.

Одна из ключевых целей WVS – изучение на глобальном уровне динамики изменений ценностей. Поскольку один из наиболее значимых вкладов в разработку используемого в WVS методологического подхода изучения ценностей сделал Р. Инглхарт, кратко рассмотрим основные теоретико-методологические основания. Подробно данные основания представлены в работе [2].

Первое основание постулирует наличие тесной взаимосвязи между социально-экономической модернизацией общества и изменениями его системы ценностей. Раскроем этот тезис более подробно.

Р. Инглхарт выделяет две группы ценностей: материалистические и постматериалистические. Материалистические связаны с поощрением стремления индивида к высокому благосостоянию, материальному накоплению. Общество, в котором они господствуют, характеризуется стремлением к постоянному экономическому росту. В истории переход к такого рода системе ценностей стал важнейшей культурной переменной, так как именно они выступили предпосылкой, необходимым ценностным фундаментом, для начала экономической модернизации. Поскольку ключевым приоритетом общественного развития выступает экономический рост, со временем большинство его членов достигает высокого уровня благосостояния, при котором им гарантируется безопасность и отсутствие необходимости бороться за выживание.

По мнению Р. Инглхарта, достижение такого благосостояния, в свою очередь, становится предпосылкой для перехода к новой системе ценностей, в которой все большую значимость принимают постматериалистические ценности. К данной группе относятся ценности, которые поощряют самовыражение, самореализацию индивида, например, посредством его активного участия в общественной жизни. Общества, в которых господствуют такого рода ценности, стремятся к расширению прав и свобод отдельного человека, а также характеризуются ростом участия индивидов в различных гражданских инициативах, направленных на защиту экологии, прав меньшинств и пр. Однако, важно отметить, что высокий уровень благосостояния рассматривается им как необходимая, но не достаточная предпосылка перехода к постматериалистическим ценностям. Большую роль играет также специфика культурной среды.

Второе основание изучения динамики ценностей признает в качестве источника постоянного изменения ценностей общества – смену поколений. Почему же ценности поколений различаются? Причиной таких различий выступают разные условия социализации. Р. Инглхарт выдвигает гипотезу о ценностной значимости недостающего: человеку значимо то, чего у него нет. Например, если в период юности индивид испытывал большие материальные проблемы, в последствии он будет высоко ценить и стремиться к материальному благосостоянию.

Третье основание признает в качестве основного вектора развития общества – расширение участия индивида в общественной жизни. Р. Инглхарт исходит из того, что общий вектор развития ценностей общества направлен в сторону перехода к высокой значимости ценностей самореализации личности.

Таким образом, если исходить из трех вышеописанных теоретико-методологических оснований изучения ценностей в WVS, то можно утверждать следующее: общий вектор ценностных изменений нам известен; данные изменения неизбежны благодаря смене поколений; однако, переход к новым ценностям не возможен без наличия не только определенных культурных, но и социально-экономических предпосылок. Рассмотрим, удалось ли в рассматриваемых нами пяти странах сформировать экономические предпосылки для перехода к новой системе ценностей. На рисунке 1 представлено соотношение внутреннего валового продукта по паритету покупательной способности (далее ВВП по ППС) на душу населения 4 стран за период 1990-2014 гг. к данному показателю Германии [3]. Таким образом, ВВП по ППС на душу населения каждой из 4 стран представлен как доля от немецкого в отчетном году. Как видно по данным рисунка 1, близкие стартовые позиции не гарантируют равные достижения в экономическом росте. Можно предположить, что здесь должна была проявиться ключевая гипотеза Р. Инглхарта, в соответствии с которой рост благосостояния приводит к изменению системы ценностей. Перейдем к проверке данной гипотезы на основе анализа представлений населения стран о приоритетах развития их обществ.

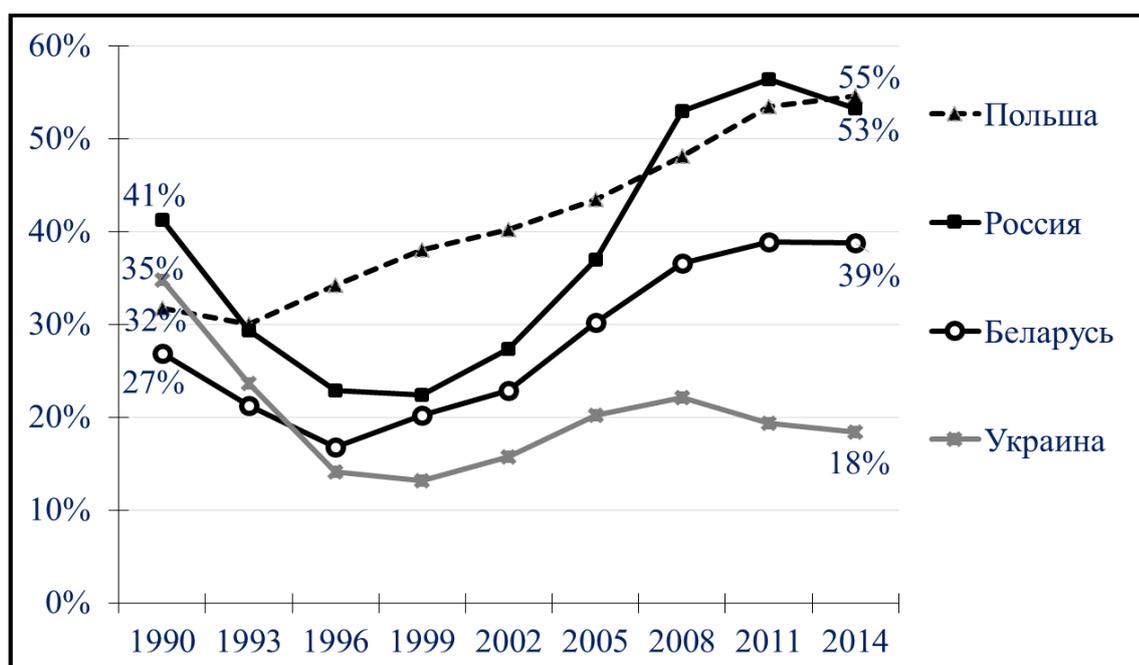

Рисунок 1 – Соотношение ВВП по ППС на душу населения в 1990-2014 гг. (Германия = 100,0%)

В WVS респонденты выбирали самые важные цели развития из трех предложенных блоков по четыре варианта ответа в каждом. Предлагаемые им 12 вариантов целей развития страны подразделяются на две группы, в соответствии с ценностями, которые лежат в их основе. Наш анализ будет охватывать только те приоритеты развития, которые определялись респондентами как наиболее важные, первоочередные. Другими словами, респонденты называли их в первую очередь из предложенного блока. В дальнейшем мы будем использовать термин «первый выбор», так как каждый респондент определял одну первоочередную цель развития в каждом из трех блоков вариантов. Чтобы данные приоритеты упорядочить по значимости для населения была рассчитана доля «первых выборов», которую получил каждый из 12 предложенных респонденту приоритетов. Рассмотрим более детально наиболее поддерживаемые населением приоритеты развития. Для этого были отобраны те варианты целей, которые получили поддержку со стороны населения в 10% и более от общего числа первых выборов.

В период 1989-1990 гг. в WVS не принимали участие Украина и Германия. Как видно на рисунке 2, в данный период населения всех трех стран в первую очередь волновали социально-экономические приоритеты развития.

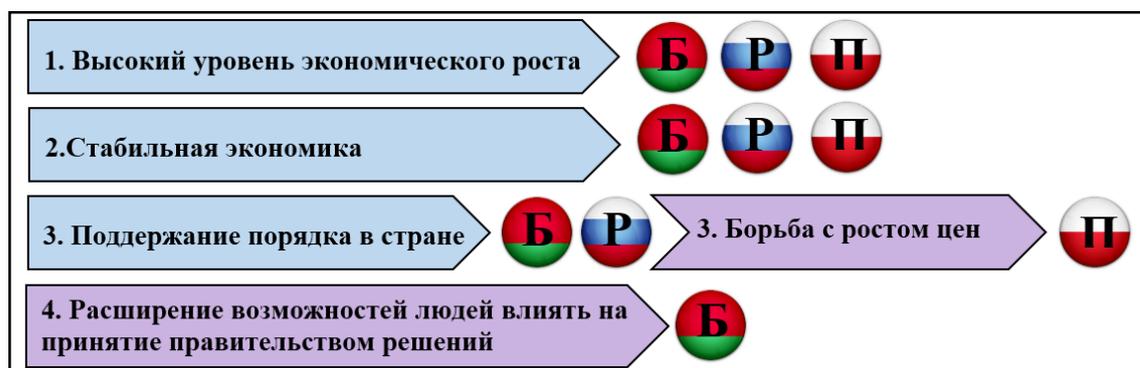

Рисунок 2 – Приоритеты развития страны по мнению населения Беларуси, России, Польши в 1989-1990 гг.

Примечательно, что на момент проведения опроса в 1990 г. для белорусов имела высокую значимость такая постматериалистическая цель общественного развития как «расширение возможностей людей влиять на принятие правительством решений». Это могло быть связано с политической нестабильностью того времени, а также с высоким уровнем недоверия населения к государственным структурам: государственным службам и милиции не доверяли 80%, судам – 74%, парламенту – 70%.

В середине 1990-х гг. для всех обществ сохраняется лидерство ценностей экономического развития (рисунок 3). Однако, у Польши произошла диверсификация данных целей: их количество выросло с трех позиций в

1989 г. до пяти в 1997 г. Это может объяснять тем, что с 1993 г. наблюдался рост ВВП на душу населения, таким образом первые успехи были достигнуты. В результате население стало обращать внимание не только на довольно абстрактную цель – «стабильный экономический рост», но и на ее частные приоритеты – борьбу с преступностью и ростом цен.

Рисунок 3 – Приоритеты развития страны по мнению населения Беларуси, России, Польши в 1995-1997 гг.

Как видно на рисунке 3, в Германии в данный период лидировали по поддержке ценности экономического развития, однако, в общей совокупности первых выборов материалистические ценности получили немногим более половины – 57%. Наиболее значимым постматериалистическим приоритетом развития для немцев середины 1990-х гг. выступало «расширение возможностей людей влиять на принятие правительством решений».

В 2011-2014 гг. наиболее ярко проявились различия между рассматриваемыми нами 5 странами (рисунок 4).

Рисунок 4 – Приоритеты развития страны по мнению населения Беларуси, России, Украины, Польши и Германии в 2011-2013 гг.

В постсоветских странах 70% всех первых выборов пришлось на четыре приоритета развития из двенадцати, причем все они касаются социально-экономического развития. В целом, за весь период рассмотрения данная группа стран демонстрирует стабильно высокую значимость материалистических ценностей общественного развития (на уровне от 80% и выше от всей совокупности сделанных респондентами первых выборов).

Для стран-членов ЕС при сохранении исключительной значимости обеспечения стабильного экономического роста, характерно повышение значимости ценностей самореализации личности. Наиболее ярко это проявляется в Польше: в целом, по сравнению с 1989 г. доля материалистических целей развития в общей совокупности снизилась на 10% и в 2012 г. составила 67%. Среди 5 наиболее значимых приоритетов развития – 3 последних являются постматериалистическими.

Подводя итоги анализа, необходимо отметить, что вне зависимости от успешности экономического развития главной ценностью для всех рассмотренных обществ является стремление к достижению и поддержанию высокого уровня благосостояния. Это означает, что экономический рост признается населением первичной целью развития страны, о которой необходимо постоянно заботиться, и не воспринимается как данность, не требующая участия со стороны общества.

В постсоветских обществах на протяжении всего рассмотренного периода господствуют материалистические ценности. Это говорит о том, что пока еще нет предпосылок к росту значимости для населения ценностей самореализации личности как активного субъекта общественного развития. В данных постсоветских странах все еще сохраняются нерешенные экономические, и, возможно, политические проблемы. Германия и Польша демонстрируют диверсификацию представлений населения о целях общественного развития. На их примере можно наблюдать движение в сторону роста поддержки постматериалистических ценностей.

Таким образом, можно резюмировать, что без достижения устойчивого экономического развития невозможно обеспечить близость культур Западной и Восточной Европы. Между Беларусью и Германией, Польшей имеются культурные различия, но важно учитывать, что их источник не только в менталитете, истории, но и в социально-экономических условиях жизни.

Библиографический список

1. World Values Survey [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>. – Date of access: 14.03.2017.

2. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – С. 31–201.
3. The World Bank [Electronic resource]: Data - GDP per capita, PPP. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>. – Date of access: 14.03.2017.

ЧЫТАННЕ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ У БЕЛАРУСКІМ ГРАМАДСТВЕ

*К. І. Стаселька,
аспірант ДНУ “Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі”.*

Пры вывучэнні літаратуры, як сацыяльнага інстытута, у сацыялогіі літаратуры важнае месца адводзіцца даследаванню чытацкай аўдыторыі, стратэгіям і устаноўкам чытачоў, якія, у той ці іншай ступені, аказваюць уплыў на структуру і функцыянаванне гэтага сацыяльнага інстытута. У дадзеным артыкуле мы прывядзем некаторыя вынікі апытання ў межах маніторынгу, які праводзіўся Інстытутам сацыялогіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ў 2016 годзе, і які дазволіў атрымаць дастаткова актуальныя дадзеныя адносна чытацкай аўдыторыі нашай краіны.

Згодна з вынікамі апытання мастацкую літаратуру чытае 49,5% рэспандэнтаў. З іх штодня чытае 7,4%, некалькі разоў на тыдзень – 11,5%, раз на тыдзень – 4,8%, некалькі разоў у месяц – 10,8%, радзей разу ў месяц – 15%. 48,9% рэспандэнтаў адказалі, што зусім не чытаюць мастацкую літаратуру. Калі разглядаць гендэрны аспект, можна сказаць, што больш чытаючай групай з'яўляюцца жанчыны – з іх чытае 54,7%, у той час, як сярод мужчын мастацкую літаратуру чытае 43,3%. Сярод жанчын штодня чытае мастацкую літаратуру 8,6%, сярод мужчын – 5,9%, а некалькі разоў на тыдзень 13,7% жанчын і 9% мужчын. Калі разгледзець узроставай аспект, то найбольш чытаючай групай з'яўляецца моладзь. Так, ва ўзроставай групе 16-29 гадоў мастацкую літаратуру чытае 56% рэспандэнтаў, у групе 30-49 гадоў – 49,9%, а узроставай групе 50 і больш гадоў мастацкую літаратуру чытае найменшы адсотак – 45% рэспандэнтаў.

Як было адзначана вышэй, мастацкую літаратуру чытае 49,5% рэспандэнтаў. Пры гэтым творы сучасных беларускіх аўтараў чытае толькі 12,4%, з іх: штодня – 0,5%, некалькі разоў на тыдзень – 0,9%, раз на тыдзень – 0,9%, некалькі разоў у месяц – 2,7%, радзей разу на месяц – 7,4%. З тых, хто чытае мастацкую літаратуру штодня, сучасных беларускіх аўтараў чытае 34,5%, а штодня – 4,7%. Сярод тых рэспандэнтаў, якія чытаюць мастац-

кую літаратуру некалькі разоў на тыдзень, сучасных беларускіх аўтараў чытае 26,8%, раз на тыдзень – 29,4%, некалькі разоў у месяц – 25,7%, радзей разу на месяц – 15,9% . Сярод мужчын сучасных беларускіх аўтараў чытае 11,4%, у той час, як сярод жанчын 13,6%. Калі разглядаць узроставай аспект, то больш рэспандэнтаў, якія чытаюць сучасных беларускіх аўтараў сустракаецца ў групе 16-29 гадоў. Размеркаванне па ўзроставых групам выглядае наступным чынам: 16-29 гадоў – 14,6%, 30-49 гадоў – 12,9%, 50 і больш гадоў – 11%.

Што тычыцца моўнага аспекту, то чытанню твораў сучасных беларускіх аўтараў на беларускай мове аддаюць перавагу 6,5% рэспандэнтаў, а на рускай – 11%. Сярод рэспандэнтаў, якія чытаюць мастацкую літаратуру штодня, сучасных аўтараў на беларускай мове чытае 24,4%, на рускай – 24%; некалькі разоў на тыдзень: на беларускай – 17,1%, на рускай – 19,6%; раз на тыдзень: на беларускай – 12,2%, на рускай – 21,4%; некалькі разоў у месяц: на беларускай – 10,8%, на рускай – 20%; радзей разу ў месяц: на беларускай – 5%, на рускай – 17%. Такім чынам толькі сярод рэспандэнтаў, якія чытаюць мастацкую літаратуру штодня, доля тых, хто аддае перавагу чытанню твораў сучасных беларускіх аўтараў на беларускай, перавышае долю тых, хто чытае дадзеныя творы на рускай мове. Сярод тых рэспандэнтаў, якія чытаюць сучасных беларускіх аўтараў штодня, на беларускай мове беларускіх аўтараў чытае 60,2%, на рускай – 71,1%. Некалькі разоў на тыдзень: на беларускай – 48,9,1%, на рускай – 50,5%; раз на тыдзень: на беларускай – 30,9%, на рускай – 67%; некалькі разоў у месяц: на беларускай – 50,9%, на рускай – 60,1%; радзей разу ў месяц: на беларускай – 45,9%, на рускай – 63,8%. Такім чынам, сярод тых, хто чытае сучасных беларускіх аўтараў штодня, найбольшая доля рэспандэнтаў, якія аддаюць перавагу чытаць дадзеныя творы на беларускай мове. Сярод жанчын беларускай мове чытання аддае перавагу 7,2%, рускай – 12,5, сярод мужчын на беларускай чытае 5,6%, на рускай – 9,3%.

Сярод сучасных аўтараў, чые творы рэспандэнты чыталі за апошнія тры гады, было названа 76 аўтараў. Пры гэтым значную частку з іх, такіх як Францыск Скарына, Якуб Колас, Янка Купала, Цётка, Іван Мележ, Іван Шамякін і іншых, мабыць, нельга аднесці да сучасных аўтарам. Таксама варта адзначыць, аўтар, якога рэспандэнты называлі часцей за ўсё – Уладзімір Караткевіч – набраў 1,3% адказаў рэспандэнтаў. Першыя дзесяць аўтараў, якіх называлі рэспандэнты: Уладзімір Караткевіч – 1,3%, Святлан Алексіевіч – 1,2%, Васіль Быкаў – 0,7%, Іван Шамякін, Наталля Батракова па 0,4%, Іван Мележ, Віктар Марціновіч, Якуб Колас, Рыгор Барадулін па 0,3%, Тамара Лісіцкая – 0,2%. 94,4% рэспандэнтаў не здолелі назваць ніводнага з сучасных беларускіх аўтараў, творы якіх чыталі за апошнія тры гады.

Такім чынам, вынікі маніторынгу Інстытута сацыялогіі сведчаць аб тым, што чытанне сучаснай мастацкай літаратуры ў беларускім грамадстве з'яўляецца дастаткова малараспаўсюджанай з'явай, а працэнт тых, хто рэгулярна звяртаецца да чытання дадзенай літаратуры невысокі. Пры гэтым, нават у сегменце беларускай літаратуры, чытачы ў большай ступені арыентаваны на рускамоўныя творы. Аднак, варта адзначыць, што сярод аўтараў, чые творы рэспандэнты чыталі за апошні час, часцей усё ж называліся беларускамоўныя аўтары.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНЕНИЯ

*Е.В. Таранова,
ведущий научный сотрудник
ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»,
кандидат социологических наук.*

Основной характеристикой культурной вариативности, которая была исследована более тщательно, чем любая другая тема в современной кросс-культурной психологии, и явилась доминирующей во многих исследовательских областях – от социальной психологии и психологии личности до политологии и менеджмента, – это измерение «индивидуализм – коллективизм» [1, с. 51]. Г.Хофстеде отмечал значимую корреляцию между уровнем благосостояния страны (показатель ВВП на душу населения) и выраженностью индивидуализма [2, с. 18]. Люди в индивидуалистических культурах часто отдают приоритет своим личным целям, даже когда они входят в конфликт с целями значимых групп (рабочий коллектив, приятельская компания и т.д.). Представители коллективистских культур, соответственно, отдают предпочтение целям группы. Поскольку финансовое благополучие ведет к социальной и психологической независимости, наиболее состоятельные и образованные слои общества в любой культуре имеют тенденцию быть более индивидуалистически настроенными.

По данным социологического опроса Института социологии НАН Беларуси (2016 г.), 36,8% белорусов считают, что наши люди заботятся только о себе и своих близких; 52,9% полагают, что люди стараются помогать другим; 10,3% затруднились ответить. Такое распределение ответов показывает, что ценности коллективизма более выражены, чем индивидуализма, хотя доля респондентов, разделяющих другую точку зрения, также значима. В Европейском социальном исследовании (European Social Survey – ESS, 2014 г. [3]) присутствует похожий вопрос: «По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего забо-

тятся только о себе?». Беларусь не принимает участие в данном исследовании, поэтому мы формально не можем сравнивать данные. Однако с некоторым допущением мы можем рассмотреть данные ESS для определения позиции Беларуси по сравнению со своими ближайшими соседями. Для этого шкала вопроса от 0 до 10 была преобразована в шкалу со значениями: «чаще заботятся только о себе» (оценки от 0 до 4), нейтральная позиция (оценка 5), «в большинстве случаев стараются помогать друг другу» (оценки от 6 до 10). Беларусь по данной характеристике ближе всего к России и дальше всего от Польши (таблица 1).

Таблица 1. – Частотное распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего заботятся только о себе?», % от ответивших (ESS, 2014 г.)

Варианты ответа (шкала)	Страна		
	Россия	Литва	Польша
Чаще заботятся только о себе	41,2%	47,3%	60,9%
Нейтральная позиция	20,8%	18,6%	20,3%
В большинстве случаев стараются помогать друг другу	37,9%	34,2%	18,8%

Данные еще одного международного проекта «Всемирный обзор ценностей» (WorldValuesSurvey – WVS, 2014 [4]), в котором Беларусь принимала участие, показывают, что на вопрос, считают ли респонденты себя автономным индивидом, большинство белорусов ответили отрицательно. Беларусь близка по распределению ответов к России и Украине (таблица 2).

Таблица 2. – Частотное распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующим утверждением о Вас: Я считаю себя автономным индивидом», % от ответивших (WVS, 2014 г.)

Варианты ответа (шкала)	Страны			
	Беларусь	Россия	Украина	Польша
Полностью согласны	10,7%	9,0%	15,3%	34,0%
Скорее согласны	18,5%	17,7%	22,7%	50,6%
Скорее не согласны	36,5%	29,8%	27,8%	14,3%
Полностью не согласны	34,3%	43,5%	34,2%	1,1%

Ценности коллективизма предполагают не только действие в интересах других (группы, общества), но и ожидание ответной заботы с их стороны. Поэтому ориентация на коллективизм в обществе может обуславливать патерналистский характер взаимодействия общества и государства. В общественном мнении белорусов по поводу роли государства в обеспече-

нии материального благополучия граждан (которое мы можем рассматривать в качестве индикатора патерналистских настроений) наблюдается разделение мнений: половина респондентов (50,7%) считает, что государство должно обеспечивать нормальный уровень благосостояния всем гражданам; 20,5% придерживаются мнения, что государство должно помогать только тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам (пенсионерам, инвалидам, сиротам и т.д.); 18,3% – что государство должно обеспечивать помощь всем, кто попал в трудное положение (например, лишился работы и т.п.); 4,4% полагают, что люди должны сами заботиться о себе и сами обеспечить себе нормальную жизнь без какой-либо помощи государства; 6,1% затруднились дать ответ на вопрос. Таким образом, около половины белорусов отводят государству определяющую роль в обеспечении достойного уровня жизни в стране.

По данным международного исследования (WVS, 2014 г.), более половины белорусских респондентов (60,3%) в той или иной мере согласны с утверждением, что «правительство должно нести больше ответственности за то, чтобы все граждане были обеспечены»; 16,8% считают, что «люди должны сами себя обеспечивать и не надеяться на правительство»; 22,8% занимают позицию между этими двумя точками зрения (таблица 3). Для сравнения отметим, что среди соседей Беларуси мнение, согласно которому правительство должно нести больше ответственности за благосостояние граждан («полностью согласны» + «скорее согласны»), разделяют 75,2% респондентов в Украине, 72,7% – в России, 47,6% – в Польше.

Таблица 3. – Частотное распределение ответов на вопрос: «С каким мнением вы согласны?»*, % от ответивших (WVS, 2014 г.)

Варианты ответа (шкала)	Страны			
	Беларусь	Россия	Украина	Польша
Полностью согласны с тем, что правительство должно нести больше ответственности за то, чтобы все граждане были обеспечены	36,0%	56,7%	56,9%	30,0%
Скорее согласны с тем, что правительство должно нести больше ответственности за то, чтобы все граждане были обеспечены	24,3%	16,0%	18,3%	17,6%
Нейтральная позиция	22,8%	14,8%	12,8%	26,3%
Скорее согласны с тем, что люди должны сами себя обеспечивать и не надеяться на правительство	9,9%	6,6%	6,1%	16,4%
Полностью согласны с тем, что люди должны сами себя обеспечивать и не надеяться на правительство	6,9%	5,8%	5,9%	9,7%

Примечание – Шкала от 1 до 10 была преобразована в 5-балльную шкалу.

Взаимные социальные обязательства, которые характерны для стран с ориентацией на коллективизм, являются также индикатором краткосрочной ориентации для измерения «краткосрочная – долгосрочная ориентация» [2]. Данное культурное измерение определяет, какова временная ориентация населения страны по отношению к своей жизни и работе. Долгосрочная ориентация может положительно влиять на экономическую и другие сферы жизни общества благодаря нацеленности людей на длительный результат, а не на стремление заполучить что-то «здесь и сейчас» [1].

При анализе временной ориентации, исходя из средней оценки и частотного распределения ответов, можно сказать, что у белорусов нет четко выраженной ориентации по данному индикатору. Можно говорить только о некоторой тенденции ориентации на будущее. По данным опроса 44,1% белорусов склонны скорее думать о будущем, чем жить сегодняшним днем; 31,9% скорее живут сегодняшним днем; остальные респонденты выбрали нейтральную позицию.

При анализе данной социокультурной характеристики важно рассматривать и тот аспект, могут ли граждане стратегически планировать свое будущее на определенную временную перспективу, а не просто «думать о будущем». По данным более раннего социологического исследования (2014 г.) менее 1/5 респондентов могут говорить о своем будущем на долгосрочную и среднесрочную перспективу (7,6% «на много лет вперед», 10,5% «на ближайшие пять-шесть лет»); 24,5% представляют свое будущее «на ближайшие один-два года»; остальные (57,3%) либо затрудняются с ответом, либо отмечают, что не представляют свое будущее даже на ближайшие месяцы (таблица 4). Такое распределение ответов свидетельствует о краткосрочной ориентации в белорусском обществе.

Таблица 4. – Частотное распределение ответов на вопрос: «Учитывая нынешнюю ситуацию, на сколько лет вперед Вы с уверенностью можете говорить о своем будущем?», % от ответивших (2014 г.)

Варианты ответа (шкала)	%
На много лет вперед	7,6%
На ближайшие пять-шесть лет	10,5%
На ближайшие один-два года	24,5%
Я не знаю, что со мной будет даже в ближайшие месяцы	37,0%
Затрудняюсь ответить	20,3%
Итого	100,0%

Бережливость (накопление) также выступает ценностью в обществе с долгосрочной ориентацией. Поэтому страны, известные высокими показателями сбережений на душу населения, характеризуются долгосрочной

ориентацией. Следовательно, сберегательное поведение может выступать индикаторами временной ориентации. А наличие сбережений и практики сберегательного поведения могут показывать, реализует ли население на практике ценности культуры с долгосрочной ориентацией. По данным международного исследования (WVS, 2014 г.) только 15,6% белорусских респондентов отметили, что за последний год их семья сделала сбережения. В Украине эта доля еще ниже (14,6%), в России (21,7%) и Украине (25,0%) – несколько выше (таблица 5).

Таблица 5.– Частотное распределение ответов на вопрос: «За последний год Ваша семья ...», % от ответивших (WVS, 2014 г.)

Варианты ответа (шкала)	Страны			
	Беларусь	Россия	Украина	Польша
Сделала сбережения	15,6%	21,7%	14,6%	25,0%
Ничего не накопила, жила от зарплаты до зарплаты	47,0%	56,9%	66,3%	42,9%
Потратила часть сбережений	31,9%	13,2%	13,8%	18,5%
Потратила часть сбережений и влезла в долги	5,4%	8,2%	5,3%	13,7%
Сделала сбережения	15,6%	21,7%	14,6%	25,0%

По данным опроса Института социологии (2016 г.) более половины респондентов (56,4%) не имеют возможности делать сбережения, все полученные доходы они тратят. Среди белорусов, которым материальное положение позволяет делать сбережения, чуть более половины респондентов ориентированы, в первую очередь, делать сбережения, чуть менее половины – сначала тратить, а оставшиеся средства откладывать. Исследователи отмечают, что временная перспектива имеет тенденцию к сужению в стесненных экономических условиях [1, с. 361]. Это означает, что экономические кризисы, произошедшие в недалеком прошлом страны, смещают культурное измерение такой страны от долгосрочной к краткосрочной ориентации. Тенденцию на краткосрочную ориентацию можно отметить и для нашей республики, поскольку основная мотивация сберегательного поведения белорусов – это стремление поддержать материальное положение своей семьи на случай непредвиденных обстоятельств, а не инвестирование в какие-либо долгосрочные или стратегически важные цели. Так, среди причин, по которым белорусы делают сбережения или стали бы делать, если бы была такая возможность, респонденты чаще всего, независимо от наличия сбережений и материального положения, отмечали варианты «на всякий случай» или «на черный день».

Таким образом, рассмотрение некоторых социокультурных характеристик белорусского общества, с использованием данных социологических

исследований, в том числе международных, позволило определить, что Беларусь, по сравнению со странами-соседями, характеризуется более выраженной ориентацией на коллективизм, которая во многом определяет патерналистские настроения белорусов, формирует определенные социальные ожидания от государства по обеспечению «нормального» уровня доходов. Следует отметить, что ориентация на патернализм в Беларуси выражена слабее, чем в России и Украине.

Библиографический список

1. Лебедева, Н.М. Ценности культуры и развитие общества / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко – М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2007. – 527 с.
2. Хофстеде, Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур / Г. Хофстеде: пер. с англ.: В.Б. Кашкина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 12. – 2014. – С. 9–49.
3. Европейское социальное исследование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=341>. – Дата доступа: 15.04.2017.
4. WorldValueSurvey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>. – Дата доступа: 15.04.2017.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕН НОВОГО ПОГРАНИЧЬЯ

*В.А. Можейко,
старший преподаватель
УО «Белорусский государственный университет
физической культуры».*

В современной культурной ситуации может быть зафиксирована тенденция, которая оценивается исследователями как альтернатива глобализационным процессам вестернизации и нивелировки культурного пространства, – это тенденция возрождения локальных культурных идентичностей. Так, по оценке Э. Гидденса, «локальное» – это ответ «глобальным силам» [17]. В этом контексте М. Алброу отмечает, что мировое сообщество сегодня следует понимать не как «единство без многообразия», но как «многообразие без единства» [15].

К настоящему моменту эта тенденция набрала достаточно серьезную силу, что нашло свое отражение в появлении специального термина «глокализация», который был введен Р. Робертсоном, определившим это понятие

как «универсализация партикуляризации и партикуляризация универсализации» [23, с. 100].

Согласно Оксфордскому словарю новых слов, этимологически прилагательное «глокальный» и существительное «глокализация» образованы «слиянием понятий глобального и локального» [25, с. 134], однако содержание термина «глокализация» выходит за узкие этимологические рамки. Его контекстное использование в литературе фактически выражает тенденцию противостояния напору глобализационных процессов посредством интенсификации локального (регионального) развития. На фоне стирания региональной специфики, в ходе глобализации оформляется встречный вектор, проявляющийся как в позитивных интенциях развития национальной традиции (возрождение национальных и региональных праздников и промыслов; культивация специфики в costume, языке и даже диалектах; возрождение интереса к национальной истории и т.п.) так и в негативных (явления сепаратизма и национализма).

П.Л. Бергер и С. Хантингтон в аналогичном контексте используют термины «региональная субглобализация» и «альтернативные модели современности» [10]. Механизм глокализации (субглобализации) описан Х. Хондкером как процесс, объединяющий в себе процессы «макролокализации и микроглобализации» [18, с. 38-42].

Р. Робертсон оценивает феномен глокализации как проявление такого свойства культурного развития человечества, как невозможность тотальной унификации культуры и неискоренимость локальных культурных различий: по его словам, «везде происходит какая-то адаптация. Простой пример: вы англичанин и покупаете машину в Японии. Но это же не значит, что в Великобритании вы будете ездить по японским правилам» [23, с. 100].

Надо отметить, что подобные явления имеют место и в экономике. Так, К. Охмае отмечает характерный для сегодняшнего дня «подъем национальных экономик» [20].

В этом контексте внутри современного культурного процесса естественным образом возникают своего рода противовесы подобной унификации культурного пространства, – по оценке А.И. Смолика, «у процівагу ідеї глабальной культуры ўзнікаюць парадэгмы, якія абараняюць нацыянальныя культуры» [12, с. 23]. Б. Галь называет их «региональными моделями противостояния глобальным вызовам» [1].

Дж. Ритцер усматривает в глокализации своего рода вызов глобализационным процессам: проявления глокализации он оценивает как импульс глобализационным процессам, и в этом смысле глобализация и глокализация выступают как взаимостимулирующие агенты одного и того же двустороннего процесса [22, с. 13].

Таким образом, в основе идеи глокализации лежит презумпция децентрализованности культуры мира, основанного на этнокультурном полицентризме. Эта идея запускает интенсивное развитие локальных традиций внутри сформировавшихся на сегодняшний день регионов, в рамках которых местные традиции до сегодняшнего дня казались (и во многом были) нивелированы и угнетены под воздействием глобализационных процессов.

Данная тенденция позволяет говорить о феномене пограничья в новом контексте.

Классическим примером ситуации, выстраивающие программные альтернативы глобализационной унификации культуры, является концепция негритюда (французск. *negritude, om negre* – «негр»), в основе которой, в противоположность характерному для Запада европоцентризму, лежит идея афроцентризма, основанная на презумпции самобытности, самоценности и самодостаточности негроидной расы [3].

Термин «негритюд» и сама идея специфики африканского менталитета впервые были предложены в 1939 г. антильским поэтом Эме Сезэром в поэме «Дневник возвращения на родную землю», где он, развенчивая миф колонизаторов о неполноценности *черных*, противопоставил прагматичному рационализму *белых* такие исконные духовные ценности народов Африки, как «дар образного видения мира, ритмотворчество интуитивную мудрость, гармоничное слияние с миром природы и космических сил» [11].

Концептуальное свое оформление идея негритюда получила в работах Л. С. Сенгора – автора специфической системы антропологии, фундаментом которой является признание того тезиса, что разные культуры строятся на разных же способах миропереживания: по формулировке Л. С. Сенгора, «*духовность негра коренится в чувствительности*»: перефразируя известную формулу Р. Декарта «Я мыслю, – следовательно, я существую», Л.С. Сенгор формулирует аналогичную максиму для африканского чувственного миропереживания: «Я чувствую, я танцую “Другого”, – следовательно, я существую» [5]. Согласно его трактовке, для африканца характерно сенсорное восприятие мира (или, иными словами чувственное мироощущение) – в противоположность рационально-логическому мироосмыслению европейца [6, с. 256-277].

Главная идея Л.С. Сенгора заключается в том, что ни один из описанных вариантов мировосприятия не лучше и не хуже другого, они просто разные. Проблемы начинаются тогда и только тогда, когда один из них трактуется как предпочтительный (в крайней трактовке – единственно правильный) и навязывается другому, как в конкретно-исторической ретроспективе европейский вариант – африканскому, а потому необходимо исправить историческую ошибку европоцентризма, признав равнозначность и равноправие разнообразных форм построения культуры [9].

Теории афроцентризма нашли свою поддержку и среди гуманистов Европы. В Париже издавался литературно-философский журнал «Черный студент». Первый номер был подготовлен не только и не столько силами африканцев, живших на тот момент в Париже (сенегалец Л.С. Сенгор и гвинеец Ш.А. Диоп), сколько силами европейских интеллектуалов: Ж.-П. Сартра, А. Камю, А. Жида. Журнал трактовал негритюд как антитезу европоцентризму («оскорблению, которое белый человек наносил человечности»), провозглашая своей целью «заставить звучать голос Африки» и тем «объявить присутствие негро-африканца в мире» [13].

Ж.-П. Сартр определил негритюд как «антирасистский расизм» [24, р. 231]. Ретроспективно осмысливая цели и результаты европейской культурной экспансии, Ж.-П. Сартр пишет: «мы надеялись обнаружить хотя бы немного от нашего величия в домашних глазах африканцев. Но домашних глаз не стало: есть недружелюбный и свободный взгляд, который судит нашу землю» [24, с. 231]. На основе концепции негритюда возникли самые различные версии «национального социализма» у разных африканских народов, в том числе «социализм банту», «африканский синкретический социализм», «афроцентризм» и др. [14].

Аналогичны идеи теории убунту, лежащие в основе новой идеологии Южно-Африканской Республики [21]. Слово «убунту» из языков зулусов обозначает «человечность» [26], и в основе мировоззрения убунту лежит убеждение «я существую, потому что мы существуем» [19, с. 21-26]: в рамках данной идеологии, по оценке Дж.Т. Самканджа, быть человеком означает подтвердить свою человечность, признавая человечность в других и на этой основе устанавливая уважительные человеческие отношения с другими [4].

Несмотря на то, что названные концепции нередко служили основанием для выводов, близким к так называемому *черному расизму*, нельзя не увидеть в них и серьезного интереса к реактуализации локальной культурной традиции.

Аналогичные процессы возрождения национальной культуры отмечает А. Дж. Арриги и применительно к азиатскому региону, говоря о «подъеме Восточной Азии» [16]. А.И. Смолик отмечает в этом контексте многочисленные прецеденты мировоззренческой реакции на глобализационные тенденции в сфере культуры, проявившиеся в Индии, Японии, на Ближнем Востоке: «паэтызацяя этнічнай культуры знаходзіць яскравая выражэнне ў імкненні Японіі вярнуцца ў Азію, у “індуізацыі” Індыі, рэісламізацыі Блізкага Ўсходу» [12, с. 23], что также может иметь неоднозначные проявления, однако является весьма выразительной иллюстрацией успешных альтернатив глобализационному европоцентризму.

Применительно к нашей стране Э.К. Дорошевич отмечает, что «мы нечакана сталі сведкамі такіх з'яў сучаснай культуры, заснаваных на ўзорах

нематэрыяльнай культурнай спадчыны, як фальклорны рух (з 1960-х гг.), рух гістарычнай рэканструкцыі (з 1990-х гг). Трэба дадаць, што яны аказаліся даволі устойлівымі і схільнымі да самаарганізацыі і, нават, спалучэння з афіцыйнай культурай XXI ст. І сённяшняя крэатыўная моладзь апранае не толькі панкаўскаю і байкерскую джынсавую і скураную уніформу, але і этнічныя (гістарычныя) касцюмы сваіх продкаў і імкнецца пераняць іх мастацтва і лепшыя культурныя здабыткі» [2, с. 184-185].

Если учесть, что 2 июля 2016 года в Беларуси впервые на государственном уровне был проведен «Дзень вышыванкі», посвященный не только национальному белорусскому костюму в его исторических версиях, но и современным формам и способам его включения в сегодняшнюю повседневность, то нельзя не отметить прозорливость автора, который отметил данную тенденцию еще в 2010 году.

В целом, в литературе показано, что в контексте современной национальной культуры могут гармонично сочетаться современные и традиционные элементы, более того – именно фундаментальные нравственные основания культурной традиции оказываются, по оценке А. С. Лаптёнка, теми ориентирами, которые позволяют сохранить стабильность культурного целого при существенных пертурбациях в периоды нестабильности [8]. Это объясняется тем, что, как показано А.С. Лаптёнком, элементы традиционной культуры, выступая во многом основополагающими для национального культурного наследия, входят в базовое ядро национальной культуры [7].

Таким образом, пограничье оформляется внутри сложившихся и кажущихся унифицированными в культурном отношении регионов, – пограничье, которое возникает как результат актуализации казавшихся забытыми и поглощенными глобализационными процессами локальных традиций.

Библиографический список

2. Галь, Б. А. На пороге постсовременности. Региональные модели противостояния глобальным вызовам [Электронный ресурс] / Б. А. Галь // Диалог.ua.– Режим доступа: <http://www.dialogs.org.ua/ru/material/full/2/4460>.– Дата доступа: 17.10.2015.
3. Дарашэвіч, Э. К. Нематэрыяльная культурная спадчына ў структуры сучаснай культуры /Э. К. Дарашэвіч // Культура ва ўмовах глабалізацыі. Матэрыялы навуковай канферэнцыі. – Мн.: БДУКМ, 2010. – С. 182-186.
4. Ерасов, Б. С. Тропическая Африка: идеологии и проблемы культуры / Б. С. Ерасов. – М.: Наука, 1972. – 270 с.

5. Карелин, В. Убунту: я существую, потому что мы существуем[Электронный ресурс] / В. Карелин // Человек без границ. Международный журнал. – Режим доступа: <http://www.bez-granic.ru/index.php/2013-08-04-13-26-15/vse-rubriki-zhurnala/voprosyoglavnom/520-ubuntu.html>. – Дата доступа: 11.07.2016.
6. Корнеев, М.Я. Африканские мыслители XX века. Эскизы к интеллектуальным портретам[Электронный ресурс]/ М. Я. Корнеев // Anthropology – web-кафедра философской антропологии. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/korneev-mya/metafizika-estetika-i-komparativistika-leopolda-sedara-sengora>. – Дата доступа: 12.07.2016.
7. Корнеев, М. Я. Метафизика, эстетика и компаративистика Леопольда Седара Сенгора / М. Я. Корнеев // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сб. к 75-летию проф. М. Я. Корнеева. Серия «Мыслители». – Вып. 11. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 256–277.
8. Лаптенюк, А.С. Моральное наследие в социодинамике культуры / А. С. Лаптенюк. – Минск: БГУ, 2002. – 124 с.
9. Лаптенюк, А.С. Традиция как условие формирования нравственной культуры общества / А. С. Лаптенюк// Нравственная культура личности: условия формирования. – Минск, 2001. – С. 49–68.
10. Ляховская, Н. Д. Леопольд Седар Сенгор / Н. Д. Ляховская. – М.: Наследие, 1995. – 111 с.
11. Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире/ Под ред. П.Л. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
12. Негритюд [Электронный ресурс]: Литературный словарь терминов. – Режим доступа: <http://www.litdic.ru/negrityud/>. – Дата доступа: 11.07.2016.
13. Смолік, А. І. Тыпалогія сацыядынамікі этнакультурных супольнасцей / А. І. Смолік // Культура ва ўмовах глабалізацыі. Матэрыялы навук.канф.– Мн.: БДУКМ, 2010. – С. 19–24.
14. Буровский, А. М. Теория негритюда[Электронный ресурс] / А. М. Буровский // Бремя белых. Необыкновенный расизм. – Гл. 48.– Режим доступа:http://www.e-reading.club/chapter.php/1009461/47/Burovskiy-_Vremya_belyh._Neobyknovennyy_rasizm.html#n_97. – Дата доступа: 11.07.2016.
15. Ульяновский, Р. А. Социализм и освободившиеся страны / Р. А. Ульяновский. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. – 555 с.
16. Albrow, M. The Global Age: State and Society beyond Modernity / M. Albrow. – Cambridge: Polity, 1996. – 256 p.

17. Arrighi, G. Globalization and the Rise of East Asia: Lessons from the Past, Prospects for the Future / G. Arrighi // International Sociology. – 1998. – № 1. – P. 59–77.
18. Giddens, A. Runaway World / A. Giddens // New York, 2000. – 124 p.
19. Khondker, H. Globalization Theory: A Critical Analysis / H. Khondker // Department of Sociology Working Paper, National University of Singapore, 1994. – 42 p.
20. Nussbaum, B. Ubuntu: Reflection of a South African on Our Common Humanity / B. Nussbaum // Reflection, the Society for Organizational Learning and Massachusetts Institute of Technology. – Vol. 4. № 4. – 2003. – P. 21–26.
21. Ohmae, K. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies / K. Ohmae. – London: Harper Collins Publishers, 1995. – 214 p.
22. Revolutionary Ubuntu: The shack dwellers and poor people of South Africa. Documents [Electronic resource]: eBlack Studies 2014. – Mode of access: <http://www.eblackstudies.org/ebooks/ubuntu.pdf>. – Date of access: 11.07.2016.
23. Ritzer, G. The Globalization of Nothing / G. Ritzer. – Thousand Oaks, California, 2004. – 259 p.
24. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – L., 1992. – 224 p.
25. Sartre, J. P. Situations III / J. P. Sartre. – Paris: Gallimard, 2013. – 464 p.
26. The Oxford Dictionary of New Words. – L., 1991. – 1113 p.
27. Ubuntu–African Philosophy [Electronic resource]: Buzzle. – Mode of access: <http://www.buzzle.com/editorials/7-22-2006-103206.asp>. – Date of access: 11.07.2016.

БЕЛАРУСЬ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПОГРАНИЧЬИ: СООТНОШЕНИЕ С РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ

В.А. Одиноченко,

доцент

УО «Гомельский государственный университет

им. Ф. Скорины»,

кандидат философских наук, доцент.

Сделаем несколько предварительных замечаний. Когда мы говорим о пограничных территориях и перспективах их развития, то акцент делается на пространственном аспекте проблемы. Характерной особенностью пространства современной Беларуси, определяющей его специфику, является то, что оно претерпевает значительную трансформацию. Во-первых, изменилось наше пространственное положение. Раньше мы были частью огромного политического и культурного образования, Советского Союза, сейчас же являемся самостоятельным государством. Во-вторых, в настоящее время происходит формирование нашего политического, экономического, культурного и т.д. пространства. На этот процесс влияют многие факторы, в том числе и конфессиональные. От направленности и характера происходящих изменений зависит место Беларуси в мире.

Мы исходим из того, что пространство современной Беларуси имеет многомерный характер. Конфессиональное измерение является одним из многих. Оно определяется количеством организаций того или иного религиозного направления, их динамикой, взаимодействием между собой и с другими сферами общественной жизни, а также конфессиональной политикой государства.

Трактовка Беларуси как пограничной территории является распространенной в нашем общественном сознании. Обычно она определяется как нахождение между Востоком и Западом. Тогда при анализе нашей религиозной ситуации ее соотносят с российской и европейской. Считается, что в России доминирует православие, а в Европе – католичество и протестантизм. Религиозный аспект проблемы «Беларусь между Россией и Европой» анализировался многими авторами, в том числе и нами.

Однако мы считаем, что в настоящее время актуальным является анализ специфики конфессиональной ситуации в Беларуси по отношению к России и Украине. Этим задается новый ракурс рассмотрения проблемы нашего места в регионе. Во-первых, считается, что русские, украинцы и белорусы принадлежат к восточнославянской культуре и имеют общую историю, начало которой видят в крещении Руси киевским князем Владимиром. В качестве духовной основы восточнославянской культуры называют православие, тогда католичество и протестантизм рассматриваются как нечто

инородное. Однако большинство современных европейских государств являются многоконфессиональными. Поэтому интересно сопоставить нашу конфессиональную ситуацию с российской и украинской. Во-вторых, последние события в Украине показали разницу в геополитической ориентации восточнославянских стран, что отражается и на происходящих в них конфессиональных процессах. Специфика позиции Беларуси заключается в стремлении обеспечить стабильность внутри страны и сохранить дружеские взаимоотношения с соседями.

На 1 января 2015 года в Беларуси было зарегистрировано следующее число религиозных общин различных направлений (таблица 1).

Таблица 1. – Численность религиозных общин различных конфессий в Беларуси на начало 2015 г.

Наименование конфессии	Численность общин
Православная церковь	1643
Старообрядческая церковь	33
Римско-католическая церковь	491
Католики латинского обряда	1
Греко-католическая церковь	15
Реформатская церковь	1
Лютеранская церковь	27
Евангельские христиане баптисты	288
Иоганская церковь	1
Новоапостольская церковь	21
Пресвитерианская церковь	1
Христиане веры евангельской	522
Христиане полного Евангелия	59
Христиане веры апостольской	10
Церковь Христова	5
Мессианские общины	2
Адвентисты седьмого дня	73
Свидетели Иеговы	27
Мормоны	4
Иудейская религия	38
Прогрессивный иудаизм	14
Мусульманская религия	25
Бахаи	5
Кришнаиты	6

Наименование конфессии	Численность общин
Армянская апостольская церковь	2
Всего	3314

Таким образом, мы видим, что в Беларуси существуют много конфессий, и ни одна из них не является преобладающей. Примерно 49,6% общин принадлежат к православной церкви. Следом идут христиане веры евангельской и католики (считается что последние – вторая по количеству приверженцев конфессия в Беларуси). Это соответствует нашей культурной традиции. Беларусь всегда была поликонфессиональной, и для нее характерна религиозная толерантность. Поэтому нам следует исходить из необходимости налаживания диалога между представителями различных религиозных направлений, действующих на территории нашей страны, прежде всего христианских.

В России на 1 января 2015 года было зарегистрированы религиозные общины (таблица 2).

Таблица 2. – Численность религиозных общин различных конфессий в России на начало 2015 г.

Наименование конфессии	Численность общин
Русская православная церковь	16076
Российская православная автономная церковь	34
Русская православная церковь за границей	12
Истинно-православная церковь	33
Российская православная свободная церковь	3
Украинская православная церковь (Киевский патриархат)	9
Старообрядцы	339
Римско-католическая церковь	226
Греко-католическая церковь	2
Армянская апостольская церковь	88
Ислам	4988
Буддизм	246
Иудаизм	254
Евангельские христиане-баптисты	831
Христиане веры евангельской	465
Евангельские христиане	712
Евангельские христиане в духе апостолов	20
Христиане веры евангельской-пятидесятники	1228

Наименование конфессии	Численность общин
Церковь полного Евангелия	29
Евангельские христиане-трезвенники	4
Адвентисты седьмого дня	575
Лютеране	222
Новоапостольская церковь	48
Методистская церковь	100
Реформатская церковь	3
Пресвитерианская церковь	194
Англиканская церковь	1
Свидетели Иеговы	385
Меннониты	7
Армия спасения	14
Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	53
Церковь объединения (Муна)	6
Церковь Божьей матери «Державная»	19
Молокане	19
Церковь последнего завета	2
Церковь Христа	17
Христиане иудействующие	2
Неденоминированные христианские церкви	11
Саентологическая церковь	1
Индуизм	1
Сознание Кришны (вайшnavы)	78
Вера Бахаи	15
Ассирийская церковь	5
Сикхи	1
Шаманизм	22
Зороастризм	1
Языческие верования	10
Иные вероисповедания	85
Все религиозные организации	27496

Таким образом, в России иная конфессиональная ситуация по сравнению с Беларусью. Русская православная церковь располагает 58,5% общин. Утверждается, что православие – духовная основа русской культуры.

Кроме того, второй по численности конфессией в России является ислам, что обусловлено национальным составом населения.

В Украине конфессиональная ситуация на 1 января 2015 года выглядела следующим образом (таблица 3). Указано общее число и число зарегистрированных общин.

Таблица 3. – Численность религиозных общин различных конфессий в Украине на начало 2015 г.

Наименование конфессии	Численность общин
Украинская Православная Церковь (Московского Патриархата)	12241/12190
Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата	4738/4725
Украинская Автокефальная Православная Церковь	1225/1225
Русская Православная Старообрядческая Церковь (Белокриницкое согласие)	54/47
Русская Православная Старообрядческая Церковь (беспоповское согласие)	14/12
Русская Православная Церковь Заграницей	28/28
Российская Истинно-Православная Церковь	27/27
Другие православные религиозные организации	118/103
Украинская Греко-Католическая Церковь	3769/3769
Римско-Католическая Церковь	931/915
Армянская Апостольская Церковь	25/24
Всеукраинский союз объединений евангельских христиан-баптистов	2518/2504
Религиозные организации бывшего Совета Церквей Евангельских христиан-баптистов	46/15
Другие религиозные организации евангельских христиан-баптистов	261/244
Религиозные организации евангельских христиан	309/305
Всеукраинский союз христиан веры евангельской (пятидесятников)	1610/1535
Союз свободных церквей христиан евангельской веры	120/105
Церковь евангельских христиан в духе апостолов в Украине	18/18
Религиозные организации Союза Церкви Божьей Украины	81/76
Религиозные организации центра Божьей Церкви христиан веры евангельской в Украине (в пророчествах)	128/95
Украинский центр объединенной церкви христиан веры евангельской	122/28
Другие религиозные организации христиан веры евангельской	526/477

Наименование конфессии	Численность общин
Церкви Полного Евангелия	607/590
Украинская Христианская Евангельская Церковь	154/154
Религиозные организации Церкви Живого Бога	52/52
Другие харизматические религиозные организации	534/505
Украинская объединенная конференция церкви адвентистов седьмого дня	1037/999
Церковь Адвентистов седьмого дня реформационного движения в Украине	41/25
Закарпатская Реформатская Церковь	119/114
Немецкая Евангелическо-Лютеранская Церковь	31/31
Украинская Лютеранская Церковь	31/31
Другие лютеране	15/15
Религиозные организации Пресвитерианской Церкви	65/65
Религиозные организации Церковь Христа	118/118
Новоапостольская Церковь	56/49
Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	45/31
Свидетели Иеговы	933/589
Объединение иудейских религиозных организаций Украины	71/71
Всеукраинский конгресс иудейских религиозных организаций	10/10
Объединение хасидов "Хабад Любавич" иудейских религиозных организаций Украины	109/109
Религиозные организации прогрессивного иудаизма	0/40
Другие иудейские религиозные организации	39/39
Духовное управление мусульман Украины	118/118
Духовное управление мусульман Крыма	7/7
Духовный центр мусульман Украины	17/17
Духовное управление мусульман Украины "Умма"	13/13
Независимые религиозные организации мусульман	60/60
Буддисты	56/54
Общество сознания Кришны	38/33
Другие религиозные организации восточного направления	47/29
Религиозные организации Родной украинской национальной веры	62/62
Другие религиозные организации язычников	70/66
Религиозные организации караимов	4/4
Другие, отдельные, независимые религиозные организации	312/264

Наименование конфессии	Численность общин
Межконфессиональные религиозные организации	3/3
В целом по Украине	33781/32792

Специфика конфессиональной ситуации в Украине заключается в том, что в ней, во-первых, действует большее количество религиозных организаций в целом, чем в России, хотя последняя имеет в несколько раз большее население. Во-вторых, в Украине большее количество православных общин, хотя именно Россия рассматривает себя как центр православия. В-третьих, в Украине есть три многочисленные православные церкви, во взаимоотношениях между которыми имеются проблемы, особенно в свете последних политических событий. В-четвертых, у тех протестантских направлений, для которых характерна активная миссионерская деятельность, в Украине имеется большое количество религиозных общин.

В заключение сделаем несколько выводов по обозначенной в заглавии проблеме на основе анализа приведенных данных. Во-первых, существует разница в конфессиональной ситуации в трех восточнославянских странах, и, на наш взгляд, она будет увеличиваться. Во-вторых, на нашу конфессиональную ситуацию будут оказывать влияние взаимоотношения между православными церквями в Украине и Русской православной церковью. Очевидно, они приведут к стремлению православной церкви в Беларуси обрести большую самостоятельность по примеру Украины. В-третьих, активность и многочисленность протестантов в Украине будет примером для их белорусских единоверцев.

В целом же можно отметить, что в Беларуси, по сравнению с ее восточнославянскими соседями, гораздо меньше противоречий на религиозной почве. Это объясняется как традиционной белорусской толерантностью, так и значительными усилиями властей, направленными на обеспечение стабильности в конфессиональной сфере.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНЫХ БРЕНДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*А.Л. Айзеништадт,
профессор
Гомельского филиала
Международного университета «МИТСО»,
кандидат исторических наук.*

Американский социолог Ч. Кули в свое время выдвинул концепцию «зеркального «Я», в соответствии с которой человек во многом таков, каковы представления о нем окружающих. Это утверждение справедливо не только по отношению к отдельным личностям. Сейчас в мире растет понимание того, что позитивный имидж страны, области, земли, штата, кантона является важнейшим ресурсом национального и регионального развития [1].

В Беларуси, как и в других государствах, тоже озабочены проблемой формирования положительного имиджа страны и ее регионов. Для Беларуси этот контент особенно актуален ввиду необходимости терапии заниженной самооценки нации. Вот уже двадцать лет, пишет Ю. Зиссер, мы все упражняемся в поиске и изобличении недостатков в нашей стране (чаще всего очень справедливо и точно!), однако при этом забываем вспоминать позитив хотя бы так же часто. Стоит кому-то написать о стране и людях что-то хорошее, как его немедленно со всех сторон одергивают: «Неправда! У нас все ужасно! У нас хуже всех! Мы ничего не можем, не умеем!» И во всем всегда виноваты, конечно же, не мы, а кто-то другой: Лукашенко, чиновники, оппозиция, Путин, Запад, русскоязычные, белорусскоязычные и т.д. А значит, с этим ничего нельзя поделать: надо ждать и ныть, бесконечно ныть [2].

Эксперты пришли к выводу, что создание имиджа страны, города, региона - процесс длительный. В любом случае имиджем надо управлять, а не позволять ему управлять нами. Имидж страны зависит от стратегии, позиционирования, которые выберет страна, территория. Сложность заключается в том, что имидж имеет несколько направлений и целевых групп, здесь нужна координация и согласование различных подходов к туризму, инвестициям, экспорту и т.д. Для продвижения имиджа нужны креативные идеи, которые позволят за короткое время позиционировать и узнать Беларусь [3].

Иногда вместо понятия «имидж» используется понятие «бренд». Имидж – это целенаправленно формируемый образ товара, услуги, фирмы, а в нашем случае – региона, страны. Правда, следует иметь в виду, что образ может формироваться и стихийно (если отсутствует целенаправленная политика его создания). Бренд – более узкое понятие, это своеобразный символ, товарный знак, идентифицируемый массовым сознанием. При этом следует иметь в виду, что, если бренд – это то, как мы хотим выглядеть в

глазах других, то репутация – это то, что про нас думают другие. «Если вы не бренд – вы просто не существуете», – подчеркивал отец маркетинга Ф. Котлер.

Сущность бренда страны, региона заключается в совокупности уникальных ценностей, передающих исключительность, неповторимость данной территории и ее составляющих, и включает в себя множество разных элементов, понятий, атрибутов, таких как история, туризм, товары, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди, победы на спортивных соревнованиях и др. Бренд страны – большой единый пазл из множества более маленьких брендов[4].

При создании странового бренда, по мнению президента East West Communications Т. Кромвелля, нужно соблюдать несколько правил:

1. Прежде всего, нужно определить приоритеты. Цели, поставленные каждым отдельным государством, достигаются лучше всего через акцентирование на своих отличительных особенностях.

2. Необязательно иметь долгий опыт выстраивания имиджа для позитивного восприятия гражданами других стран. Практика показывает, что это можно сделать за несколько лет при самых неблагоприятных стартовых условиях. Нужно только захотеть.

3. Страновой бренд, как и товарный – понятие вне временных рамок и политики.

4. Нельзя путать брендинг с рекламой. Это процесс, которым нужно заниматься до того, как деньги вложены в создание красивой картинки и броского слогана, выбраны коммуникационные стратегии и планы, выделены бюджеты на рекламные компании, веб-сайты, PR и т.д. Одна из главных ошибок – реклама при отсутствии того бренда, о котором так спешат рассказать.

5. Бренд должен быть правдоподобным. Иначе рано или поздно люди поймут разницу между «картинкой» и реальностью, а это надолго дискредитирует нацию в глазах мировой общественности [5].

В Беларуси задумываются над формированием не только национального имиджа, но и региональных брендов, хотя и понимают, что это процесс непростой. Основными этапами этого процесса являются:

- внутренний и внешний анализ потенциала, возможностей региона, а также предполагаемой целевой аудитории;
- выявление ключевых характеристик будущего бренда;
- определение основных составляющих инфраструктуры, которая необходима для поддержки создаваемого имиджа (бренда);
- разработка стратегии и тактики формирования бренда региона;
- отслеживание процесса брендинга региона и, в случае надобности, коррекция и/или дополнение запланированных мероприятий [6].

Бренд региона – это совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые своеобразные характеристики региона и сообщества, получивших общественное признание и известность. Бренд зарождается на фоне позитивного имиджа региона и является наивысшим проявлением потребительских предпочтений. При этом бренд региона выполняет как экономическую функцию рычага создания добавленной стоимости, так и важнейшую социальную роль инструмента повышения жизненной мотивации жителей региона [7].

Хорошо известны усилия по продвижению бренда Минска как «умного города». Большой потенциал, по мнению ученых-урбанистов, также имеют малые и средние города Беларуси. В большинстве случаев нужна какая-нибудь «коммерческая» легенда. На таком преимуществе выстроили свою политику власти и жители Дисны (Витебская область) – самого маленького города в республике. Сегодня названия его улиц дублированы английской версией, поскольку поток иностранных туристов вырос в разы. Помогли и другие уникальные идеи: от паломничества к святыне – иконе Богородицы до дегустации «самой вкусной» в регионе сметаны. Выразительный облик города способствовал развитию малого и среднего бизнеса, повысил занятость в сфере обслуживания, помог привлечь инвестиции в местные проекты по строительству и реконструкции.

Ищут свою «изюминку» и жители села. Так, деревня Семежево Копыльского района Минской области – единственное место бытования уникального народного обряда «Калядные цари», включенного в список нематериального наследия ЮНЕСКО. Деревня Автюки Калинковичского района Гомельской области позиционирует себя как столицу белорусского юмора, а деревня Дворец Лунинецкого района Брестской области – столица белорусской клубники. Белорусская деревня Погост была включена журналистами портала CNN в десять лучших мест, где можно провести Рождество.

Проблемы территориального маркетинга детально обсуждаются властями и общественностью регионов [8]. Прокладываются новые туристические маршруты. В юго-восточном регионе Беларуси самым популярным является туристический маршрут «Золотое кольцо Гомельщины», в который вошли 9 населенных пунктов: областной центр, Мозырь, Ветка, Лоев, Речица, Чечерск, г.п. Туров, деревни Юровичи (Калинковичский район) и Красный Берег (Жлобинский район) [9].

Как показывает практика, ключевым фактором успешного брендинга страны является качественная, многочисленная и легко доступная информация, распространяемая прежде всего через интернет [10]. В последнее время в этом направлении делается довольно много. Иновещание на семи языках осуществляет «Радио Беларусь», успешно функционирует спутниковый ТВ-канал «Беларусь 24», есть несколько специализированных интернет-сайтов Belarus.by, belarustourism.by, belarusfacts.by. Однако этого явно недостаточно, особенно если

иметь в виду, что многие зарубежные СМИ, включая интернет-издания, формируют негативный образ нашей страны в медиа-пространстве.

Специалисты изучили статистику основных «экспортных» сайтов Беларуси, а также открытую статистику пользовательских запросов. Как отметил директор белорусского направления группы компаний Webcom Media С. Царик, первое место в сфере интересов иностранцев по отношению к Беларуси занимают культура, архитектура, история и традиции. Потенциальные туристы ищут примечательные исторические места, интересуются белорусскими легендами, личностями, дворцами и церквями.

Второе место по популярности занимают поисковые запросы, связанные с туризмом и различными видами отдыха в стране (усадебные, санатории, природа, спортивный и событийный туризм, охота и т.д.).

Менее популярными пока являются запросы экономического характера. В их числе фигурируют машиностроение, легкая промышленность, медицина, химическая, пищевая и строительная отрасли. Причем иностранцам зачастую очень сложно не только найти на сайтах предприятий интересующую информацию, но даже идентифицировать эти предприятия в интернете. Спасают единичные ресурсы, на которых размещен каталог предприятий на английском языке.

В самой меньшей степени иностранцев сейчас интересуют политика, законодательство и образование Беларуси. По части законодательства потенциальных туристов больше всего волнуют вопросы, связанные с документами, необходимыми для въезда в страну или получения визы.

Основной поток посетителей белорусских сайтов идет из ближнего зарубежья – Россия и Украина вне конкуренции со значительным отрывом от других стран. Также в числе лидеров Германия, США, Турция.

К сожалению, сейчас многие иностранные пользователи узнают о нашей стране из источников, которые дают очень узкую, субъективную или даже ошибочную информацию о стране, очень часто подобные сайты вообще имеют мало отношения к Беларуси. Среди проблем контента отечественных сайтов С. Царик обозначил некачественный перевод на иностранные языки, откровенно слабые английские интернет-версии, низкую видимость в поисковых системах, недостаток разнообразия контента, а также слабую степень обновления информации. Сайты зачастую оторваны друг от друга и живут по принципу «каждый сам за себя». «Главный вопрос сейчас – каким образом упорядочить этот информационный хаос и направить имеющийся потенциал в нужное русло? Потенциал действительно есть, просто он используется не полностью» [11].

Таким образом, проблема формирования и продвижения национального и региональных брендов осознается в Республике Беларусь, но пока еще далека от своего решения. Необходимы креативные идеи, инвестиции, объединение усилий правительства, бизнеса, интернет-сообщества.

Библиографический список

1. Страновой маркетинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://academy-of-strategy.by/stranovyy-marketing#sthash.94lEXG7h.dpuf>. – Дата доступа: 20.03.2017.
2. Зиссер, Ю. А. О самооценке белорусов [Электронный ресурс]/ Ю. А. Зиссер // Блог Юрия Хиссера. – Режим доступа: <http://zisser.by/blog/o-samoocenke-belorusov/>. – Дата доступа: 05.04.2017.
3. Имидж Республики Беларусь: круглый стол [Электронный ресурс]: Imagebelarus.by. – Режим доступа: <http://imagebelarus.by/3-noyabrya-2010-g-proshel-kruglyi-stol-«imidzh-respubliki-belarus»>. – Дата доступа: 28.03.2017.
4. Клецкова, А. Бренды Беларуси [Электронный ресурс]/ А. Клецкова // Республиканское общественное объединение «Белая Русь». – Режим доступа: <http://www.belayarus.by/projects/pero/507.html>. – Дата доступа: 21.03.2017.
5. Фридкин, Л. Имя дома своего [Электронный ресурс]/ Л. Фридкин // Экономическая газета. – Режим доступа: http://www.neg.by/publication/2011_11_29_15424.html?print=1. – Дата доступа: 03.04.2017.
6. Кизима, М. А. Имидж региона как фактор устойчивости его социально-экономического развития [Электронный ресурс] / М. А. Кизима // Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pas.by/dfiles/001580_72676_kizima12.pdf. – Дата доступа: 10.04.2017.
7. Штеер, О. В. Краеведение региона как фундамент территориального брендинга [Электронный ресурс] / О. В. Штеер // Эл. Библиотека Полоцк. гос. ун-та. – Режим доступа: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/19542>. – Дата доступа: 15.04.2017.
8. Хатько, А. Территориальный маркетинг в Беларуси и Гомельской области: факты, проблемы и перспектив [Электронный ресурс] / А. Хатько // Стратегическая мысль. – Режим доступа: <http://gomel-experts.org/econimic/2767-territorialnyj-marketing-1.html>. – Дата доступа: 29.03.2017.
9. Золотое кольцо Гомельщины [Электронный ресурс]: Гарант-тур. – Режим доступа: <http://tour.garant-tv.by/2694/золотое-кольцо-гомельщины/>. – Дата доступа: 30.03.2017.
10. Имидж Беларуси в Интернете [Электронный ресурс]: Беларуская думка.2010. – №6. – Режим доступа: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_196121.pdf. – Дата доступа: 01.04.2017.
11. Царик, С. В. Продвижение Беларуси в интернете [Электронный ресурс] / С. В. Царик // Imagebelarus.by. – Режим доступа: <http://imagebelarus.by/prodvizhenie-belarusi-v-internet-sergei-tsarik>. – Дата доступа: 04.04.2017.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ РЕБЁНКА В СЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*М.А. Балбуцкая,
научный сотрудник
ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси».*

В настоящее время вследствие укоренения рыночных отношений в сельскую жизнь стремительно проникают и активно внедряются новые социокультурные образцы, ценностные установки иной культуры, традиции. Многие из них несут риски дестабилизации института семьи и брака постсоветских стран, включая Беларусь. Республика Беларусь столкнулась с серьёзной проблемой, характерной для всех транзитных, переходных обществ – трансформацией семейных традиций. Семейные традиции сельских жителей по существу являются основой их жизни, сохранения жизненных смыслов, норм и ценностей, определяющих их трудовую этику, весь уклад жизни. И трансформация создаёт новые риски негативных изменений в институте сельской семьи, в культуре и образе жизни сельской семьи.

В результате анализа данных Республиканского опроса «Специфика семьи как социокультурного института», проведённого ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в 2015 г. (научный руководитель – к.с.н., доцент И. В. Лашук. Выборочная совокупность исследования составила 1498 человек в возрасте 16 лет и старше, из них женщины – 54,2%, мужчины – 45,8%. Подвыборка сельского населения составляет 390 человек, из них женщины – 53,1%, мужчины – 46,9%. Ошибка выборки не более 5%). эмпирически обоснована стабильность моральных норм сельчан, выраженная в следующих традиционных установках: *дети позволяют продлить род, выполнить долг (89,9%), дети дают родителям ощущение полноты жизни, наполняют её смыслом (86,8%)*. В то же время нарастание интенсивности процессов глобализации, смена жизненных ориентиров ведёт к тому, что всё чаще наличие семьи, детей воспринимается сельчанами как помеха собственным планам, стремлениям: *женщинам с детьми трудно найти хорошую работу (40,8%), наличие детей затрудняет карьерный рост родителей (22,1%), дети мешают родителям получать удовольствия от жизни (9,3%)*.

Выявлены незначительные различия в оценке влияния наличия детей на жизнь родителей между сельчанами и горожанами: сельчане в меньшей степени согласны с тем, что *наличие детей повышает социальный статус родителей* (скорее согласны с этим соответственно 32,6% и

37,7%) и с тем, что *дети стимулируют родителей к улучшению материального положения* (полностью согласны с этим соответственно 36,3% и 42,5%). Это может свидетельствовать о том, что условия сельской жизни (другие ценности, ограниченность возможности трудоустройства) не только не ставят вопрос о статусе, но и не предоставляют благоприятной возможности улучшения финансового благосостояния семьи.

По итогам анализа определены основные задачи родителей, которые, по мнению сельчан, заключаются в следующем: 1) подготовка ребёнка к взрослой жизни - *воспитание в ребенке самостоятельности, независимости* (72,6%); 2) обеспечение ухода за ребёнком - *слежение за здоровьем ребенка, обеспечение полноценным питанием* (72,2%); 3) формирование определённых черт характера, которые помогут в жизни - *научение стойкости, упорству, трудолюбию, умению преодолевать трудности* (61,9%); 4) определение границ нормы - *объяснение ребенку, как он должен вести себя в разных ситуациях* (60,6%).

При том, что 43,4% сельчан считают, что *знать, что думает, чувствует ребёнок, говорить на важные для него темы* является важной задачей родителей, в процентном отношении этот показатель примерно на 15% ниже, чем у горожан (59,5%). Это свидетельствует о недооценке сельчанами личности в ребёнке, имеющей свои желания и чувства. Семья как ниша психологического комфорта для ребёнка не достаточно полно использует свой ресурс. Вероятные последствия этого – поиск своей группы, высокая степень влияния близких друзей, противопоставление родителей и друзей, их ценностей, моделей поведения.

Традиционный уклад патриархальной сельской семьи имеет значимую религиозную составляющую. В настоящее время, несмотря на совершенно изменившийся мир и современный уклад жизни, эта составляющая не полностью утрачена - каждый пятый сельчанин считает, что важная задача родителей заключается в *приобщении к вере в Бога* (23,8%). Для тех людей, кто разделяет морально-нравственные религиозные ценности, учить о Боге - так же естественно, как учить языку общения.

Выявлено некоторое различие у сельчан и горожан в видении важности следующих задач родителей – *помогать в подготовке уроков* (20,1% и 27,5% соответственно), *оплачивать учебу детей, обеспечивать их «карманными» деньгами* (11,5% и 21,5% соответственно). Эти различия могут быть объяснены меньшей степенью охвата и распространённости модернистских ценностей в селе, формирующих иные модели поведения, когда имеет огромное значение успешность в той сфере, в которой задействована личность.

В ходе анализа были выявлены шесть факторов – задачи, решаемые родителем при воспитании ребёнка (рисунок 1). Использован метод

«Анализ главных компонент» (Extraction Method: Principal Component Analysis) с вращением Varimax, объясняющая дисперсия составляет 59,8%.

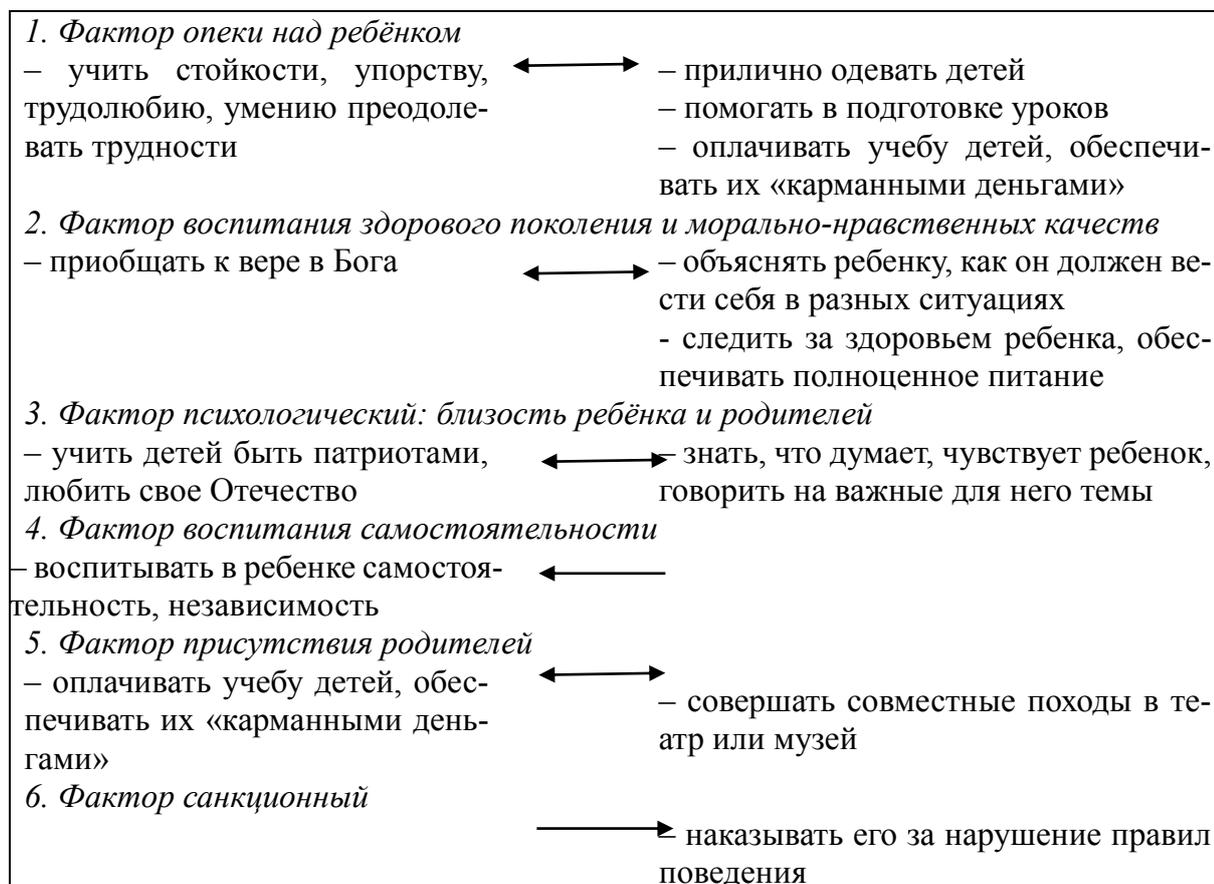

Рисунок 1 – Схема факторов задач воспитания в белорусской сельской семье

Эти факторы можно охарактеризовать, используя следующую маркировку задач воспитания: опека над ребёнком, воспитание здорового поколения иморально-нравственных качеств, психологический: близость ребёнка и родителей, воспитание самостоятельности, присутствие родителей, санкции.

В результате анализа было выявлено, что в городе во главу воспитательного процесса ставят ребёнка (опеку над ним и близость с ним): «Прилично одевать детей», «Помогать в подготовке уроков», «Оплачивать учебу детей, обеспечивать их «карманными деньгами», в селе – «Учить стойкости, упорству, трудолюбию, умению преодолевать трудности» ($U_{\text{эмп}} = 182426$; $p < 0,008$)¹; в городе – «Знать, что думает, чувствует ребенок, говорить на важные для него темы», в селе – воспитывают через абстрактные понятия: «Учить детей быть патриотами, любить своё Отечество» ($U_{\text{эмп}} = 163562$; $p < 0,001$); в городе «Наказывать его за нарушение правил поведения» ($U_{\text{эмп}} = 182106$; $p < 0,007$). Сделано

¹ Здесь и далее использовался U-критерий Манна-Уитни ($U_{\text{эмп}}$ для оценки различий в значении параметра между двумя несвязанными выборками).

закключение, что опыт сельской жизни, особенности сельского образа жизни являются определяющими в постановке и реализации родителями задач воспитания. Отсюда важность воспитания в сельском ребёнке патриотизма, стойкости, упорства, трудолюбия, умения преодолевать трудности наряду с привитием ребёнку таких качеств как самостоятельность, независимость ($U_{эмп} = 182905$; $p < 0,010$). Формирование именно такого типа личности необходимо, чтобы носители сельской культуры воспринимали человека как «своего».

В ходе анализа данных исследования установлены качества, которые, по мнению сельчан, необходимо воспитывать в современных детях в первую очередь: *любовь и уважение к родителям, к старшим* (72,6%), *доброту, душевность, отзывчивость* (56,4%), *порядочность, честность* (51,0%), *трудолюбие* (46,7%).

В ходе анализа были выявлены семь факторов – цели, достигаемые родителем при воспитании ребёнка (рисунок 2). Использован метод «Анализ главных компонент» (ExtractionMethod: PrincipalComponentAnalysis) с вращением Varimax, объясняющая дисперсия составляет 59,4%.

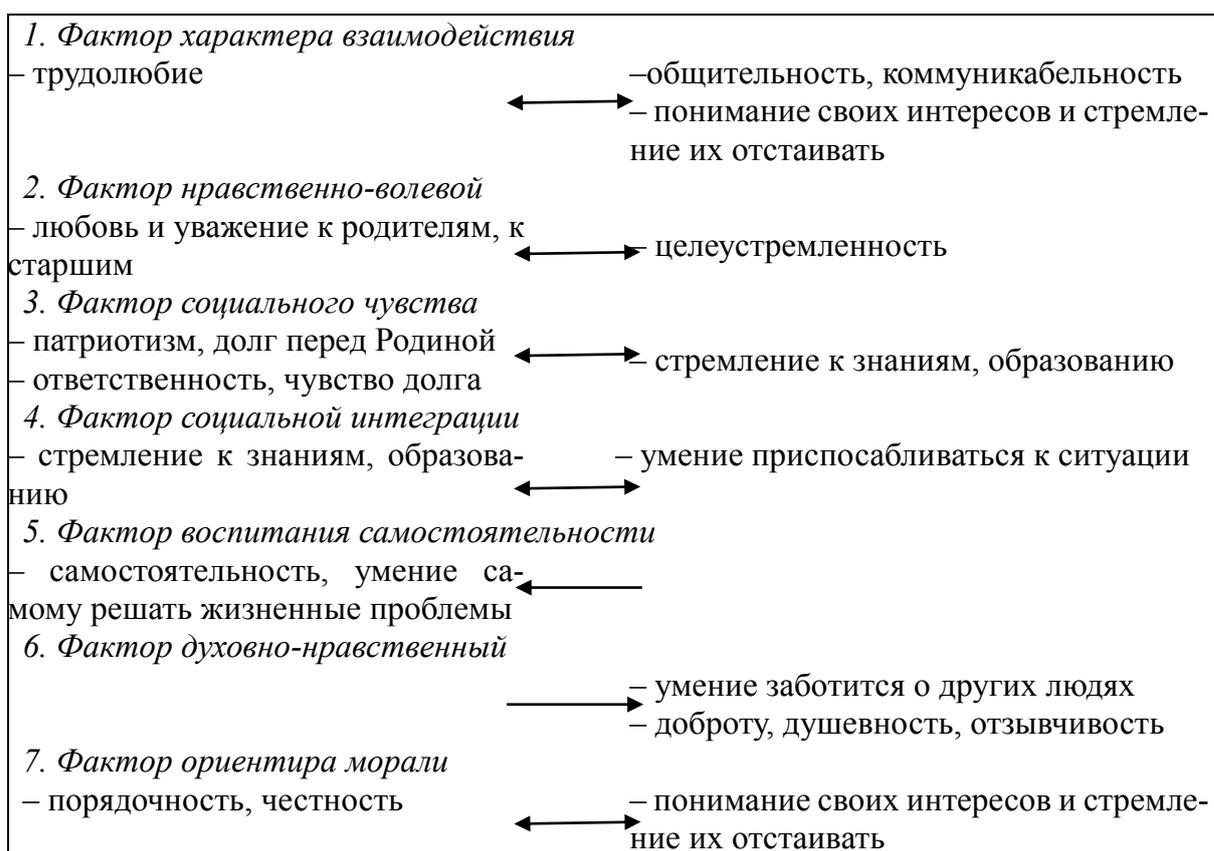

Рисунок 2 – Схема факторов задач воспитания в белорусской сельской семье

Эти факторы можно охарактеризовать, используя следующую маркировку целей воспитания: характер взаимодействия, нравственно-волевой, социальное чувство, социальная интеграция, воспитание самостоятельности, духовно-нравственный, ориентир морали.

В результате анализа было выявлено, что в селе воспитание идёт в традиционном контексте понятия «Трудолюбие», в то время как в городском ребёнке считают необходимым воспитывать такие качества как «Общительность, коммуникабельность», «Понимание своих интересов и стремление их отстаивать» ($U_{\text{эмп}} = 170587,5; p < 0,001$), что определяет успешность взаимодействия в условиях больших городов.

Анализ данных социологического исследования позволил установить, что для сельчан являются неприемлемыми мерами воздействия на ребёнка обращение к силе - *физическое наказание* (69,3%) и психологическое давление - *угрозы* (58,5%), *умышленное невнимание и игнорирование ребенка* (34,0%). При этом в городе практически на 10% больше тех, кто считает данные меры коррекции поведения ребёнка недопустимыми. Вероятно, это может быть объяснено тем, что сохраняющиеся семейные традиции белорусского села в воспитании ребёнка характеризуются большей степенью строгости в подчинении воли ребёнка и обучении «правильному» поведению. Анализ данных позволяет заключить, что в сельской семье ребёнок оказывается более незащищённым перед физическим и моральным воздействием со стороны родителей. Значительная часть сельчан считает допустимым применение насилия по отношению к ребёнку - *физическое наказание* – 30,7%, *«лёгкое» физическое наказание (шлепки)* – 89,7%.

Эмпирическим путём установлено, что, несмотря на ослабление традиционной патриархальной составляющей воспитания (касающейся религиозности, насилия) в результате трансформационных процессов в сфере сельской семьи и её традиций, по-прежнему сохраняется воспитание на традиционных ценностях трудолюбия, а также формируется особый тип личности: патриотичной, стойкой, упорной, трудолюбивой, умеющей преодолевать трудности, самостоятельной и независимой.

СФЕРЫ И ФОРМЫ ВЛИЯНИЯ ПОГРАНИЧНИКОВ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Р.А.Волосников,

старший преподаватель

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь».

Органы пограничной службы Республики Беларусь, как социальный институт, удовлетворяют одну из фундаментальных, базовых потребностей общества – потребность в безопасности. Удовлетворённость общественностью качеством выполнения задач органами пограничной службы Республики Беларусь является важным критерием эффективности их деятельности. Следует отметить, что при решении профессиональных задач органы пограничной службы тесно взаимодействуют с населением приграничных территорий.

Общественное мнение населения приграничных территорий может выступать, в определенных ситуациях, как фактор прямого и как фактор косвенного воздействия внешней среды, следовательно, формирование благоприятного общественного мнения в органах пограничной службы следует считать одной из его важных задач.

В широком смысле, в деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь следует выделить следующие сферы: 1) профессиональная деятельность, связанная с обеспечением пограничной безопасности; 2) хозяйственная деятельность, связанная с обеспечением функционирования организации; 3) деятельность по связям с общественностью, направленная на формирование благоприятного общественного мнения, имиджа, репутации социальной организации. В контексте нашего исследования наибольший интерес представляют первая и третья сферы, поскольку в их рамках органы пограничной службы Республики Беларусь в наибольшей степени взаимодействуют с общественностью.

Пограничная безопасность рассматривается в рамках политической сферы обеспечения национальной безопасности и посредством обеспечения пограничной безопасности обеспечивается стабильность политической системы страны и ее защита от внешних и внутренних опасностей (рисков, вызовов и угроз). В более узком плане, цель обеспечения пограничной безопасности – достижение и поддержание стабильной ситуации и защита национальных интересов на государственной границе, в частности, и в пограничном пространстве [4].

Выделяются следующие *формы* обеспечения пограничной безопасности: охрана государственной границы; функционирование пунктов про-

пуска через государственную границу; предупреждение и пресечение правонарушений на приграничной территории, осуществляемое субъектами обеспечения пограничной безопасности в установленных для них формах [3]. Еще одной формой обеспечения пограничной безопасности является «оперативное обеспечение охраны границы».

В географической лимологии – науке о границах – выделяют следующие основные функции государственной границы: барьерную, контактную и фильтрующую [5]. Барьерная функция реализуется системой обеспечения пограничной безопасности путем охраны государственной границы. Охрана государственной границы – комплекс активных, непрерывных и согласованных по времени и месту войсковых действий, оперативных, режимных и иных мероприятий, осуществляемых органами пограничной службы в целях недопущения противоправного изменения прохождения государственной границы, обеспечения национальной безопасности государства и соблюдения физическими и юридическими лицами законодательства о государственной границе [1]. Охрана государственной границы осуществляется также и в воздушном пространстве. В контексте деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь охрана государственной границы осуществляется подразделениями границы и в пунктах пропуска через государственную границу. Осуществляя охрану государственной границы, органы пограничной службы обеспечивают неприкосновенность самой границы, а также соблюдение физическими и юридическими лицами установленных режимов: режима границы, пограничного режима. Данные режимы устанавливаются для создания благоприятных условий органам пограничной службы в более эффективном решении задач по обеспечению пограничной безопасности. В контексте взаимодействия с обществом пограничники, с одной стороны, обеспечивают безопасность населения, а с другой – ограничивают право физических лиц на свободное перемещение. Важно также подчеркнуть, что к охране государственной границы активно привлекаются жители приграничья. Участие местного населения приграничных районов и общественности в охране государственных границ является исторической традицией и общемировой практикой. Без понимания населением важности надежной охраны государственной границы, реальное обеспечение национальной безопасности невозможно. В этой связи, органы пограничной службы проводят целенаправленную работу по привлечению граждан Республики Беларусь к охране границы. По состоянию на 1 августа 2016 года для охраны государственной границы создано 113 добровольных дружин, в которых задействовано 1044 дружинника. При изучении общественного мнения жителей приграничья важными являются следующие вопросы: как относятся жители приграничья к деятельности органов пограничной службы на различных направлениях? Какие факторы в наибольшей степени оказывают влияние на формирование положительного

отношения к пограничникам? Какие ценностные ориентации, установки, стереотипы составляют основу массового сознания местных жителей приграничья, определяющие отношение к пограничникам?

Форма обеспечения пограничной безопасности как «функционирование пунктов пропуска» реализуется во взаимодействии с государственными и иными организациями. Функционирование пунктов пропуска осуществляется в целях обеспечения пересечения государственной границы физическими лицами. С этой целью в пунктах пропуска осуществляются необходимые виды контроля. Органы пограничной службы Республики Беларусь в рамках своей компетенции осуществляют пограничный контроль. Руководством страны была поставлена задача перед органами пограничной службы в создании условий максимального облегчения пересечения государственной границы законопослушными лицами и транспортными средствами, с оказанием им помощи иными службами [1]. В этой связи, важными являются следующие аспекты массового сознания лиц, пересекающих границу: уровень доверия к органам пограничной службы; удовлетворенность качеством работы пограничников (профессионализм, компетентность, быстрота, доброжелательность, тактичность, внешний вид и др.); предпосылки коррупционных проявлений в деятельности пограничников; доминирующие элементы массового сознания (ценностные установки, ориентации, интересы, стереотипы), определяющие отношение и уровень доверия к пограничникам и органам пограничной службы Республики Беларусь.

Правоохранительная функция органов пограничной службы Республики Беларусь реализуется посредством предупреждения и пресечения правонарушений на приграничной территории.

Таким образом, одним из главных компонентов деятельности органов пограничной службы является деятельность по обеспечению пограничной безопасности, которая реализуется в четырех формах: охрана государственной границы, обеспечение функционирования пунктов пропуска; предупреждение и пресечение правонарушений на государственной границе и в пограничном пространстве и оперативное обеспечение охраны государственной границы.

Следующей сферой влияния органов пограничной службы Республики Беларусь следует считать деятельность по связям с общественностью. Укрепление имиджа органов пограничной службы, формирование благоприятного общественного мнения о её деятельности, является составной частью в рамках деятельности по связям с общественностью, основной целью которой является создание репутации. Формирование имиджа организации осуществляется с использованием разных каналов. Основными направлениями деятельности пресс-службы являются: производство информации для целевой аудитории и распространение её по каналам средств

массовой информации (далее – СМИ) (распространение пресс-релизов, проведение пресс-конференций, брифингов, «круглых столов» и др.); подготовка внутриведомственной информации, в том числе отслеживание в СМИ оценочных и других данных; работа с населением (анализ писем, обращений граждан, контент-анализ прессы и др.); организация работы «телефона доверия»; организация работы портала Государственного пограничного комитета [2].

Таким образом, к основным *сферам* влияния органов пограничной службы на общественное мнение следует отнести:

Во-первых, сферу профессиональной деятельности, связанную с обеспечением пограничной безопасности, в которой отдельно необходимо обозначить следующие её компоненты: охрана государственной границы; обеспечение функционирования пунктов пропуска через государственную границу (пограничный контроль); выявление и предупреждение правонарушений; оперативное обеспечение охраны государственной границы.

Во-вторых, сферу деятельности по связям с общественностью, основу которой составляет целенаправленная работа по созданию имиджа и формированию благоприятного общественного мнения о деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь.

Выделим основные *формы* воздействия органов пограничной службы на общественное мнение населения приграничья. На наш взгляд, целесообразно типологизировать деятельность органов пограничной службы в зависимости от активности, целенаправленности осуществляемых воздействий на общественное мнение населения приграничья. Исходя из обозначенного нами критерия, выделим две основные формы влияния органов пограничной службы Республики Беларусь на общественное мнение населения: *пассивную и активную*.

Пассивная форма влияния органов пограничной службы Республики Беларусь на общественное мнение связана с тем, что сама деятельность пограничного ведомства представляет интерес у населения. К таковым следует отнести следующие категории лиц: 1) жители приграничья; 2) лица, вынужденные часто пересекать государственную границу Республики Беларусь. Качество и эффективность выполняемых профессиональных задач органами пограничной службы, находятся в центре общественного внимания. Снижение уровня пограничной безопасности, серьёзные недостатки и упущения в работе пограничников, будут являться темой для обсуждения общественности.

Активная форма влияния пограничников на общественное мнение заключается в том, что пограничной службой Беларуси проводится специально организованная, систематическая и целенаправленная работа по формированию благоприятного общественного мнения о деятельности органов пограничной службы. Данная деятельность включает широкий спектр

направлений и средств. Основными каналами формирования общественного мнения населения следует считать: СМИ (периодические печатные и электронные, радио, телевидение); социальные сети Интернет; личное общение военнослужащих с населением. Необходимо добавить, что формирование благоприятного положительного мнения также осуществляется в рамках идеологической работы.

Библиографический список

1. Давыдик, В.В. Основы пограничной безопасности Республики Беларусь: монография / В.В. Давыдик, П.И. Миронюк. – Минск: ГУО «ИПС РБ», 2015. – 179 с.
2. Колобов, А.С. Работа со СМИ по формированию положительного имиджа органов пограничной службы / А.С. Колобов // Социологическое сопровождение оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь: материалы Респ. науч.-практ. семинара, Минск, 28 апр. 2016 г. / ГУО «ИПС РБ». – Минск, 2016. – С. 14–17.
3. Комментарий к Закону Республики Беларусь от 21 июля 2008 года «О Государственной границе Республики Беларусь» / И.А. Рачковский [и др.]; сост. прил. Б.А. Летунович, О.Н. Чергинец; под общ. ред. И.А. Рачковского. – Минск: Тесей, 2010. – 552 с.
4. Мальцев, Л.С. Основные направления совершенствования пограничной безопасности на современном этапе развития органов пограничной службы Республики Беларусь: лекция / Л. С. Мальцев. Минск, ИПС РБ, 2014. – 32 с.
5. Пирожник, И.И. Геополитика в современном мире: учеб. пособие / И.И. Пирожник. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

**ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕНТАЛИТЕТА
В КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА
«ПОГРАНИЧНОЙ» ТЕРРИТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА РОССИИ)**

*Н.В. Дулина,
заведующая кафедрой истории, культуры и социологии
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический универси-
тет», доктор социологических наук, профессор.*

*Е.В. Каргаполова,
профессор
ГАОУ Астраханской области
ВО «Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет»,
доктор социологических наук, доцент.*

Книжность – важнейшая составляющая российского менталитета [1]. Поэтому логичным является обращение к вопросу о взаимосвязи менталитета и книжной культуры, а именно – о проявлении особенностей менталитета в книжной культуре студенчества двух городов «пограничного» Нижневолжского региона России – Астрахани и Волгограда.

Культура относительно менталитета может пониматься как динамичное относительно статичного. Менталитет – производная от культуры, понимаемой как способ деятельности, а менталитет – результаты этой деятельности, образующие ее статичную структуру. Книжная культура как часть культуры воздействует на менталитет. При этом и в книжной культуре будут проявляться особенности менталитета. А степень и характер воздействия книжной культуры будут зависеть от менталитета, в нашем случае – регионального.

Исторические особенности освоения пространства двух нижневолжских регионов – Астраханской и Волгоградской областей – повлияли на ментальное поле жителей. Исторически сложились такие общие для менталитета астраханцев и волгоградцев черты, как тяготение к великой русской реке Волге («речной» менталитет), мультикультурность, открытость миру в условиях стяжения Запада и Востока, Севера и Юга, пересечения миграционных и торговых путей, кочевой степи и отсутствия институционального давления (последнее отличает нижневолжский регион от регионов Центрального Черноземья и объединяет с регионами Сибири) [6].

Специфические особенности ментального поля, по логике вещей, должны быть общими и для представителей молодого поколения двух нижневолжских городов – Астрахани и Волгограда. Но молодые астраханцы

проявляют себя как носители «крестьянского» менталитета, характерного для всего населения Астраханской области. Причем этот тип менталитета проявляется у молодых астраханцев в большей степени, чем у молодежи Волгограда. Волгоградцы как жители города-миллионника – «больше» горожане, «интерналы» [6]. Для исследования того, насколько эти специфические особенности ментального поля молодежи двух городов Нижнего Поволжья будут проявляться под влиянием книжной культуры, обратимся к результатам конкретного социологического исследования «Круг чтения художественной литературы учащихся Нижнего Поволжья»*.

Анализ ответов на вопрос «Где Вы берете произведения художественной литературы для чтения?» показал, что лидирующее место с большим отрывом занимает вариант «в интернете» (таблица 1). В целом по массиву его выбрали 60,1 % опрошенных. Лидирующее место интернета как источника произведений художественной литературы зафиксировано по результатам эмпирических исследований и в других городах России [2, с. 182], [4, с. 173], [8, с. 177].

Среди волгоградцев вариант «интернет» как источник художественной литературы получил на 11,7% больше выборов, чем среди астраханцев. Мы уже отмечали на основе анализа результатов ряда социологических исследований студенческой молодежи Астрахани и Волгограда, что студенты Волгограда, жители города-миллионника, в большей степени освоили электронные коммуникации, интенсивнее пользуются ими по сравнению с астраханцами [5].

Каждый четвертый (24,2%) опрошенный нами студент ответил, что у него дома богатая библиотека, каждый пятый – «покупаю» и «беру в библиотеке», примерно каждый седьмой (14,2%) – «беру у друзей и родственников». Что касается домашней библиотеки, то, по данным опроса студенческой молодежи в Перми, было выявлено, что «домашние библиотеки есть у подавляющего большинства студентов. Их формированием занимались бабушки, они и передавали книги по наследству. Что интересно, дедушек респонденты не упоминали. Состав книжного фонда по авторам и жанрам совпадает практически у всех и соответствует ассортименту советской книжной торговли. В настоящее время пополнение прежних книжных коллекций практически не происходит кроме серий современного книжного «чтива», представленного однодневными детективами и экземплярами дамской прозы. Отношение студентов к подобному «бабушкиному книжному наследию» достаточно лояльно и позитивно... В большинстве случаев поколение родителей не участвовало в формировании книжной культуры исследуемой группы студентов. Получается разрыв, нарушение преемственности в передаче социокультурного и книжного опыта от поколения к поколению» [3, с. 77].

Таблица 1. – Ответы респондентов на вопрос «Где Вы берете произведения художественной литературы для чтения?» (% от опрошенных, по столбцу)

Варианты ответов	Студенты АГАСУ	Студенты ВолгГТУ	Итого
Дома богатая библиотека	22,6	24,9	24,2
Беру у друзей, родственников и т.д.	15,6	13,0	14,2
Покупаю	21,2	20,1	20,5
Беру в библиотеке	20,0	17,9	19,6
В Интернете	55,0	66,7	60,1
Отказ от ответа	1,0	0,8	0,9

Примечание – Сумма ответов превышает 100 %, так как возможно было дать несколько вариантов ответов.

На вопрос «Из каких источников Вы преимущественно получаете информацию о новых произведениях художественной литературы?» подавляющее большинство (71,7 %) студентов выбрали вариант «интернет». Причем среди студентов Волгограда, опять же, количество выборов этого варианта больше, чем среди студентов Астрахани (75,9 % против 68,8 % респондентов). Чуть более трети (35,8 %) получают информацию о новинках художественной литературы от друзей, каждый пятый (21,7 %) – от преподавателя, каждый седьмой (14,7 %) – от родственников, каждый десятый (9,6 %) – из телевизионных передач, каждый двадцатый (5,4 %) – из газет и журналов. Минимальное количество опрошенных выбрали варианты «газеты, журналы» и «отбиблиотекаря» (таблица 2).

Таблица 2. – Ответы респондентов на вопрос «Из каких источников Вы преимущественно получаете информацию о новых произведениях художественной литературы?» (% от опрошенных, по столбцу)

Варианты ответов	Студенты АГАСУ	Студенты ВолгГТУ	Итого
Телевидение	9,1	9,2	9,6
Интернет	68,8	75,9	71,7
Родственники	14,2	15,2	14,7
Друзья	36,5	35,2	35,8
Газеты, журналы	5,3	5,1	5,4
Радио	1,9	2,7	2,5
От преподавателей	20,9	22,2	21,7
От библиотекаря	2,4	1,9	2,2
Не знаю	1,7	3,0	2,3
Отказ от ответа	1,4	1,1	1,5

Примечание – Сумма ответов превышает 100 %, так как возможно было дать несколько вариантов ответов.

При анализе результатов опроса студенческой молодежи по блоку вопросов оценочно-рефлексивном отношении к книге обратим внимание на различия в ответах на эти вопросы между студентами Астрахани и Волгограда (таблица 3). Среди студентов Астрахани больше однозначных ответов «полностью согласен» с такими утверждениями как «Книга – средство для повышения образовательного уровня» (73,3 % против 65,3 %); «Книга – источник духовного развития» (58,4 % против 52 %); «Книга – источник эстетического наслаждения» (32,9 % против 29 %); «По тому, что человек читает, мы узнаем и определяем человека» (21,4 % против 13,3 %); «Искусству чтения надо учить» (19 % против 13 %). Соответственно, астраханцы позиционируют себя как приверженцы традиционного для российского менталитета понимания роли и места книги в социальных практиках. Тогда как среди волгоградцев, в большей степени «носителей» электронной культуры, больше согласившихся с выражением «Электронная книга (букридер) заменит книгу на бумажном носителе». Заметим только, что это согласие выражается не в однозначном варианте «полностью согласен», а в менее категоричном «пожалуй, согласен» (21,1 % против 15,1 % опрошенных). Аналогичная ситуация с выражением «Библиотека перестала быть необходимостью», с которым «пожалуй, согласились» 23 % волгоградцев (против 17,3 % астраханцев). Несколько большая категоричность проявляется у волгоградцев в однозначно-утвердительно согласии с высказыванием «Домашняя библиотека сейчас перестала быть необходимостью». Здесь среди волгоградцев больше ответивших «полностью согласен» (14,4 % против 10,8 % опрошенных). Итого по сумме ответов «полностью согласен» и «пожалуй, согласен» с этим выражением согласилось 36,1 % волгоградцев и 29,8 % астраханцев.

В целом же, несмотря на зафиксированные межрегиональные различия, студенчество демонстрирует позитивное отношение к книге и чтению. Как отмечает О. В. Сергеева: «Быть читателем – это все еще позитивная оценка личности. Неумение читать в нашем обществе действует как источник затруднений. Неграмотность не только очень неудобна, она также несет клеймо. Возможность читать оценивается как навык, дающий вход молодому человеку в современное общество, и достижения в школе и впоследствии в профессии зависят от грамотности» [7, с.71].

Таблица 3. – Ответы респондентов (студентов) на вопрос «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?»(% от опрошенных, по столбцу)

Варианты ответов	Полностью согласен		Пожалуй, согласен		Трудно сказать		Скорее не согласен		Полностью не согласен	
	АГАСУ	ВолГГУ	АГАСУ	ВолГГУ	АГАСУ	ВолГГУ	АГАСУ	ВолГГУ	АГАСУ	ВолГГУ
Книга – источник духовного развития	58,4	52,0	30,3	37,4	4,8	7,3	1,4	1,4	0,7	0,5
Книга – источник эстетического наслаждения	32,9	29,0	37,7	34,1	14,7	19,2	3,8	2,2	1,4	0,5
Книга – средство для повышения образовательного уровня	73,3	65,3	20,9	25,7	1,7	6,8	1,0	0,8	0,7	0,5
По тому, что человек читает, мы узнаем и определяем человека	21,4	13,3	27,2	30,4	31,5	35,5	11,5	13,3	3,1	5,4
Искусству чтения надо учиться	19,0	13,0	26,2	24,7	28,4	33,3	12,5	17,6	6,0	7,0
Электронная книга (букридер) заменит книгу на бумажном носителе	13,7	12,7	15,1	21,1	18,0	20,1	25,2	24,9	23,3	20,1
Библиотека перестала быть необходимостью	12,3	12,7	17,3	23,0	24,5	21,4	21,2	22,2	20,4	19,5
Домашняя библиотека сейчас перестала быть необходимостью	10,8	14,4	19,0	21,7	20,0	19,5	23,3	19,5	21,2	21,7

Примечание – При визуализации полученных результатов на этот вопрос ответы «затрудняюсь ответить» и «отказ от ответа» не учитывались, так как их значения не превышали статистическую погрешность в 3 %.

Таким образом, проведенный нами сравнительный анализ ответов студентов Астрахани и Волгограда показал минимальные отличия в ментальном поле астраханцев и волгоградцев в русле рассматриваемой проблематики. Это, на наш взгляд, свидетельство роли и места книжности как традиционной составляющей отечественного менталитета в сознании представителей молодого поколения россиян. Отличия касаются большей значимости электронных технологий в процессе чтения, которые демонстрируют волгоградцы как носители городского менталитета. У астраханцев же в большей степени сохраняется традиционное ценностно-рефлексивное отношение к книгам, что является проявлением крестьянского менталитета.

* В феврале 2016 г. было проведено конкретное социологическое исследование «Круг чтения художественной литературы учащихся Нижнего Поволжья. Метод сбора первичной информации – анкетирование. Разработчики инструментария – д. с. н., проф. кафедры философии, социологии и лингвистики Астраханского государственного архитектурно-строительного университета Е. В. Каргаполова и д. с. н., проф. кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета Н. В. Дулина. Объект исследования – студенты Астраханского государственного архитектурно-строительного университета (АГАСУ) и Волгоградского государственного технического университета (ВолГТУ), как очной, так и заочной формы обучения. Общий объем выборки: N=815, среди которых 53,2 % юношей и 46,8 % девушек; подавляющее большинство (78,2 %) в выборке – «технарей», 11 % представителей социально-экономической специализации, 2,6 % гуманитариев, 1,3 % представителей естественно-научной специализации и 6,9 % не указавших свою специализацию. В Астрахани опрошено девушек больше, чем юношей (56,9% против 43,1% респондентов), тогда как в Волгограде, напротив, – юношей гораздо больше, чем девушек (63,1% против 36,9% респондентов). Такая ситуация сложилась вероятнее всего по той причине, что среди волгоградцев гораздо больше «технарей» (96,7% против 66,3% опрошенных), тогда как среди астраханцев 21,4% респондентов ответили, что их специализация – социально-экономическая. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Массив полученных данных обработан с использованием программного комплекса Vortex.

Библиографический список

1. Агеева, Г. М. Книжность и российская ментальность: культурологический анализ мемуарного дискурса: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01/ Г. М. Агеева; Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Саранск, 2013. – 39 с.
2. Быстрицкая, Г. Г., Ломова М. Э. Чтение в социокультурном пространстве мегаполиса (на примере г. Омска) // Вестник Омского университета. – 2012. – Вып. № 3 (65). – С. 180–187.
3. Иванова, Л. Г. Книжная культура современного студенчества / Л. Г. Иванова // Интеллигенция и мир. – Иваново: Изд-во Ивановск. гос. ун-та, 2010. – С. 68–79.
4. Калугина, Т. А. Информатизация в сфере чтения: взгляд молодежи (на примере молодых людей г. Саратова) / Т. А. Калугина // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. 2014. – Вып. № 1 (76). – Т. 3. – С. 171–174.
5. Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа): монография. / А. Ю. Арясова, [и др.]; под общ. ред. Н. В. Дулиной. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2016. – 175 с.
6. Регион: пространство смыслов и содержание: кол. монография / Н. В. Дулина, [и др.]; под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2013. – 294 с.
7. Сергеева, О. В. Книги как медиа / О. В. Сергеева // Вестник Волгоградского гос. ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2011. – № 1 (13). – С. 68–75.
8. Чистова, А.А. Соотношение структуры ценностей и читательских предпочтений молодежи / А. А. Чистова // Вестн. Мос.Гос. лингв.ун-та. – 2012. – Вып. № 16 (702). – С. 168–179.

ТЕРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИИ

*А.Г. Злотников,
профессор
УО «Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации»,
кандидат экономических наук, доцент.*

Среди социальных общностей территориальные общности занимают исключительно важное место. Во-первых, они используются для обоснования репрезентативности социологических исследований, ибо по ним всегда имеется достаточно солидная и проверяемая статистическая информация. Во-вторых, они выполняют важную аналитическую роль, ибо территории, где проживают респонденты, существенно отличаются. Они различаются не только по условиям жизнедеятельности, но и по социальным проблемам, характерным для населения различных групп территорий.

В своих исследованиях, в частности в социолого-демографическом мониторинге, который мы проводим постоянно с 2005 года, для определения степени репрезентативности и анализа социальных проблем, нами выделяются следующие различного рода социальные общности регионального плана. Это: а) областной уровень, б) степень их урбанизации – городское и сельское население, в) группировка по численности их населения, как в разрезе городской, так и в разрезе сельской местности, г) их административный статус (городская местность: областные центры, бывшие города областного подчинения, города – центры административных районов, поселки городского типа – центры административных районов, поселки городского типа и города, не являющиеся центрами районов; сельская местность: агрогородки, пригородные села, остальные группы сельских поселений), д) регионы по уровню их социально-экономического развития, е) территории с различным уровнем радиоактивного загрязнения после катастрофы на ЧАЭС и е) приграничные территории, т.е. территории, граничащие с другими государствами.

В последнем случае по демографическим проблемам также осуществляется сопоставимый анализ белорусских приграничных территорий – в частности, областей стран, граничащих с Республикой Беларусь. Такой сравнительный анализ осуществляется прежде всего в сравнении с соседними областями по близким социокультурным характеристикам.

Сопоставимый анализ демографического развития в приграничных белорусских и российских областях, где проживает по этническому и конфессиональному составу близкое население, выявляет как общие тенден-

ции в их демографических процессах, так и особенности, вызванные разными подходами в управлении демографическим развитием. Общим является затянувшийся демографический кризис, характеризующийся депопуляционными процессами, что отражено в таблице 1.

Таблица 1. – Сравнительные показатели естественного движения населения областей белорусско-российского пограничья за 2000-2015 гг. (%)

Показатели	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Республика Беларусь								
Рождаемость	9,4	9,4	11,4	11,5	12,2	12,5	12,5	12,5
Смертность	13,5	14,7	14,4	14,3	13,4	13,2	12,8	12,6
Естественный прирост	-4,1	-5,3	-3,0	-2,8	-2,1	-0,7	-0,3	-0,1
Российская Федерация								
Рождаемость	8,7	10,2	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	13,3
Смертность	15,3	16,1	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	13,0
Естественный прирост	-6,6	-5,9	-1,7	-0,9	0,0	0,2	0,2	0,3
Гомельская область (Беларусь)								
Рождаемость	9,6	9,6	11,6	11,6	12,5	12,8	12,8	13,0
Смертность	14,0	15,1	15,1	15,0	14,1	13,8	13,6	13,2
Естественный прирост	-4,4	-5,5	-3,5	-3,4	-1,6	-1,0	-0,8	-0,2
Брянская область (Россия)								
Рождаемость	7,8	9,0	10,7	10,9	11,4	11,1	11,5	11,5
Смертность	18,2	19,8	17,0	16,1	16,2	15,9	14,0	13,9
Естественный прирост	-10,4	-10,8	-6,3	-5,2	-4,8	-4,8	-2,5	-2,4
Могилевская область (Беларусь)								
Рождаемость	9,4	9,2	10,8	11,2	11,8	12,2	12,4	12,1
Смертность	14,8	16,2	15,6	15,6	14,5	14,2	13,9	13,5
Естественный прирост	-5,4	-7,0	-4,8	-4,4	-2,7	-2,0	-1,5	-1,4
Смоленская область (Россия)								
Рождаемость	7,0	8,6	10,4	10,4	10,5	10,6	10,8	10,5
Смертность	20,0	21,6	18,4	16,8	16,8	16,4	16,1	16,4
Естественный прирост	-13,0	-13,0	-8,0	-6,4	-6,3	-5,8	-5,3	-5,9
Витебская область (Беларусь)								
Рождаемость	8,5	8,4	10,1	10,1	10,9	11,1	11,1	12,1
Смертность	15,1	16,5	16,7	16,2	15,4	15,4	14,7	14,7

Показатели	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Естественный прирост	-6,6	-8,1	-6,6	-6,1	-4,5	-4,3	-3,6	-3,5
Псковская область (Россия)								
Рождаемость	7,4	8,8	10,5	10,5	11,1	11,0	10,9	11,0
Смертность	22,3	24,5	21,2	19,4	19,6	18,6	18,4	18,2
Естественный прирост	-14,9	-15,7	-10,7	-8,9	-8,5	-7,6	-7,5	-7,2

И белорусские и российские приграничные области характеризуются отрицательным сальдо естественного прироста. Но при этом видно, что в российских приграничных территориях демографическая ситуация хуже, чем в Беларуси. В Гомельской области, имеющей несколько лучшие показатели среди восточных регионов Беларуси, и лучше ситуация в сравнении с показателями естественного движения населения с граничащей Брянской областью. Могилевская область среди регионов Беларуси характеризуется средними показателями, но по сравнению с граничащими с нею Брянской и Смоленской областями имеет более лучшие показатели. И, наконец, Витебская область, имеющая самые худшие в Республике Беларусь демографические показатели, по сравнению с граничащими с нею Смоленской и Псковской областями имеет существенно более высокие показатели.

Эту ситуацию в своих публикациях мы объясняли особенностями подходов в решении демографических проблем в наших странах. В России такой особенностью является наличие и использование социального капитала, а в Беларуси – более продолжительный оплачиваемый и включаемый в стаж при назначении пенсии отпуск матерям по уходу за ребенком (3 года), чем в России – 1,5 года. Но уже второй год в пенсионной системе Беларуси действуют существенные изменения по сравнению с ранее существовавшим подходом. Так, в страховой стаж при назначении пенсии отменен учет 3-х летнего оплачиваемого отпуска, а также времени нахождения на больничном. Среди последнего наиболее часто находились на больничном матери по уходу за больными детьми. И негативный результат этих изменений на демографические процессы уже сказался – и существенно. За два месяца 2017 г. в сравнении с аналогичным периодом 2016 г. число родившихся в Республике Беларусь уменьшилось на 2128 человек, или на 11,4%. Наивысшее снижение рождаемости произошло в тех областях, которые в предыдущие годы характеризовались более высоким коэффициентом рождаемости: В Брестской области это уменьшение составило 18,4%, Гомельской – 14,0%, Могилевской – 13,2%, Гродненской области – 12,9%. И даже в Витебской области, имевшей самый низкий показатель рождаемости, уменьшение числа родившихся оказалось выше среднего по Беларуси уровня – 12,2%.

Аналитический подход в характеристике особенностей территориальных общностей прежде всего отражает то важнейшее обстоятельство, что этнические границы белорусов в отличие от государственных границ Беларуси пересекаются с этническими границами русского, украинского, польского, литовского и латышского населения. В результате вдоль наших государственных границ имеется полоса одновременно этнических белорусов и этнических русских, этнических белорусов и этнических украинцев, этнических белорусов и этнических поляков, этнических белорусов и этнических литовцев, этнических белорусов и этнических латышей, проживавших и проживающих совместно. Эта полоса представляет совместные этнические границы народов Беларуси, России, Польши, Литвы и Латвии. И государственные границы Беларуси, России, Польши, Литвы, Латвии проходят внутри этих этнических территорий. Последние проходят по линии Брест – Белосток – Сувалки – Вильнюс – Даугавпилс – Опочка – Верхние Луки – Ржев – Брянск – Трубчевск – Городня – Овруч – Брест. Так, по материалам первой всероссийской переписи населения 1897 г. этнических белорусов вне нынешних белорусских областей проживало в Виленской губернии 891903 чел., Смоленской – 100757 чел., Черниговской – 151465 чел. и Ковенской губернии – 37798 чел.

Аналогично у соседствующих с нами странами их этнические границы проходят и по нашей территории, в результате чего на большой полосе вдоль государственных границ имеется концентрация титульных этносов стран, граничащих с Республикой Беларусь. Если в Республике Беларусь поляки в этнической структуре составляют 3,1%, то в этнической структуре Гродненской области их доля по материалам переписи населения 2009 г. составила 21,5%. А в некоторых крупнейших регионах Гродненской области, главным образом приграничных с Польшей, этнические поляки составляют: в Лидском районе 35,3%, Щучинском – 46,4%, Гродненском – 60,0%, а в Вороновском районе – 80,8%.

В южных районах Брестской и Гомельской областей по сравнению с другими районами этих областей выделяется украинская диаспора. Недаром в 1939 году, после воссоединения западных территорий, тогдашним главой Коммунистической партии Украины Н.С. Хрущевым была инициирована демаркация границ в этих присоединенных землях с его попыткой провести эту границу по южному берегу Припяти, что свидетельствует о наличии значительной полосе этнических белорусов и этнических украинцев, захватывающих и нынешние белорусские земли. Эта их близость и общность сказывается на развитии торговых отношений и трудовой миграции. Значительная доля украинцев в сельском населении Каменецкого, Малоритского и Пинского районов Брестской области и Мозырского, Речицкого и Светлогорского районов Гомельской области, а до катастрофы на ЧАЭС – и в Брагинском районе. В некоторых белорусских районах,

граничащих с Украиной, высока доля трудовых мигрантов с Украины. Это Малоритский район Брестской области и Лельчицкий район Гомельской области. Притягивают на заработки украинцев (чаще всего – нерегистрируемые) и индивидуальные хозяйства Столинского района, которые специализируются на раннем овощном хозяйстве, обеспечивая ранними огурцами и помидорами белорусские рынки.

Жители приграничных регионов с Украиной из Беларуси постоянно выезжают за покупками более дешевых товаров и продуктов на рынки Чернигова (жители Гомеля и Гомельской области) и Хмельницкого (жители Бреста и Брестской области). Конечно, это не такие интенсивные связи, как в советское время. До начала суверенного «плавания», к примеру, между Гомелем и приграничными районами Украины (Городнянский и Щорский районы), а также приграничными районами России (Злынковский, Новозыбковский и Клинцовский районы) ежедневно курсировало несколько пригородных поездов, обеспечивающих маятниковую миграцию жителей этих районов, работавших на промышленных предприятиях г. Гомеля. Направление Щорс-Городня-Гомель ездили работать в Гомель с Украины. Направление Новозыбков-Злынка-Гомель ездили в Гомель из России. А еще масса пригородных автобусных веток... В начале 1960 годов на работу и учебу в Гомель приезжало около 12 тыс. человек. К 1981 г. число «маятниковых мигрантов», т.е. приезжавших на работу в Гомель, выросло до 20 тыс. В Гомеле в отдельные периоды маятниковые мигранты составляли до 10% трудовых ресурсов, восполняя потребности экстенсивно развивающейся экономики. Потом, как правило, большинство из этих маятниковых мигрантов становились постоянными жителями города. Подобная ситуация была характерна и в отношении маятниковых мигрантов Витебска, Могилева и Орши, предприятия которых привлекали население из близлежащих российских областей, а также в Бресте, Пинске и Мозыре, куда устремлялись потоки маятниковых мигрантов с Украины.

Сегодня, в условиях постсоветского суверенитета эти сформировавшиеся социальные отношения отражает общее географическое, политическое, социально-культурное и экономическое пространство с общим этнически белорусским и этнически русским населением, общим этнически белорусским и этнически украинским населением, общим этнически белорусским и этнически польским населением, общим этнически белорусским и этнически литовским населением, а также общим этнически белорусским и этнически латышским населением.

Анализ социальных отношений приграничных территорий позволяет адекватно оценить и те проблемы, которые порождены особенностями социальной атмосферы в приграничных территориях и в целом в стране, ярким примером которых является ситуация в политической сфере в Украине. Воссоединение западных белорусских и украинских земель с восточной частью Белорусской ССР и Украинской ССР в 1939 году с позиций приграничных территорий выявляет

природу современного социально-политического конфликта в Украине и его отсутствие в Беларуси. Западные территории Белорусской ССР и до воссоединения в течение полутора столетий были в составе единого государства с восточными территориями. Западные же территории Украины до воссоединения 1939 г. входили в состав других государств. И потому недавняя историческая память определенной части населения Западной Украины служит той базой, на которой не тлеет, а горит конфликт в Украине. Почти четырех вековая историческая память и отношения в восточных областях Украины ориентирована на другие социокультурные ценности, чем в западных областях, что и является питательной социокультурной основой противостояния в Украине.

Таким образом, территориальный инструмент анализа социальных процессов дает возможность не только проникнуть в суть отдельных конкретных социальных проблем, но и выйти на более высокий методологический уровень при выработке адекватной социальной политики.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

*С.В. Каргаполов,
аспирант ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный университет».*

Применение высоких технологий, продуктов информатизации и виртуализации становится нормой в повседневных практиках, но не до конца исследованным остается вопрос о степени и возможных последствиях их влияния на поведение, ценностные ориентации людей [3; 4; 6; 7; 10-15; 19; 20]. Особенно это касается современной России, в которой у различных социальных групп трансформируются сложившиеся ранее ценностные представления.

В этой ситуации «электронное» пространство может стать существенным (в условиях трудовой сверх загрузженности родителей) фактором изменения способностей и мотивации деятельности современной молодежи. С одной стороны, молодежь выступает как деятельный, направленный в будущее субъект общественных отношений, созидатель и распространитель новшеств (электронных технологий, например) [2; 18]. С другой стороны, в эпоху трансформаций статусная позиция молодежи приобретает черты неустойчивости, маргинальности, неспособности к самоорганизации [1; 15]. И электронные коммуникации в отсутствие сформированной электронной культуры могут оказывать существенное влияние на этот процесс. При этом электронную культуру возможно исследовать как атрибут, социальное качество, которое формируется посредством образования и воспитания.

При социологическом анализе чаще всего выделяется учащаяся молодежь, а в рамках нашего исследования – студенческая молодежь. Главный вид труда у

студентов – учеба, направленная на приобщение к культуре в целом и формирующейся электронной культуре, в частности. При чем такое приобщение, на основе которого студенчество не просто осваивает электронную культуру как простой потребитель, но в дальнейшем занимается ее развитием как активный и грамотный пользователь.

Процессы формирования электронной культуры у студенческой молодежи в такой регионально дифференцированной стране как Россия зависят от факторов конкретной локально-территориальной среды, среди которых, например, состояние региональной системы образования, особенности менталитета, жизненного мира населения региона. Территориальный фактор в современной России оказывает также существенное влияние на выбор вуза. Изучение электронной культуры современной студенческой молодежи на региональном уровне является, таким образом, значимой социальной проблемой.

Блок вопросов, анализ результатов которого позволит выяснить ценностно-рефлексивное отношение студентов технических вузов к информационно-коммуникативным технологиям (ИКТ), в частности, к интернету, содержался в авторском социологическом исследовании «Электронная культура студентов технических вузов Нижнего Поволжья»*. На наш взгляд, ценностно-рефлексивное отношение к ИКТ возможно исследовать как индикатор сформированности электронной культуры молодежи.

На вопрос «Как Вы относитесь к интернету?» подавляющее большинство астраханцев (82% опрошенных) ответили «положительно», 11,8% респондентов – «безразлично». Исчезающе малое число респондентов (1,2%) выбрали ответ «отрицательно», 1,2% опрошенных – «не знаю», 3,4% представителей студенческой молодежи Астраханской области отказались от ответа. У волгоградцев количество ответов «положительно» больше на 5,2% при меньшем числе (на 3,4%) ответов «безразлично» и также исчезающе малом числе ответов «отрицательно» (1,3% респондентов) (таблица 1).

Таблица 1. – Ответы студентов на вопрос «Как Вы относитесь к интернету?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Студенты АГАСУ	Студенты ВолгГТУ
Положительно	82,4	87,6
Безразлично	11,8	8,4
Отрицательно	1,2	1,3
Не знаю	1,2	0,9
Отказ от ответа	3,4	1,8

С большой долей вероятности можно предположить, что позитивный образ интернета у студентов складывается потому, что студенты осознают несомненные преимущества всемирной сети по оперативности подачи информации по сравнению с другими средствами массовой информации.

Что касается доверия опрошенных к информации, размещенной на сайте интернета, то ответы астраханцев распределились следующим образом (таблица 2). Наибольшая по численности группа (40,1%) опрошенных выбрала вариант «в основном, доверяю». Далее следует группа респондентов (29,8% респондентов), которым трудно сказать точно. На третьем месте группа студентов (18,2% опрошенных), которые не очень доверяют интернету. 7,4% респондентов выбрали вариант ответа «пожалуй, доверяю». Только 2,5% астраханцев категоричны в своем полном недоверии интернету. При этом, полностью доверяют информации, размещенной на сайтах интернета, только 1,2% опрошенных.

Сравнительный анализ ответов астраханцев и волгоградцев на вопрос о доверии интернету показал следующее. У волгоградцев также наибольшая по численности группа выбрала вариант «в основном, доверяю», но эта группа на 6,3% больше, чем у астраханцев. По сумме вариантов ответов «полностью доверяю», «пожалуй доверяю» и «в основном доверяю» видно, что молодежь Волгограда в большей степени доверяет информации в интернете, чем молодежь Астрахани (56,6% против 48,7% опрошенных). Соответственно, у волгоградцев меньше доля тех, кому трудно сказать точно (24,3% против 29,8% респондентов), и ничтожно мала доля тех, кто совсем не доверяет (0,5% волгоградцев против 2,5% астраханцев). По гендерному признаку в большей степени доверяют информации с сайтов интернета девушки Волгограда, в меньшей степени – девушки Астрахани. При чем «разрыв» в доверии существенный – 60,4% и 44,2% соответственно (по сумме вариантов ответов «полностью доверяю», «пожалуй, доверяю» и «в основном доверяю»).

Таблица 2. – Доверие опрошенных к информации, размещенной на сайтах интернета (% от опрошенных, по столбцу).

Ответы респондентов на вопрос «Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверя- ете информации, размещенной на сайтах интернета?»	Студенты АГАСУ			Студенты ВолгГТУ		
	Юноши	Девушки	Итого	Юноши	Девушки	Итого
Полностью доверяю	1,5	1,0	1,2	3,0	3,4	3,2
Пожалуй, доверяю	8,1	6,7	7,4	6,4	7,8	7,0
В основном, доверяю	41,9	36,5	40,1	44,3	49,2	46,4
Трудно сказать точно	25,0	36,5	29,8	26,1	21,8	24,3
Не очень доверяю	18,4	18,3	18,2	18,9	15,6	17,6
Совсем не доверяю	3,7	1,0	2,5	0,0	1,1	0,5
Не знаю	0,7	0,0	0,4	0,4	0,0	0,2
Отказ от ответа	0,7	0,0	0,4	0,9	1,1	0,8
Итого	100	100	100	100	100	100

В определенной мере интернет может формировать личность, манипулировать сознанием людей, поэтому процесс не может оставаться бесконтрольным [18]. Количество астраханцев, которые считали необходимым введение цензуры в сфере Интернет, составило 58,1%. При этом, количество респондентов, не разделяющих эту точку зрения, составило 28,6% (таблица 3). 12,8% астраханцев затруднились и отказались ответить на этот вопрос.

У волгоградцев группа тех, кто не считает необходимым ввести цензуру в интернете, больше по сравнению с астраханцами на 9,2%. При этом, доля затруднившихся и отказавшихся ответить составила 12,7%. Таким образом, в эту категорию и в Астрахани, и в Волгограде попал каждый седьмой-восьмой опрошенный. Ожидаемым в свете гендерного анализа ответов студентов на предыдущий вопрос о доверии к интернету, является то, что за введение цензуры в интернете наиболее однозначно выскажутся девушки Астрахани. И, действительно, так считают 69,9% астраханок. Неожиданным стало то, что на втором месте по количеству ответов «да» на этот вопрос оказались студентки Волгограда – так ответили 63,1% опрошенных. А среди юношей доля выбравших ответ «да» на этот вопрос значительно меньше, при чем меньше всего среди студентов Волгограда (38,3% против 50%).

Таблица 3. – Студенты о необходимости введения цензуры в интернете (% от опрошенных, по столбцу)

Ответы опрошенных на вопрос «Как, по Вашему мнению, необходимо ли введение цензуры в интернете?»	Студенты АГАСУ			Студенты ВолгГТУ		
	Юноши	Девушки	Итого	Юноши	Девушки	Итого
Да	50,0	69,9	58,1	38,3	63,1	48,4
Нет	35,3	18,4	28,6	47,3	24,0	37,8
Затрудняюсь ответить	12,5	10,7	11,6	12,5	11,7	12,2
Отказ от ответа	2,2	1,0	1,7	1,9	1,2	1,6
Итого	100	100	100	100	100	100

Ответы на следующий вопрос показывают степень нерешенности в современном обществе глобального вопроса о соотношении физического и виртуального мира. Не решен однозначно этот вопрос даже на кумулятивном уровне теоретических представлений [6; 8-11]. Соответственно, не решен он также и на уровне повседневных практик, а также и на трансляционном уровне. Студенты технических вузов занимают особое место в си-

стеме этих уровней. Они должны быть первыми ласточками, которые доносят идеи и знания о технических новинках, машинах и устройствах, именно с них начинается формирование культуры пользования этими новинками, машинами и устройствами. Нерешенность вопроса о соотношении физического и виртуального мира на уровне теоретических представлений, на наш взгляд, затрудняет формирование электронной культуры.

И это обстоятельство в достаточной степени проявляется при анализе ответов на провокационный вопрос «Является ли измена на сайте эротической переписки в интернете настоящей изменой?». Среди студентов Астрахани 47,7% опрошенных ответили утвердительно (таблица 4). Ответы волгоградцев на этот вопрос, несмотря на всю их «продвинутость», оказались несколько неожиданными: по сравнению с астраханцами у них на 4,1% меньше ответов «да», но на 4,6% меньше количество ответов «нет» при увеличении категории затруднившихся и отказавшихся отвечать на 6,3%. Среди девушек больше ответов «да» на этот вопрос (62,1% и 50,3% у студенток Астрахани и Волгограда соответственно), чем у юношей (35,8% и 39,2% у студентов Астрахани и Волгограда соответственно) и также ожидается, что среди девушек Астрахани таких ответов больше, чем у девушек Волгограда. Но при этом среди девушек Волгограда меньше всего ответов «нет» на этот вопрос и больше всего количество затруднившихся и отказавшихся отвечать (39,1% опрошенных). А больше всего ответивших «нет» на этот вопрос среди юношей Астрахани (32,1% от опрошенных).

Таблица 4. – Ответы студентов на вопрос «Является ли измена на сайте эротической переписки в интернете настоящей изменой?» (% от опрошенных, по столбцу)

Варианты ответов	Студенты АГАСУ			Студенты ВолгГТУ		
	Юноши	Девушки	Итого	Юноши	Девушки	Итого
Да	35,8	62,1	47,7	39,2	50,3	43,6
Нет	32,1	15,5	24,7	26,2	10,6	20,1
Затрудняюсь ответить	26,9	18,4	23,0	28,1	30,7	29,1
Отказ от ответа	5,2	4,0	4,6	6,5	8,4	7,2
Итого	100	100	100	100	100	100

Таким образом, зафиксированы значимые различия ценностно-рефлексивного отношения к информационно-коммуникативным технологиям у представителей различных групп студенческой молодежи конкретного региона, что позволяет сформулировать следующий вывод: электронная культура как социальное качество у «авангарда» ее распространения – студентов

технического вуза Нижневолжского региона Российской Федерации находится в стадии формирования, т.к. в ее рамках не предложена устойчивая и эффективная ценностно-рефлексивная схема объяснения реальности, идентификации личности.

* Конкретное социологическое исследование «Электронная культура студентов технических вузов Нижнего Поволжья» проведено под руководством и непосредственном участии автора методом анкетирования в мае 2014 г. среди студентов Астраханского государственного архитектурно-строительного университета (N = 300, среди них юноши – 55,5%, девушки – 44,5%) и в декабре 2014 г. при непосредственном участии д.с.н., профессора, Н.В. Дулиной среди студентов Волгоградского государственного технического университета (N=450, среди них 59,4% – юноши, 40,6% – девушки). Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0.

Библиографический список

1. Баблюян, Н.В. Социальный интеллект российской студенческой молодежи: адаптационные стратегии в транзитивных условиях: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Н. В. Баблюян, Южн. фед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2012. – Режим доступа:http://discollection.ru/article/13082012_89272_bablojan. – Дата доступа: 13.08.2016.
2. Бабосов, Е.М. Социология. Энциклопедический словарь / Е. М. Бабосов. – М., 2009. – 480 с.
3. Багдасарьян, Н.Г. Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах / Н. Г. Багдасарьян // Культурологический журнал. – 2011. – №4(5). – Режим доступа:http://cr-journal.ru/rus/journals/77.html&j_id=7. – Дата доступа: 11.11.2015.
4. Баева, Л.В. Социокультурные изменения в условиях развития высоких технологий / Л. В. Баева // Инноватика и экспертиза. –2012.– Вып. 2(9).– С. 110–119.
5. Воронов, А.И. Философский анализ понятия «виртуальная реальность»: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / А. И. Воронов. – СПб., 1999. – Режим доступа:<http://www.dissercat.com/content/filosofskii-analiz-ponyatiya-virtualnaya-realnost#ixzz3btuIP1wI>. –Дата доступа: 25.04.2015.
6. Емелин, В. А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов // Вопросы философии. –2013. –№1. – Режим доступа:http://vphil.ru/index.php?Itemid=52&id=678&option=com_content&task=view. –Дата доступа: 30.04.2015.
7. Иванов, Д.В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб., 2000. – 96 с.

8. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000. – Режим доступа: lib.znate.ru/docs/index-274181.html. – Дата доступа: 12.04.2015).
9. Ковалевская, Е.В. Компьютерные виртуальные реальности: некоторые философские аспекты // Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики.–1998. –Вып. 4. – С. 56–60.
10. Майленова, Ф.Г. В виртуальном мире современных нравственных ценностей и убеждений / Ф. Г. Майленова // Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики. – 1998. – Вып. 4. – 281 с.
11. Лещев, С.В. Электронная культура и виртуальная реальность: третья цифровая волна НБИК-парадигмы / С. В. Лещев // Вестн.гум.фак-та Ивановск.гос. химико-техн. ун-та. – 2014. – Вып. 7.– С. 5–9.
12. Мантатов, В.В. Глобализация, устойчивое развитие и общество будущего / В. В. Мантатов // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 175–184.
13. Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа): монография / А.Ю. Арясова [и др.] ; под общ. ред. Н. В. Дулиной. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2016. – 175 с.
14. Нариньяни, А.С. eНОМО – два в одном (HomoSapience в ближайшей перспективе) / А. С. Нариньяни // Открытое образование. – 2005. – №2.– С. 51–61.
15. Пименова, О.И. Глянцевый журнал как фактор конструирования социально-статусной идентичности молодежи: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / О. И. Пименова; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.–Екатеринбург, 2013. – Режим доступа:<http://www.dslib.net/soc-struktura/gljancevyj-zhurnal-kak-faktor-konstruirovaniya-socialno-statusnoj-identichnosti.html>. – Дата доступа: 13.08.2016.
16. Плешаков, В.А. Социальные сети интернет-среды как фактор социализации студентов / В. А. Плешаков // Научн. вестн. Норильск.инд.ин-та. – 2010. –№7.– С. 17–26.
17. Филиппова, Т.В. Социология в Интернете / Т. В. Филиппова // Социологические исследования. –2000. –№5.– С. 131–137.
18. Чупров, В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве / В. И. Чупров // Социологические исследования. –1998. –№3.–С. 93–106.
19. Юдин, Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) / Б. Г. Юдин // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: проблемы геномики, психологии и виртуалистики. –М., 2007.– С. 8–14.
20. Яскевич, Я.С. Нравственно-аксиологические интенции современной науки о человеке и обществе / Я. С. Яскевич // Наука и общество: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. г. Минск, 16–17 октября 2014 г. – Минск, 2014. – С. 93–98.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ

*С.Е. Лупаренко,
профессор*

*Харьковского национального педагогического университета
имени Г. С. Сковороды,
доктор педагогических наук, доцент.*

Детство и дети являются одними из основных ценностей современного общества, поскольку именно в детстве закладываются основы всей будущей жизни человека, оно выступает важной составляющей развития и возрождения нации, а отношение к детям, их развитию и воспитанию, социальной защите со стороны государства, социальных институтов и отдельных социальных групп свидетельствует об определенном уровне культурного и социального развития общества.

Социокультурное обеспечение детей осуществляется в таких направлениях: удовлетворение образовательных и культурных потребностей детей (семейное воспитание; образование детей: дошкольное, школьное, внешкольное; влияние социокультурной среды на детей через детскую литературу, прессу, детский кинематограф); опека детей (мероприятия, направленные на оздоровление детей, их медицинское обслуживание; специальная работа с беспризорными и безнадзорными детьми, малолетними преступниками; организация детского питания; удовлетворение материальных потребностей детей и др.).

Современные дети взрослеют в сложных социально-экономических, нравственно-правовых, культурно-образовательных и бытовых условиях, которые надо учитывать для создания благоприятной среды воспитания ребенка. Разнообразные тенденции и особенности современного общества (виртуализация и компьютеризация, чрезмерная интеллектуальная нагрузка на детей, стремление начать их обучение как можно раньше, демографический кризис и кризис семейных ценностей, формирование потребительского поведения, модели бездетной или малодетной семьи и т.п.) имеют значительное влияние на детей и приводят к тому, что происходит своеобразная девальвация, потеря специфики детства – исчезновение специфических отличий детей, проявлений субъектности и самобытности каждого отдельного ребенка, того, что свойственно именно детству и отличает мир детей от мира взрослых, или их замена элементами подростковой субкультуры или культуры взрослых.

На основе анализа научной литературы (В. Абраменкова, Г. Беленькая, И. Вавилова, Л. Варяница, Л. Галигузова, Л. Гурковская, Ю. Иванов, Е. Луценко, С. Мещерякова, Д. Рихтер, И. Савчук, Г. Святненко, Д. Фельдштейн,

В. Чудинова) можно выделить признаки исчезновения специфики детства, а именно: 1) исчезновение определенных элементов детской субкультуры (детского фольклора, традиционных детских игр и т.п.), преобладание у детей взрослых видов деятельности; 2) потеря детской инфраструктурой (детские книги, газеты, журналы, фильмы, одежда, игрушки, сфера развлечений и т.д.) детской специфики, ее превращение в индустрию детских развлечений; 3) переориентация в формировании психического пола ребенка с четко фиксированной поло-ролевой модели на инверсионную модель (маскулинную для девочек и феминную для мальчиков); 4) снижение уровня когнитивного развития детей, их энергичности, природной любознательности, желания читать и познавать новое, активно действовать при возрастании эмоционального дискомфорта; 5) преждевременное взросление современных детей, изменение содержания и культуры детства.

Исследования современных ученых (В. Абраменкова, В. Бондаровская, И. Голубева, Г. Грезийон, Г. Дженкинс, И. Загарницкая, Л. Ионин, Л. Ольховик, Г. Покидько, Н. Постман, Е. Рыбинский, И. Рогальская, В. Савицкая, В. Фольваркова-Плахтий, Д. Фридман) позволяют выделить причины потери специфики детства, а именно: разрушение институтов социализации (семьи и детского сообщества); либерализация половой морали и активная деморализация детской субкультуры взрослыми; наличие и активное распространение агрессивной медиа-среды; раннее знакомство детей со «взрослой» информацией (пропаганда цинизма, культ денег, силы), что приводит к усвоению детьми новых, экранных образцов поведения, критериев красоты; противоречивое отношение к детству; возникновение общественных движений, которые пропагандируют жизнь без детей; появление индустрии развлечений для детей и стремление производить детские вещи по подобию взрослых; ослабление игровых интерактивных форм общей деятельности детей; низкий уровень духовного развития людей, их низкая культура чтения, неразвитые и неразборчивые познавательные интересы; демографический кризис, снижение многих показателей жизни современных детей в отношении их физического, психического и нравственно-духовного здоровья. Действительно, современных детей часто называют ослабленными (не только из-за плохой экологии, но и из-за чрезмерной технизации их жизни, когда многие виды деятельности за детей выполняют различные устройства, вследствие чего дети становятся неспособными выполнять физические нагрузки). Многие исследователи (Е. ИONOва, О. Лукашенко, О. Омельченко) указывают на низкий уровень здоровья детей из-за неблагоприятных социально-экономических, экологических, образовательных и наследственных факторов [1; 2].

Таким образом, на современном этапе развития общества острой стала проблема сохранения специфики детства, что предусматривает орга-

низацию деятельности государства и общественности по социокультурному обеспечению детей (с ориентацией на ценность ребенка, уникальность и самобытность детства). В связи с этим, можно выделить основные направления решения проблем социокультурного обеспечения детей:

- налаживание взаимодействия детских образовательных учреждений с родителями через организацию родительских объединений (лекториев, университетов, кружков) и проведение мероприятий (бесед, консультаций, конференций и т.п.), направленных на формирование педагогической культуры родителей, их умения и желания общаться с детьми и необходимости сохранения его специфики; привлечение общественности к решению вопросов социокультурного обеспечения детей;

- обеспечение комплексного подхода к решению образовательно-культурных заданий детства со стороны детских учебно-воспитательных учреждений, учителей, родителей, общественных организаций; усиление сотрудничества между разными детскими заведениями (образовательными, социальными, культурными);

- использование обобщенного опыта реализации идей детства в разных странах мира в разработке образовательных документов, концепций обучения и воспитания с ориентацией на разностороннее развитие личности, которые имеют недеklarативный характер и предусматривают: оптимизацию содержания образования и усовершенствование организации педагогического процесса, что должно обеспечивать равномерное влияние на интеллектуальную, чувственную и волевую сферы ребенка, предотвращать чрезмерную интеллектуальную нагрузку на него; использование нетрадиционных форм (урок-игра, урок-турнир, урок-суд, урок-«мозговая атака») и методов (проблемные, активно-практические) обучения, факультативов для обеспечения индивидуальных познавательных потребностей детей, развития их творческих способностей;

- обеспечение доступности внешкольного образования для детей с разным имущественным положением, охват как можно большего количества учеников разумной деятельностью на досуге, что требует улучшения материальной базы детских внешкольных учреждений;

- внедрение в образовательный процесс авторских педагогических систем, в частности идей вальдорфской педагогики;

- пропаганда в средствах массовой информации ценности детства, необходимости его сохранения, традиционных форм проведения детского досуга;

- налаживание производства детских товаров (игрушек, литературы, учебного и игрового оборудования и т.п.) с учетом особенностей детского развития;

- издание учебно-методической литературы для родителей, педагогов по проблеме сохранения специфики детства (организации совместного досуга взрослых и детей, ценности детства); подготовка родителей и педагогов к целенаправленной деятельности по изучению детей, развитию их познавательных интересов, пониманию специфики и самобытности детства.

По мнению Л. Кудрик, «важно, чтобы взрослые ... не угнетали в детях то духовное, что стремится в них проявиться, не навязывали им свои стереотипы, не стремились через обиды, укоры, насмешки, морализаторство, авторитарный стиль поведения подавить, унижить их, снизить их самооценку. Нужно, чтобы взрослые усвоили методы позитивного воспитания, строили свои взаимоотношения с детьми на основе партнерства, взаимно полезного сотрудничества. Ведь детям есть чему нас научить, важно только прислушаться к ним и услышать» [3, с. 93]. Поэтому воспитание детей должно начинаться с воспитания взрослых; необходимо способствовать развитию потребности и желания взрослых быть с ребенком, формированию умений интересно и полезно проводить время вместе.

Сохранить детство, преодолеть негативные факторы современной социальной ситуации развития общества можно благодаря гуманизации отношения взрослых к миру детства, поддержке и стимулированию детской субкультуры, самодеятельных детских объединений, обеспечению особого (одухотворенного) пространства детской жизнедеятельности. Особое значение имеет актуализация исключительно детских видов деятельности (игр, живого общения детей друг с другом и т.п.). Это защитит ребенка от негативного влияния среды, повысит уровень его психоэмоционального благополучия и нравственно-духовного здоровья.

Обезопасить ребенка от негативных явлений среды возможно через формирование у него адекватных и постоянных социальных представлений об окружающем мире – и это является главным заданием традиционных институтов социализации. Важной проблемой, которую должны решить взрослые, ответственные за воспитание и социализацию детей, является то, что авторитет средств масс-медиа, в частности Интернета как идеального для детей и подростков вида медиа и пространства для межличностной и социальной коммуникации, является серьезной альтернативой авторитету родителей, традиционных общественных институтов, закона, книги [4; 5].

Особая роль должна отводиться развитию индивидуальности ребенка, обеспечению личностного роста каждого ребенка. Это реализуется благодаря учету его индивидуальных особенностей в образовательном процессе, использованию лично ориентированных технологий обучения, организации работы с детьми с особыми потребностями, что способствует лучшей адаптации детей в социуме.

Важно привлекать детей к культурному проведению их свободного времени (посещению театров, музеев, выставок, мастер-классов и т.д.), что

возможно путем широкой популяризации детских мероприятий и деятельности культурных учреждений, обновления их репертуара с учетом особенностей детского развития, духовного наполнения содержания представлений, использования понятных, соответствующих возрасту детей средств выражения. Учреждения культуры, которые привлекаются к процессу социокультурного обеспечения детей, должны, в первую очередь, ориентироваться на духовное развитие ребенка и сохранение детскости.

Таким образом, современное понимание детства требует его восприятия как объективной целостности, трансформацию в духовных основах общества, изменение отношения к детям, готовность восстанавливать и модернизировать инфраструктуру детства с учетом его уникальности и самобытности.

Библиографический список

1. Іонова, О. М. Вимоги до здоров'язберігаючого навчально-виховного процесу / О. М. Іонова, О. Омельченко // Матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції «Валеологія: сучасний стан, напрямки та перспективи розвитку». – Харків: Харківський національний університет імені В. Каразіна, 2007. – Т. II. – С. 130–136.

2. Лукашенко, О. М. Проблема збереження здоров'я молодших учнів у вальдорфській педагогіці : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / О. Лукашенко; Харків.нац.пед.ун-т ім. Г.С. Сковороди. – Харків, 2009. – 20 с.

3. Кудрик, Л. Г. До проблеми духовного розвитку дитини в сучасному світі / Л. Г. Кудрик // Ставропігійські філософські студії: зб. наук. пр. з філософії, психології, мистецтвознавства, культурології, педагогіки та філософії освіти. – Львів: «Ставропігійон», 2008. – Вип. 2. – С. 91–103.

4. Петрунько, О. В. Дитина в інтернет-просторі: ймовірні наслідки і відповідальність дорослих / О. В. Петрунько // Наукові студії із соціальної та політичної психології: зб. статей. – Київ: Міленіум, 2008. – Вип. 21 (24). – С. 112–123.

5. Чудинова, В. П. Дети и библиотеки в меняющейся медиасреде / В. П. Чудинова. – М.: Школьная библиотека, 2004. – 336 с.

ДОСУГОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Е.В.Мартищенко,
научный сотрудник*

ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси».

Социальная инфраструктура – одна из важнейших функциональных подсистем города, неотъемлемая часть его народно-хозяйственного комплекса, включающая в свой состав учреждения, предприятия и сооружения различных отраслей непродуцированной сферы, связанные с удовлетворением разнообразных социально-культурных и социально-бытовых потребностей человека, созданием необходимых условий и средств для всестороннего развития духовно и физически полноценной личности, для повышения культурно-образовательного уровня и улучшения бытовых условий проживания населения, оказания всемерной поддержки группам населения, нуждающимся в социальном содействии [1, с. 399].

В наиболее общем виде социальная инфраструктура делится на две части: социально-бытовую и социально-духовную. Социально-бытовая инфраструктура включает такие звенья, как торговля, общественное питание, жилищное, коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, пассажирский транспорт и связь по обслуживанию населения. В составе социально-духовной инфраструктуры выделяются: просвещение, культура и искусство, здравоохранение, физическое воспитание и спорт, охрана окружающей среды, массовая информация и т.п. Если бытовая инфраструктура служит условием воспроизводства человека вообще, то социально-духовная непосредственно и наиболее активно проявляет себя в обеспечении профессиональной подготовки, формировании моральных, интеллектуальных качеств и здоровья людей. Социальная инфраструктура носит ярко выраженный территориальный характер, так как она связана с обслуживанием человека, который проживает в поселениях городского и сельского типа и должен быть обеспечен необходимыми условиями для физического и духовного развития [1, с. 213].

Социально-бытовая инфраструктура оказывает влияние на производительность труда не только через систему образования. Здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание и другие отрасли создают условия для сохранения и повышения работоспособности человека. Одна из главных целей развития социально-бытовой инфраструктуры – предоставление людям услуг для высвобождения их свободного времени, которое может быть ими использовано более рационально, с пользой для каждого человека и всего общества в целом. И наконец, социально-бытовая инфраструктура важна и для духовного развития человека, для совершенствования социальных отношений. Этим целям подчинена деятельность социально-культурных учреждений.

Социальная инфраструктура, участвуя во многих процессах жизнедеятельности, меняет качество жизни людей в лучшую сторону, делая ее более комфортной, рациональной и эффективной. Прогнозирование и планирование социальной инфраструктуры в регионах опирается на территориальные нормативы обеспеченности населения товарами, жильем, больницами, школами, детскими садами и другими объектами социальной инфраструктуры, которые должны отражать региональную специфику жизненных условий и возможности реального удовлетворения социальных, духовных запросов населения.

Немаловажное значение для развития социальной инфраструктуры имеет степень удаленности населенного пункта от центральных дорог и крупных промышленных центров. Так, наиболее отдаленные районы характеризуются транспортной изолированностью, замкнутостью связей, отсутствием или трудной доступностью даже самых необходимых объектов непродовольственной сферы (образование, здравоохранение, культура и т. д.), либо низким качеством и количеством предлагаемых услуг. Также наблюдается, что на селе оснащенность учреждений социальной инфраструктуры, ее кадровое обеспечение гораздо хуже аналогичных городских объектов. Такие необоснованные различия приводят к тому, что население небольших городов и сельских населенных пунктов стремится повысить свой жизненный уровень путем переезда в более крупные города, либо вообще покидают пределы страны. Получается замкнутый круг – социальная инфраструктура в таких районах слабо развита, т. к. не хватает специалистов для развития производства и наращивания материальной базы, а специалисты (в особенности молодые) не хотят там работать именно из-за более низкого уровня развития социальной инфраструктуры.

Особенно велика роль социально-бытовой инфраструктуры в повышении эффективности использования нерабочего времени, которое необходимо для отдыха, социального развития человека, формирования его семьи и т.д. Развитие социально-духовной инфраструктуры имеет большое значение для жизни любого современного общества. Повышению культурного уровня населения во многом способствует деятельность клубных учреждений, театров, кинотеатров и т.д. Большую просветительскую работу выполняют Дома культуры и клубы. Немаловажную роль играют и объекты спортивно-оздоровительной направленности. Основная функция этих учреждений – это организация культурного отдыха населения и пропаганда здорового образа жизни. В данной статье мы уделим внимание именно оценкам респондентов работы культурно-развлекательной и спортивно-оздоровительной направленности в своем населенном пункте.

Основные показатели обеспеченности населения спортивными и развлекательными учреждениями – их число на определенное количество жителей, поэтому, чем меньше населенный пункт, тем меньше в нем таких учреждений. В связи с этим, полагаем необходимым изучение оценок населением состояния и развития социальной инфраструктуры своих населенных пунктов в региональ-

ном разрезе, а также в зависимости от размера населенного пункта (распределение по зонам 1–6)².

По результатам эмпирических исследований, проведенных отделом социологии социальной сферы осуществлен анализ оценок населением Беларуси состояния и развития инфраструктуры в населенных пунктах их проживания. Опрос проводился в мае 2016 года по республиканской репрезентативной выборке объемом 2000 респондентов с контролем квот по полу, возрасту, образованию и региону проживания. Полученные данные показывают, что в целом по выборке большинство респондентов выражают в целом положительное отношение к своему населенному пункту и покидать его не планируют, но в тоже время около половины опрошенных указывают на необходимость изменить текущее состояние инфраструктуры (таблица 1–2).

Таблица 1. – Распределение ответов респондентов об их отношении к своему населенному пункту в разрезе регионов (%)

Как вы относитесь к своему населенному пункту?	Всего	В том числе по регионам						
		Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.
Мне очень нравится здесь жить	40,9	40,5	40,1	33,7	47,5	56,5	36,6	25,2
В целом я доволен(а), но кое-что хотелось бы изменить	49,5	52,5	52,6	48,2	41,2	39,4	52,8	63,9
Мне не нравится здесь жить, хотел(а) бы уехать отсюда	6,0	4,6	4,6	10,7	9,1	2,3	4,9	7,6
Затрудняюсь ответить	2,5	2,4	2,7	7,4	2,2	1,8	5,7	3,3

В региональном разрезе более всего выделяются Витебская, Гомельская области, а также сельские населенные пункты по республике в целом, где наблюдалось наибольшее количество респондентов, желающих переехать в другое место (10,7 %, 9,1 % и 9,4 %, соответственно), причем чаще подобные ответы встречались среди молодежи (респонденты в возрасте до 30 лет). Также хотелось бы отметить и Могилевскую область, респонденты которой значительно реже других говорили о том, что им нравится жить в

²С учетом существенных отличий по размеру и количеству проживающих город Минск в процессе построения выборки выделен как отдельная зона, остальное городское население республики разбивалось на пять зон: 1 зона – города с населением более 250 тыс. жителей; 2 зона – города с населением от 100 до 250 тысяч жителей; 3 зона – города с населением от 50 до 100 тысяч жителей; 4 зона – города с населением от 10 до 50 тысяч жителей; 5 зона – города с населением менее 10 тысяч жителей. 6 зона охватывает сельское население. Выборка построена таким образом, что отбор сельского населения осуществляется соответственно зоне городского населения, что обеспечивает репрезентативность полученных данных.

своем населенном пункте (25,2 % при среднем по республике 40,9 %) и гораздо чаще отмечали необходимость изменений (63,9 %, при среднереспубликанском показателе 49,5 %).

Таблица 2. – Распределение ответов респондентов об их отношении к своему населенному пункту в разрезе зон (%)

Как вы относитесь к своему населенному пункту?	Всего	В том числе по количеству жителей						
		Минск	Областные центры	Крупные города	Средние города	Районные центры	Малые города.	Сельские населенные
Мне очень нравится здесь жить	40,9	40,5	45,6	30,1	49,1	41,6	33,4	37,4
В целом я доволен(а), но кое-что хотелось бы изменить	49,5	52,5	46,6	59,2	46,4	48,4	58,5	49,2
Мне не нравится здесь жить, хотел(а) бы уехать отсюда	6,0	4,6	4,4	6,9	1,0	6,1	6,0	9,4
Затрудняюсь ответить	2,0	2,4	3,1	2,8	2,9	1,9	1,3	2,1

Полученная в ходе исследований информация позволяет выявить не только общее отношение респондентов к населенному пункту их проживания, но также и "проблемные позиции" в развитии социальной сферы по месту их жительства для оказания адресной помощи, учета мнения людей по многим бытовым вопросам. Вполне очевидно, что проводимый комплекс мероприятий должен быть направлен, в первую очередь, на то, чтобы изменить в лучшую сторону устоявшийся уклад жизни населения республики, формальные и межличностные отношения, организацию учебы, медицинского обслуживания, общественного транспорта, ЖКХ и бытового обслуживания, досуга. С этой целью в рамках научно-исследовательского проекта замерялись не только индикаторы общего отношения к населенному пункту проживания, но и его (населенного пункта) оценка по основным характеристикам (возможности трудоустройства, создание новых рабочих мест; обеспеченность жильем; качество предоставляемых услуг в детских дошкольных учреждениях и школах; качество медицинского обслуживания; работа службы быта; работа клубов, кинотеатров и других объектов культурного досуга, отдыха; работа объектов спортивно-оздоровительной направленности (спортзалы, спортплощадки, спортивные секции и т.д.); качество и ассортимент товаров в торговых точках; работа общественного транспорта; работа служб коммунального хозяйства и др.). Включенные в инструментарий исследования вопросы позволили выявить как население

оценивает уровень развития инфраструктуры в своем населенном пункте. Респондентам было предложено дать характеристику своему населенному пункту по нескольким критериям, учитывающим его инфраструктуру в настоящее время. Для более детального анализа полученных в ходе социологического исследования данных, а также в целях визуализации результатов, рассчитывался порядковый индекс по каждой из изучаемых характеристик населенного пункта. Данный индекс находится в пределах от «-1» до «1», где 1 – «хорошо», 0 – удовлетворительно, -1 – плохо и рассчитывался по формуле:

$$I = \frac{a_1 + a_2 \times 0,5 - a_3}{100}, \text{ где}$$

I – индекс оценки респондентами общего состояния инфраструктуры своего населенного пункта;

a_1 – процент респондентов, давших оценку состоянию инфраструктуры своего населенного пункта "хорошо";

a_2 – процент респондентов, давших оценку состоянию инфраструктуры своего населенного пункта "удовлетворительно";

a_3 – процент респондентов, давших оценку состоянию инфраструктуры своего населенного пункта "плохо".

При интерпретации результатов следует учитывать, что чем выше индекс по конкретной характеристике, тем выше ее оценка по населенному пункту проживания (рисунки 1, 2).

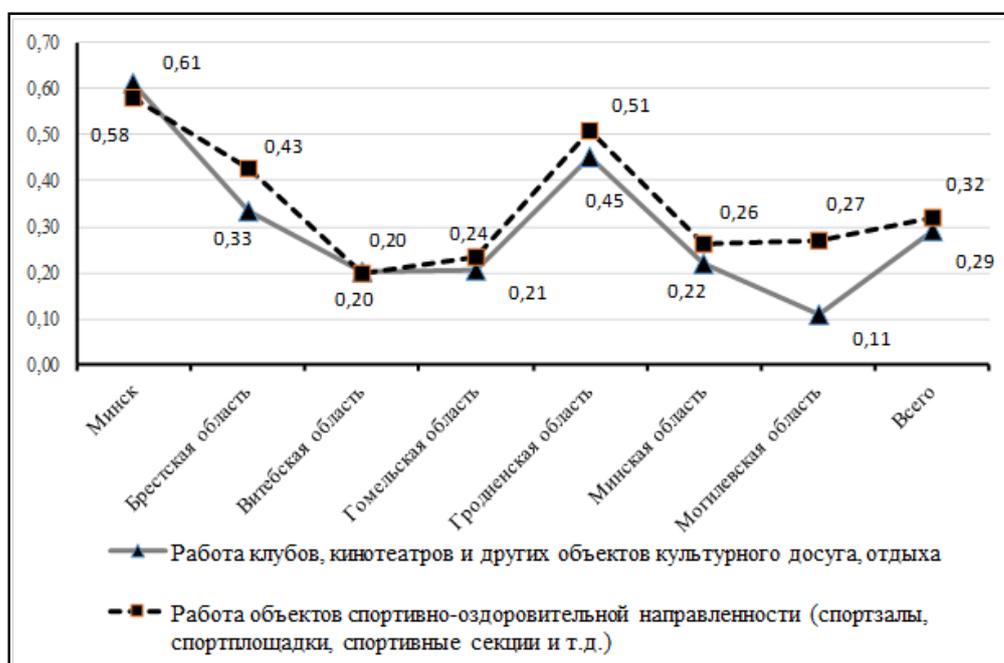

Рисунок 1 – Оценка респондентами работы объектов спортивно-оздоровительной и культурно-развлекательной направленности в своем населенном пункте, индексы (индекс изменяется от «1» до «-1», где 1 – «хорошо», 0 – «удовлетворительно», -1 – «плохо»)

На рисунке 1 мы видим, что работу объектов спортивно-оздоровительной и культурно-развлекательной направленности в своих населенных пунктах респонденты оценивают положительно во всех регионах Беларуси, однако заметно выделяются город Минск и Гродненская область – показатели существенно превышают среднереспубликанские (индексы выше более чем на 0,20 в обоих случаях). В Могилевской области респонденты несколько ниже, чем в других регионах оценили свои возможности проведения культурного досуга (посещение клубов, кинотеатров и т.д.).

Что касается распределения оценок в зональном разрезе, то, как видно на рисунке 2, несмотря на более низкий уровень доступности объектов развлекательного характера для жителей небольших городов и поселков, они все же оценивают их работу положительно, хотя и несколько ниже, чем жители более крупных городов. На наш взгляд, невозможность в полной мере удовлетворить свои потребности в проведении культурного досуга особое значение приобретает для молодежи и тем самым стимулирует отток местной молодежи из сельской местности.

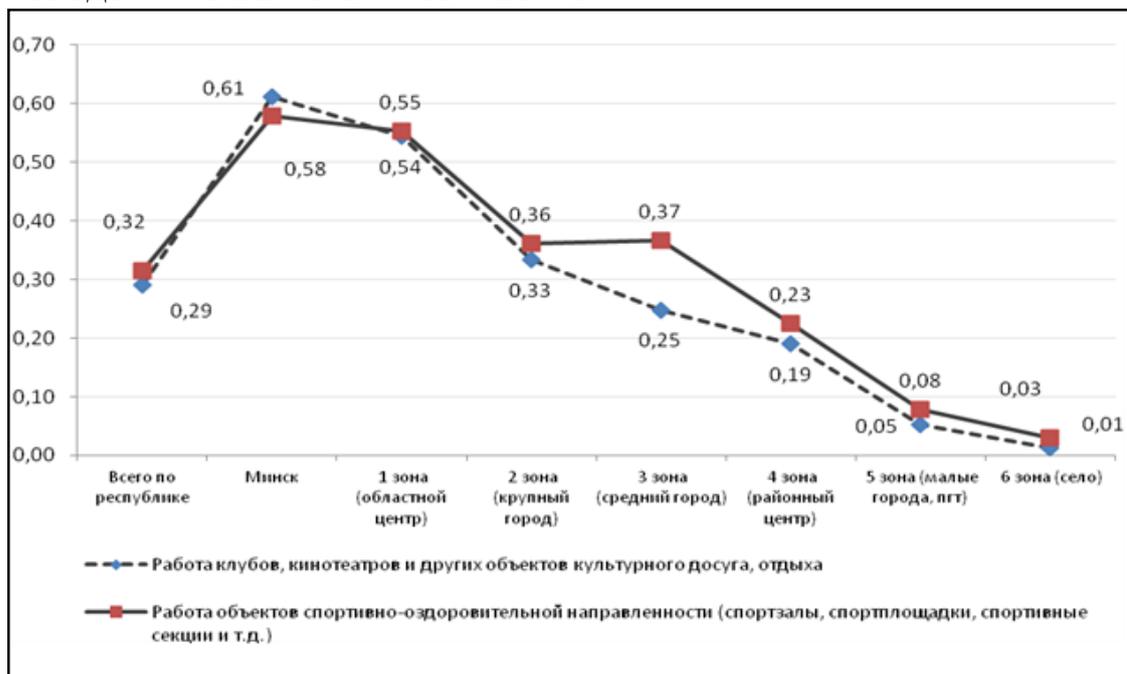

Рисунок 2 – Оценка респондентами работы объектов спортивно-оздоровительной и культурно-развлекательной направленности в своем населенном пункте, индексы (индекс изменяется от «1» до «-1», где 1 – «хорошо», 0 – «удовлетворительно», -1 – «плохо»)

Таким образом, рассмотрев характер функционирования различных объектов социальной инфраструктуры в зональном разрезе, можем отметить, что он зависит не только от уровня ее развития, но и от качества обслуживания, возможностей выбора услуг, интеллектуального развития населения, транспортно-временной доступности объектов социальной

сферы. Среди регионов республики г. Минск имеет наиболее высокий уровень развития всех отраслей социальной сферы и отличается наибольшим разнообразием сетевых и качественных характеристик системы предоставления социальных услуг. В остальных населенных пунктах республики существующее состояние социальной инфраструктуры не в полной мере отвечает потребностям жителей (особенно это касается малых городов и сельских населенных пунктов) и не всегда обеспечивает такие условия жизнедеятельности, которые способствовали бы их всестороннему развитию путем удовлетворения бытовых, духовных и культурных потребностей.

Библиографический список

1. Борисевич, В. И. Экономика региона: учеб. пособие / В. И. Борисевич, П. С. Гейзлер, В. С. Фатеев. – Мн.: БГЭУ. – 2002. – 432 с.

ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

*Д.В. Моисеева,
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет».*

*Н.В. Дулина,
заведующая кафедрой истории, культуры и социологии
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет»,
доктор социологических наук, профессор.*

В движение по повышению финансовой грамотности населения включается все больше стран, не стала исключением и Республика Беларусь. В 2013 г. увидело свет Постановление Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь «О плане совместных действий государственных органов и участников финансового рынка по повышению финансовой грамотности населения Республики Беларусь на 2013–2018 годы» [1], и с этого момента начала разворачиваться масштабная программа. Специалисты, задействованные в реализации данного направления, столкнулись с большим количеством сложностей различного характера. В рамках данной публикации будут рассмотрены региональные

особенности финансового поведения населения областей Республики Беларусь и г. Минска и сформулированы гипотезы, их объясняющие.

Основной целью указанного выше плана совместных действий является формирование у граждан Республики Беларусь рационального финансового поведения при принятии решений, касающихся личных финансов, и повышение эффективности защиты их прав как инвесторов и потребителей финансовых услуг. При этом важно осознавать влияние финансовой культуры на финансовое поведение населения. Согласно определению, предложенному А. И. Фатиховым и Р. Т. Насибуллиным, финансовая культура населения представляет собой «совокупность традиций, норм и идей, отражающих уровень финансовой грамотности, навыки и поведение людей в области финансовых отношений, финансового планирования и распределения денежных средств при существующем уровне развития в обществе инфраструктуры рынка, финансовых институтов и различных ценностей финансовой сферы, имеющих материальное воплощение и созданных целенаправленным воздействием людей» [2]. Финансовая культура устойчива и изменяется медленно, финансовые действия глубоко укоренены в социальной структуре. Мероприятия, направленные на создание массовых стереотипов эффективного финансового поведения, должны быть хорошо продуманы, выверены, взвешены. В противном случае озвученные цели не будут достигнуты, а бюджетные средства израсходованы неэффективно. В контексте реализации программы повышения финансовой грамотности населения Республики Беларусь актуально звучат слова белорусского социолога С. А. Шавеля: «Отечественные социологи берутся изучить культурный (или цивилизационный) код Беларуси и на основании этих исследований предоставить рекомендации, как конвертировать наш социокультурный потенциал в экономические результаты» [3].

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси реализовал две волны исследования, направленного на изучение финансовой грамотности населения страны: первая волна – июль-август 2013 г., вторая волна – январь-февраль 2016 г. [4; 5]. Общий объем выборочной совокупности составил 1500 человек. Исследование охватило все шесть областей Республики Беларусь: Брестскую, Витебскую, Гомельскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую. Статистическая ошибка не превышает 5 %.

Один из выводов, сделанных социологами по результатам этих исследований, – наличие определенных региональных различий в финансовом поведении населения областей Республики Беларусь и г. Минска. Например, резко различается самооценка респондентов (рисунок 1).

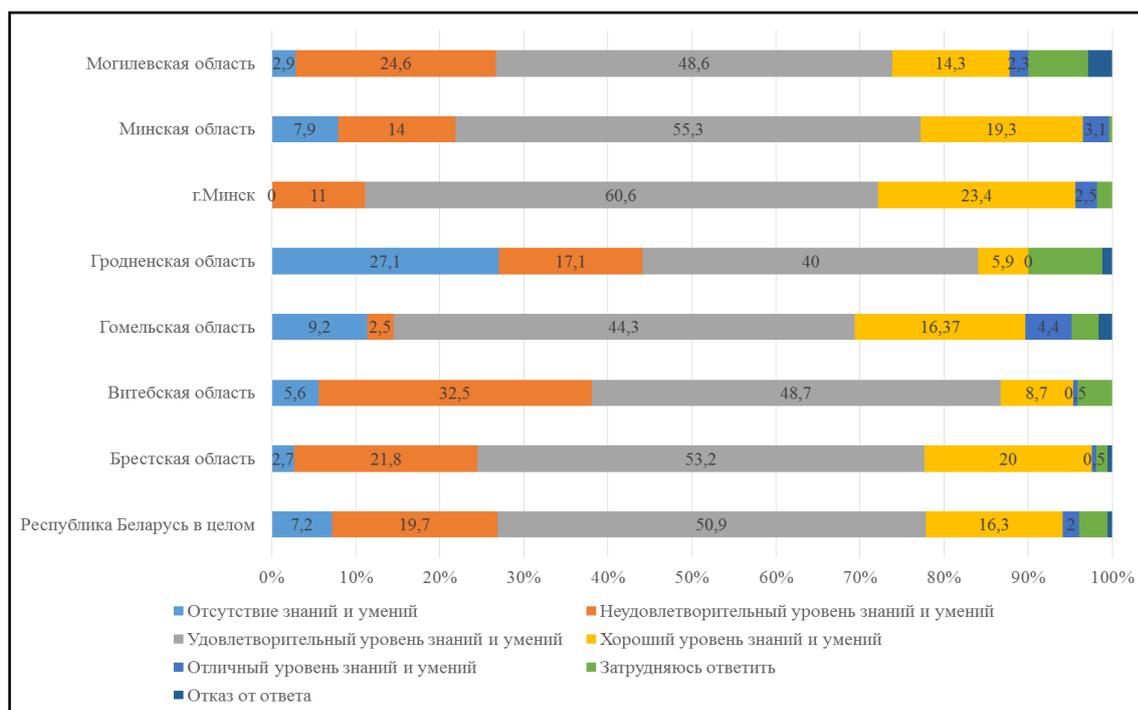

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя финансово грамотным человеком?» по областям Республики Беларусь и г. Минску

Кроме того, социологи подчеркивают:

- негативный опыт пользования финансовыми услугами намного реже встречается среди населения Могилевской и Брестской областей граждан, чем среди жителей остальных регионов республики. Так, среди жителей названных регионов такой опыт имеет менее 10% опрошенных, в то время как в других областях и г. Минске процент опрошенных, столкнувшихся с негативным опытом получения финансовых услуг, варьируется от 14% до 20%;

- анализ ситуации в региональном разрезе показал, что негативный опыт большинства жителей Гродненской области и половины жителей Витебской области связан с использованием банковского вклада, депозита. Жители Минской, Гомельской областей и г. Минска чаще приобретали негативный опыт при пользовании потребительским кредитом, а жители Брестской – при использовании кредита на строительство, покупку жилья. Опрошенные жители Могилевской области одинаково часто сталкивались с проблемами при пользовании кредитами и депозитами;

- жители Витебской, Минской, Гродненской и Брестской областей в ситуации обнаружения проблемы чаще предпочитали бездействовать, а жители Могилевской области и г. Минска в большинстве случаев прекращали пользоваться услугой. Жители Гомельской области чаще всего выбрали тактику бездействия либо реагировали на проблему, прекращая пользоваться услугой;

- по результатам исследования также выявлены заметные различия в

ожиданиях населения разных регионов Беларуси относительно разрешения возможного конфликта с финансовой организацией. Наименее оптимистично оценивают перспективы разрешения конфликта жители Гродненской области: половина из них полагает, что конфликт будет разрешен в пользу финансовой организации. Мнение о том, что при разрешении конфликта будут учтены интересы обеих сторон, чаще всего преобладает среди жителей Минской и Могилевской областей. Разрешение ситуации в свою пользу, как наиболее вероятный способ завершения конфликта, чаще рассматривают жители Брестской и Гомельской областей;

- анализ результатов теста по финансовой математике в региональном разрезе показал, что наиболее осведомленными в области финансовой математики являются жители Витебской, Минской, Брестской, Гомельской областей и г. Минска: большинство опрошенных в каждом из названных регионов имеет удовлетворительный, хороший и отличный уровень знаний и умений в области финансов. Хуже всего с тестом справились жители Гродненской и Могилевской областей, около 60 % опрошенных в каждой из них имеют низкий уровень знаний и умений либо совсем не осведомлены в вопросах финансовой математики;

- при оценке уровня финансовой осведомленности лидирующую позицию по числу респондентов, демонстрирующих отсутствие каких-либо знаний и навыков, занимает Гродненская область: около 40 % жителей данной области дали 3 и менее правильных ответов на вопросы теста. Неудовлетворительный уровень знаний и умений по результатам теста чаще всего демонстрировали жители Гродненской (53,5 %) и Гомельской областей (50,9 %). Удовлетворительный уровень знаний наиболее распространен среди жителей Брестской (29,1 %) и Минской областей (32,9 %). Число респондентов, уровень знаний которых является хорошим и отличным, выше среди жителей столицы (24,8 % и 4,6 %).

Региональные особенности финансовой грамотности населения и его финансовой грамотности выявлялись и российскими учеными [6; 7], что вполне объяснимо размерами РФ и значительной дифференциацией ее регионов по многим факторам (например, экономико-географическим условиям, многонациональностью, распределением промышленности и др.). Республика Беларусь в этом смысле сильно отличается от России и выявленные отличия финансовой грамотности населения областей требуют осмысления. В качестве рабочей гипотезы нами выдвигается предположение, что уровень финансовой грамотности как элемента финансовой культуры населения региона зависит от социально-экономической ситуации в нем, уровня эффективности экономики региона. Для проверки выдвинутой гипотезы нами был проанализирован ряд показателей социально-экономической статистики в разрезе регионов. Выбранные показатели размещены в

свободном доступе на сайте Национального статистического комитета (<http://www.belstat.gov.by/>).

На рисунке 2 представлена динамика валового регионального продукта по областям Республики Беларусь и г. Минску (в текущих ценах; миллионы рублей).

Наибольшая величина валового регионального продукта отмечается по г. Минску и Минской области, население данных территорий демонстрирует высокую самооценку финансовой грамотности. Регион, где население демонстрирует самый низкий уровень самооценки, по уровню ВРП находится на предпоследней позиции – это Гродненская область. Из «середины» выделяется Гомельская область: низкий уровень самооценки финансовой грамотности населения и третья позиция по величине ВРП.

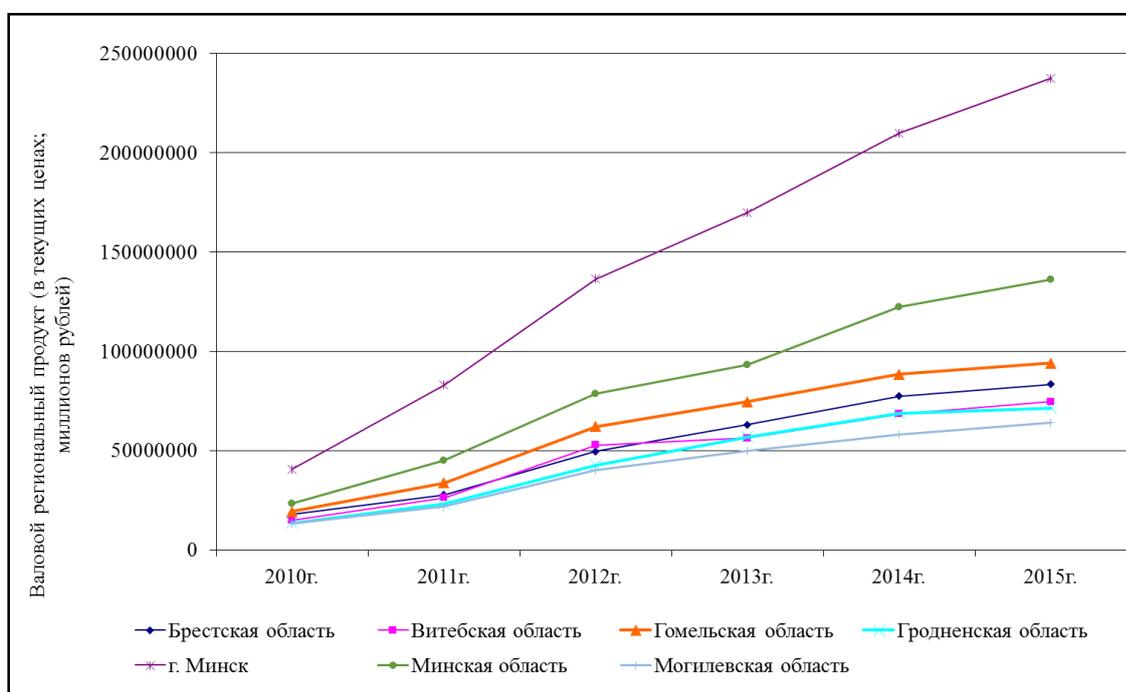

Рисунок 2 – Динамика валового регионального продукта по областям Республики Беларусь и г. Минску

В таблице 1 представлена динамика номинальной начисленной среднемесячной заработной платы, среднедушевых денежных доходов населения по областям и г. Минску.

Важно отметить, что по уровню номинальной начисленной среднемесячной заработной платы и среднедушевым доходам населения регионы Республики Беларусь дифференцированы не сильно. Самые высокие доходы наблюдаются по г. Минску и Минской области, жители этих территорий демонстрируют высокую самооценку финансовой грамотности. По остальным территориям исследования колебания доходов небольшие: снова выделяется Гомельская область – низкая самооценка и заработная плата выше среднего.

Таблица 1. – Динамика показателей доходов населения по сравниваемым регионам Республики Беларусь

Регионы	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата по областям и г. Минску, тыс.руб.						
Брестская область	1088,1	1646,8	3185,3	4431,0	5294,1	5757,0
Витебская область	1090,0	1709,1	3313,4	4507,3	5337,7	5805,3
Гомельская область	1152,3	1790,0	3516,8	4816,3	5641,9	6095,9
Гродненская область	1105,2	1714,8	3296,8	4578,8	5426,8	5920,4
г. Минск	1537,2	2404,4	4575,0	6367,5	7731,0	8872,5
Минская область	1182,1	1878,3	3660,0	4961,5	5987,2	6667,9
Могилевская область	1090,0	1712,8	3356,4	4535,6	5310,7	5790,9
Среднедушевые денежные доходы населения, тыс.руб. в месяц						
Брестская область	801,7	1213,4	2363,1	3264,2	3893,1	4090,6
Витебская область	839,8	1299,6	2527,2	3427,6	4070,2	4294,9
Гомельская область	784,8	1212,5	2382,6	3289,2	3898,9	4105,2
Гродненская область	901,9	1372	2661,9	3678,2	4383,5	4634,9
г. Минск	1431,6	2144,9	4090,0	5652,6	6719,1	7269,2
Минская область	879,0	1369,5	2685,4	3675,1	4397,4	4770,7
Могилевская область	823,3	1283,7	2518,4	3400,6	3959,2	4180,5

Следующим показателем, который был подвергнут анализу, стал уровень малообеспеченности домашних хозяйств (рисунок 3).

Наиболее благополучными с точки зрения уровня малообеспеченности домашних хозяйств является г. Минск и Гродненская область – два полюса по самооценки финансовой грамотности населения. Наиболее высокий уровень малообеспеченности наблюдается по Гомельской области, где уровень самооценки не высок.

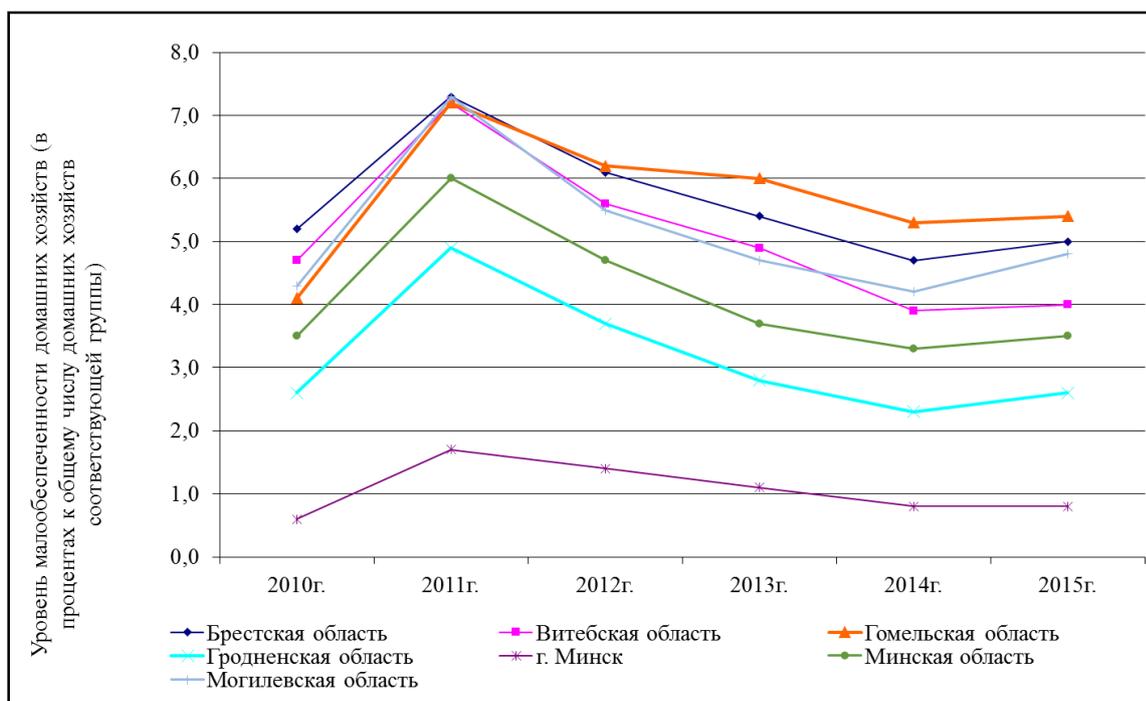

Рисунок 3 – Динамика уровня малообеспеченности домашних хозяйств по регионам Республики Беларусь за 2010-2015 гг.

Таким образом, опираясь на анализ данных социально-экономической статистики и социологических исследований, реализованных на территории Республики Беларусь, можно дать положительную оценку выдвинутой рабочей гипотезе: в регионах, где наблюдается благоприятная социально-экономическая ситуация, самооценка финансовой грамотности населения и эффективность финансовых решений, а, следовательно, и уровень финансовой культуры выше. При разработке и реализации мероприятий, направленных на повышение финансовой грамотности населения, важно учитывать региональную специфику.

Обращение к опыту исследований финансовой культуры, реализованных разных странах, дополнение его социально-экономическим анализом, позволяет лучше понять специфику процессов формирования финансовой грамотности населения отдельных регионов и выявлять возможности для ее повышения при реализации региональных программ.

Библиографический список

1. Постановление Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 17 января 2013 г. № 31/1 «О плане совместных действий государственных органов и участников финансового рынка по повышению финансовой грамотности населения Республики Беларусь на 2013–2018 годы» [Электронный ресурс]: Национальный банк Республики Беларусь.— Режим до-

ступа:http://www.nbrb.by/today/FinLiteracy/Docs/pdf/P31_1.pdf. – Дата доступа: 21.08.2016.

2. Фатихов, А.И. Проблемы формирования финансовой культуры населения России сквозь призму социологических исследований/ А. И. Фатихов, Р.Т.Насибуллин // Вестник ТОГУ. – 2010. – №2 (7). – С. 235–244.

3. Доктор социологии рассказал о взаимосвязи характера и уровня жизни белорусов [Электронный ресурс] : Ин-т социологии НАН РБ. – Режим доступа:<http://socio.bas-net.by/doktor-sotsiologii-rasskazal-o-vzaimosvyazi-haraktera-i-urovnya-zhizni-belorusov/>. – Дата доступа: 15.08.2016.

4. Кройтор С. Н. Финансовая грамотность населения Республики Беларусь: факты и выводы 2013[Электронный ресурс]/ С. Н. Кройтор, О. Н. Ображей, В. С. Подвальская // Единый Интернет-портал финансовой грамотности населения. – Режим доступа: <http://fingramota.by/files/2014/8/28/635448383600894256.pdf>. – Дата доступа: 19.08.2016.

5. Кройтор С. Н. Финансовая грамотность населения Республики Беларусь: факты и выводы 2016[Электронный ресурс]С. Н. Кройтор, О. Н. Ображей, В. С. Подвальская // Единый Интернет-портал финансовой грамотности населения. – Режим доступа: <http://fingramota.by/files/2016/5/17/635991043252830344.pdf>. – Дата доступа: 19.08.2016.

6. Результаты базового исследования уровня финансовой грамотности россиян: исследование, выполненное Консорциумом компаний ЗАО «Демоскоп» и ЗАО «Прогностические решения» [Электронный ресурс]: Официальный сайт оpec.ru. – Режим доступа: http://www.opec.ru/data/2014/10/28/1233966216/ВГ-ОК-%2023_10_2014. – Дата доступа: 23.08.2016.

7. Моисеева, Д.В. Финансовая грамотность населения российского региона: экономико-социологический анализ [Электронный ресурс] / Д.В. Моисеева: дис. ... канд.соц.наук : 22.00.03 / Д. В. Моисеева; Волгогр.гос.техн. ун-т. – Волгоград, 2017. – 203с. – Режим доступа: http://www.volsu.ru/Aspirant/dissovet/calendar.php?ELEMENT_ID=18534. – Дата доступа: 27.08.2016.

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОГРАНИЧНЫХ С УКРАИНОЙ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Ю.М. Пасовец,

доцент

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,

кандидат социологических наук, доцент.

Для современного российского общества миграция является ключевым демографическим процессом, сохраняющим свою значимость и актуальность на протяжении последних десятилетий. Для России в целом характерно положительное миграционное сальдо, которое несколько компенсирует естественную убыль населения и имеет стратегическое значение для сохранения численности населения страны [8, с. 57, 65, 80]. При этом, миграция оказывает существенное влияние как на демографическую ситуацию, так и на социально-экономическое и социокультурное развитие страны в целом и отдельных российских регионов. Межрегиональная и международная миграция выступают значимыми факторами внутренней дифференциации российских регионов [4], поскольку одни регионы оказываются более привлекательными для мигрантов и иммигрантов, другие – менее.

Следует отметить, что в настоящее время для российского общества миграция, и прежде всего иммиграция, становится своеобразным социальным вызовом современности, ответ на который связан с развитием экономики и социальной сферы, укреплением национальной безопасности, сохранением культурного наследия, расширением и обогащением межкультурных контактов и т.д. Во многом достижение этих целей обусловливается, с одной стороны, толерантным отношением местного населения к приезжим, пониманием той миссии, которая предназначена мигрантам, с другой – знакомством и соблюдением мигрантами законов и социальных норм, действующих в правовом и социокультурном пространстве российских регионов, их адаптивностью. В связи с этим особое значение миграция имеет для социально-экономического и социокультурного развития приграничных российских регионов.

Приграничные регионы имеют стратегическое значение для современного российского общества и государства, поскольку они определяют государственную безопасность и являются проводниками социально-экономического и социокультурного сотрудничества России с сопредельными государствами. В современной России по критерию расположения на государственной границе к приграничным регионам относится 51 субъект фе-

дерации. При этом, как отмечает ряд исследователей, более 70% приграничных российских регионов отличаются невысоким уровнем социально-экономического развития, относятся к депрессивным или экономически недостаточно освоенным [2].

При этом нужно учитывать, что с одной стороны, регионы, имеющие приграничный статус, существенно отличаются друг от друга вследствие сохраняющейся социально-экономической и социокультурной дифференциации между регионами внутри России (внутренняя дифференциация), с другой – приграничные российские регионы соседствуют с различающимися по социально-экономическому уровню государствами, население которых имеет свои социокультурные особенности (внешняя дифференциация).

В плане внутренней дифференциации регионов российского приграничья нужно отметить их неоднородность по уровню первичной и вторичной модернизации, по уровню социально-экономического развития и социокультурной специфике [1; 5]. Так, по уровню первичной модернизации Тюменская, Омская, Новосибирская области, граничащие с Казахстаном, относятся к регионам с высоким уровнем первичной модернизации; Курская область, находящаяся на границе с Украиной, и Смоленская область, соседствующая с Беларусью, находятся на среднем уровне первичной модернизации; Алтайский край, граничащий с Казахстаном, – на низком ее уровне [4, с. 10].

С позиции внешней дифференциации приграничных регионов России имеет значение уровень социально-экономического развития соседствующих с Россией стран, их социокультурная специфика, что определяет степень привлекательности российских регионов как потенциального направления для миграции из этих стран. Миграция в Россию из соседних стран приводит к значимым социокультурным изменениям, связанным с трансформацией национального и религиозного состава населения приграничных регионов, изменением отношения коренного населения к мигрантам и др.

Среди регионов Центрального Черноземья – одного из российских макрорегионов - Белгородская, Воронежская и Курская области граничат с Украиной, что объясняет значительную долю украинцев, прибывающих в эти регионы на протяжении постсоветского времени, и значимую долю лиц украинской национальности в составе этих областей. Так, Украина выступает основным «донором» международной миграции в этих регионах. При этом в связи с обострением социально-политической ситуации на Украине с начала 2014 г. фиксируется увеличение числа прибывающих мигрантов из этой страны, в том числе получивших статус беженцев [6].

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., по сравнению с другими этносами (кроме русских) доля украинцев в этническом составе регионов Центрального Черноземья является более многочисленной. Например, в Белгородской области она достигает 2,8% от общей численности населения региона, в Курской области – 1,3%. При этом доля жителей, которые относят себя к русским, по разным регионам Центрального Черноземья варьирует от 94,4 до 97,0%. Данный факт позволяет говорить о моноэтничности этого макрорайона, хотя в регионах ЦЧ проживают представители более 100 национальностей, среди которых по численности относительно выделяются украинцы (до 2,8% – в Белгородской области), армяне (0,4-0,6%), цыгане (до 0,4 %), азербайджанцы (до 0,3%) [7, с. 19, 40, 68, 75, 89, 110].

Как показывают результаты регионального социологического мониторинга по Курской области, проводимого нами по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» в 2007 г. (N=1128 человек), в 2009 г. (N=1000 человек), 2012 г. (N=1000 человек) и 2016 г. (N=500 человек), большинство респондентов, подавляющая часть из которых относятся к местному населению, считают, что мигранты устанавливают с коренными жителями более или менее благоприятные отношения, в той или иной степени успешно адаптируются к взаимодействиям с региональным сообществом (таблица 1).

Таблица 1. – Оценка населением взаимоотношений между местным населением и мигрантами в регионе(в процентах от числа опрошенных)

Варианты ответов	Курская область			
	2007	2009	2012	2016
У приезжих (переселенцев, беженцев и др.) сложились устойчивые хорошие отношения с коренным населением	30,4	21,9	24,4	22,4
В целом отношения нормальные, но случаются недоразумения	34,8	43,0	42,8	38,8
Отношения неровные, нередко возникают напряжения	9,3	8,2	11,2	8,8
Напряженные отношения, нередко происходят драки, вызывают милицию	1,9	2,5	3,7	1,2
Местные и приезжие почти не общаются друг с другом	3,8	3,2	4,6	5,0
Затрудняюсь ответить	18,6	19,9	12,1	22,6
Отказ от ответа	1,2	1,3	1,2	1,2

Так, на сегодняшний день практически каждый пятый респондент в Курской области отмечает, что приезжие устанавливают хорошие отноше-

ния с местным населением. Однако 40 % респондентов и в масштабах данного региона указали, что на фоне в общем нормальных отношений между приезжими и коренными жителями случаются недоразумения. Примерно десятая часть опрошенных курян утверждают, что мигранты находятся в напряженных отношениях с местным населением. Также некоторые отмечают, что во взаимоотношениях приезжих и местных жителей нередко такая напряженность перерастает в драки, урегулировать которые приходится с помощью органов полиции.

Незначительная часть участников региональных опросов говорят об отсутствии взаимодействий между мигрантами и местным населением. По их мнению, местные и приезжие практически не общаются друг с другом.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие из опрошенных курян либо затруднились, отказались дать оценку характеру взаимоотношений между мигрантами и местными жителями, либо ничего не знают о них. Это объясняется отсутствием у многих респондентов реального опыта взаимодействия с приезжими.

Говоря о динамике изменений в картине взаимоотношений между мигрантами и местным населением в российских регионах за годы опросов, можно отметить, что за последние годы в Курском регионе снизилась доля тех, кто наблюдает только благоприятные отношения между мигрантами и местными жителями. Полагаем, что изменение картины взаимоотношений курян с мигрантами во многом связано с увеличением миграционного потока в Курскую область, который несколько изменился в последние годы. С 2007 г. в Курской области отмечается положительное сальдо миграции, связанное с притоком в регион переселенцев из стран СНГ. В последние годы основные миграционные потоки наблюдаются из Украины, Армении, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркмении. Основной миграционный приток в Курскую область идет из Украины [6].

Также в региональном масштабе увеличивается численность тех респондентов, которые сталкиваются с напряженностью, недоразумениями во взаимоотношениях между мигрантами и коренным населением. Как показывают результаты опроса молодежи региона, проведенного нами в 2013 г. среди жителей Курской области в возрасте 14-35 лет (N=380 человек), у молодых курян преобладает толерантное (23,7 %) или индифферентное (10,5 %) отношение к представителям других наций и национальностей. Однако ключевыми причинами возможных недоразумений выступают пренебрежение лицами других национальностей обычаев и норм поведения, принятых в российском обществе (43,2 %), их некорректные манера поведения, черты характера (28,2 %), отсутствие элементарной культуры и неумение вести себя в обществе (22,1 %). По своему содержанию эти причины связаны

только с необходимостью соблюдения принятых в российском обществе социальных и юридических норм, уважения к сложившейся веками культуре, что делает актуальным вопрос о социокультурной адаптации мигрантов к условиям проживания в российских регионах и взаимодействию с местным населением.

Преодоление трудностей взаимодействия между мигрантами и местными жителями возможно на основе формирования у населения понимания значения миграции, а также регулирования вопросов с включением мигрантов из других стран в социокультурную среду России и конкретных ее регионов.

Работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00506а.

Библиографический список

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. – 360 с.
2. Лапин, Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 4–24.
3. Давидов, Д.М. Приграничные регионы и трансграничная регионализация / Д. М. Давидов // Регион сотрудничества. – 2009. – № 2. – С. 6–11.
4. Пасовец, Ю.М. Пространственная асимметрия российского общества: социально-экономическое неравенство и социокультурная дифференциация регионов / Ю. М. Пасовец // Философские науки. – 2016. – № 4. – С. 58–69.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2013. – 416 с.
6. Демографический ежегодник России. 2015 [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm. – Дата доступа: 25.02.2016).
7. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 672 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

ФИЛОСОФЫ ЛОССКИЕ: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ И ТУРИЗМА НА «ПОГРАНИЧНЫХ» ТЕРРИТОРИЯХ

Г. Ч. Лянькевич,

*Белорусский государственный университет,
кандидат философских наук, доцент.*

В 2017 г. исполняется столетие Октябрьской революции, которая, наряду с Первой мировой и Гражданской войнами, вызвала огромные жертвы среди народов России и Беларуси, а также многомиллионную эмиграцию наиболее образованных и привилегированных слоев населения. Одним из следствий этих процессов стали знаменитые «философские» пароходы, на которых родину покидали и наши земляки-белорусы. Среди них – знаменитый философ Н.О. Лосский и члены его семьи [1, с. 178].

Философы Лосские являются выдающимися представителями культурной элиты России, Беларуси и всей Европы, а также США. В начале 90-х годов прошлого века, один из самых известных представителей этой философской династии, французский искусствовед и историк архитектуры Б.Н. Лосский (1905-2001), посетил Республику Беларусь и, в частности, родину своего отца Н.О. Лосского (1870-1965) – город Витебск и его окрестности. Можно с уверенностью утверждать, что Борис Николаевич, достигший к тому времени весьма почтенного возраста, совершил столь далекую поездку из Парижа в Витебск не только для того чтобы подарить Витебскому областному краеведческому музею книгу своих мемуаров. Реализация представившейся возможности увидеть историческую родину отца, через многие десятилетия после вынужденной эмиграции семьи Лосских из России, - была, безусловно, главной целью этого визита [2, с. 7].

Николай Лосский, как известно, родился в местечке Креславка Двинского (Динабургского) уезда Витебской губернии. Здесь, на живописных берегах Западной Двины, а также рядом с многочисленными озерами края прошли годы его детства и юности [1, с. 15].

По мнению С. Сахарова, латвийского исследователя истории Краславы (с 1923 г. имеет статус города), «название Краслава (Краслаўка, Краслау, Креславка, Креславль, Креслау) имеет несколько объяснений. Одни производят его от латгальского слова «Krāslls» – стул, основываясь на том, что рельеф изгиба Даугавы около Краславы напоминает собою стул и что здесь «садились» много плотов на мели или как их на местном языке называют «быстряки». Некоторые из латышей объясняют смысл слова «Краслава» от «Krēsla» – сумерки. В том смысле, что в прежнее время около Краславы было много лесов, особенно у живописных берегов Даугавы, и от этого прибрежные местности были всегда погружены в сумерки» [3, с. 100], [4, с. 83-87].

Латвийский исследователь также полагал, что название Краслава (в различных его вариациях) может происходить и от старо-славянского языка полоцких кривичей, которым хорошо был известен этот район еще в IX - X вв., а может быть и раньше. Поэтому название Краслава он связывал с двумя словами древнего языка кривичей: «красный» – красивый и «лава» – скамья, то есть красивое место [3, с. 100].

По сохранившимся легендарным известиям и рассказам, Краславкою владела и здесь жила (X в.) полоцкая княжна Рогнеда-Горислава (от имени Горислава тоже производят название Краславы), в последствии из Полоцка «вышедшая» замуж за новгород-киевского князя Владимира. Замок, в котором жила Рогнеда, по местным преданиям находился на театральной горке, где сохранились еще руины стен [3, с. 100].

Именно в этом крае прошли первые года жизни Николая Лосского. Вспоминая время, проведенное в Придвиньи, Н.О. Лосский писал: «как прекрасна и сочна была глубинно-изумрудная зелень листвы, краски всех предметов были не на поверхности их, а шли из глубины, просвечивая друг сквозь друга, как в морской волне» [1, с. 14]. Приведем еще одно авторитетное суждение о природе Витебщины, которое принадлежит художнику И.Е. Репину: «Здесь красиво, край симпатичный, теплый: погода всё чудесная стояла... А какие здесь луга, какая трава, какие цветы, и сколько земляники. Такой крупной и сладкой, в диком состоянии, в лесу я никогда не видел». Поэтому вполне естественным представляется решение художника начать «писать восход солнца над Двиной (я каждое утро, как пифагореец, готов ему петь гимны – как это величественно...)» [5, с. 181].

Для более объективной характеристики природы Придвинья, наряду с этими восторженными суждениями, приведем мнение еще одного современника Лосского: «темные полосы леса... прячут в своей густой зелени бедность здешней природы» и сам город Витебск, картинно раскинувшийся на высотах реки». И далее: «Резкий ветер гнет тонкие деревья городского бульвара» [6, с. 10]. Как видим, впечатления от природы Придвинья и Поозерья (с учётом поры года) значительно отличаются.

Первое восторженное мнение принадлежит философу Лосскому, для которого «художественное видение природы в блистательном великолепии ее жизни..., стремление к глубокому интимному общению с природой и миром, без которого невозможно духовное творчество» [1, с. 14], осталось подсознательным мотивом всей его жизни, повлиявшим на развитие его философских, в том числе экологических взглядов. Второе похожее суждение принадлежит выдающемуся художнику. Третье мнение, менее восторженное, изложил в своих воспоминаниях чиновник, секретарь статистического губернского комитета А. Сементовский [6, с. 10].

Что же представлял собой в действительности этот пограничный

край, где в конце XIX в. проходили этнические и административные границы регионов Российской империи. О Белорусском Поозерье и Придвинье, их природе, вызывавшей столь противоречивые суждения, сегодня мы можем судить не только по воспоминаниям современников Н.О. Лосского и мемуарам философа, но и по суждениям учёных, впечатлениям туристов, для которых столь привлекательным стал этот пограничный край [4]. Отметим, что Поозерье и т. н. Белорусская Града составляют основную часть Белорусско-Валдайской физико-географической провинции. В свою очередь Белорусское Поозерье включает в себя не только территорию Национального парка «Браславские озёра», Освейский ландшафтный заказник, Ландшафтный заказник Красный Бор и другие живописные места современной Витебской области, но и часть приграничной провинции Восточная Прибалтика, в состав которой, в частности, входит историческая область Латгалия (Даугавпилс, Краслава, Дагда – города, в которых проживало и проживает в наши дни значительное число этнических белорусов). Округ Белорусское Поозерье (в Европейском Союзе этот Округ все чаще называется, в том числе в официальных документах, Балтийский Озерный край и Белла Двина, включающий прилегающие районы Витебщины) имеет довольно внушительные размеры. Его протяженность с севера на юг составляет до 150–200 км, а с запада на восток – до 300 км. На территории Округа более двух тысяч озёр. Климат здесь умеренно континентальный, средние температуры января достигают – 8,2 °С, а июля + 18 °С; количество осадков в среднем достигает 560–650 мм за год [4, с. 1, 74–87],[7, с. 392, 397, 398].

Все это, что окружало Николая Лосского и его друзей, коллег в детстве и юности, в философии принято называть первой природой. Она оказывала большое, а часто и определяющее влияние на творчество многих духовно одаренных лиц, живших на территории белорусского Придвинья, в том числе родственников будущего философа. Например, картины И. Е. Репина, о которых уже упоминалось выше, были наполнены «...красотой белорусской природы, своеобразным лиризмом и романтической приподнятостью». Не случайно его картина «Осенний букет», написанная в живописных пригородах Витебска, является одной из лучших в творчестве художника [5, с. 182].

Вероятно, подобным было воздействие райских пейзажей Белорусского Поозерья и на всю семью О. И. Лосского (отца философа), многие члены которой отличались большой впечатлительностью и художественными талантами. В частности, именно здесь, на Витебщине, Николай Лосский начал писать свои первые поэтические произведения, а затем рассказы и романы [1, с. 34].

Позднее философ вспоминал, что величайшим удовольствием для него в детстве были прогулки с матерью, а позже и самостоятельно, по красивым местам в окрестностях Дагды. Например, – по дороге в местечко

Осунь (в н.в. населенный пункт Асуне, расположенный в 8-10 км от белорусско-латвийской границы), где Николай вместе с Аделаидой Антоновной (мать философа; 1838–1925) подолгу сидели на горе над озером, овеянные ароматом чабреца и других трав, любуясь чудным пейзажем [1, с. 21]. Не менее впечатляющими для ребенка были семейные поездки в окрестные леса, на озера, в особенности для ночной ловли раков. А несколько позднее, – выезды вместе с отцом на охоту (на тетеревов, куропаток и др. лесных птиц). Блуждание по лугам, зарослям кустарников и лесам, вся обстановка охоты «чрезвычайно понравились» юному Николаю Лосскому.

Большой след в духовном развитии ребенка оставило и освоение «второй природы». Летом большую часть дня Николай проводил в саду и огороде. При этом любимым занятием его были «самодельные» опыты с растениями. Он устраивал на огороде грядки, на которые пересаживал различные травы, заботясь о том, чтобы они прижились. (Вероятно, этим увлекались и некоторые другие дети из семьи Лосских, связавшие свою жизнь с биологией, а также ветеринарией). При этом с растениями проводились различные опыты. К примеру, срезая верхушки какого-либо растения, в частности лебеды, юный Лосский пытался получить у него новые качества (лебеду стремился заставить ветвиться и т. п.) [1, с. 21]. В более поздние студенческие годы эти и подобные опыты с растениями были применены и при попытке создания, говоря современным языком, эффективно действующей агроусадьбы. На подобных усадьбах Лосский не только отдыхал, но и работал «всласть», в том числе над диссертациями и книгами. Наряду с поездками по Витебской и Псковской губерниям, в студенческие и последующие годы Николая привлекал город Мстиславль, расположенный в Могилёвской губернии.

Именно отсюда, из Могилёвской губернии, братья Лосские направлялись в самое увлекательное в их жизни путешествие на велосипедах по маршруту Славгород–Киев–Тернополь, конечной целью которого была Почаевская Лавра, расположенная на границе России и Австро-Венгрии [2, с. 169]. Страсть к посещению пограничных территорий останется у Н.О. Лосского на всю оставшуюся жизнь. В отличие от некоторых своих родственников, живших в Невельском уезде Витебской губернии (Николай вместе с матерью посещал их во время летних каникул), его любовь к природе и понимание ее красоты не были утилитарными. Это вызывало споры юноши с некоторыми из родственников, в частности с тетей Анетой, жившей в имении «Горы». Кстати, вероятно, именно в этой местности Лосский впервые по-настоящему задумался о своей этнической принадлежности, так как осознал, что т.н. «окрестьянившаяся польская шляхта... отличалась от белорусских крестьян только вероисповедованием» [1, с. 33].

Вспоминая это интересное время, философ писал: «Любовь моя к природе получила полное удовлетворение во время поездки в Горы».

Шоссе, по которому семья ехала из Витебска до Невеля, шло мимо живописных озер. Вёрстах в тридцати от Невеля оно на протяжении четверти версты представляет собой узкий перешеек между громадными озерами. В самой же усадьбе «Горы» с крыши дома открывался чудный вид на море лесов, а с другой его стороны можно было любоваться «обширным видом на луга, поля и леса с белою церковью, сверкающей на солнце верстах в тридцати на горизонте» [1, с. 31, 32]. (Озёра, вызывавшие восхищение юного Лосского, сохранились, но их экологическое состояние сегодня вызывает большую тревогу у специалистов и туристов, посещающих Невельский район Псковской области).

Невдалеке от имения «Горы», где жили дядя Николая Александр с упомянутой уже тетей Анетой, находилось не менее живописное место – имение Воробьево. Здесь будущего философа особенно привлекали «пустоши»: дубовые леса с далеко отстоящими друг от друга деревьями, между которыми расстился ковер чудных высоких трав. Это был «не то лес, не то луга». Ландшафт этого пограничного участка местности напоминал юному Лосскому «красивый естественный парк», с яркими чертами которого он часто встречался в Витебске и его окрестностях, а также в Дагде, Краславе и других местах, получивших позже общее название Белорусское Поозерье [4]. Не случайно же в этой живописной местности на границе Беларуси, России и Латвии и в наше время сохраняются и охраняются государством национальные парки (наиболее значительный из них – «Браславские озера»), ландшафтные заповедники и другие зоны, где сохранились участки т. н. первозданной «первой природы», не задействованной (или почти не задействованной) в хозяйственной деятельности человека.

Восхищение у многочисленных туристов этой пограничной территории вызывает не только Национальный парк Браславские озёра [9], но и прилегающие к нему территории Краславского, а также Дагдского края Латвии [4]. Эти интересные для туристов места позволяют в полной мере содержательно и полезно отдохнуть, насладиться величественной природой, постичь всю глубину культуры народов, многие века проживающих в этом регионе. Среди самых красивых мест края, столь восхищавших юного Николая Лосского и его многочисленных родственников (только детей в семье О.Н. Лосского, отца философа, было пятнадцать), обращает на себя внимание национальный парк Разна, со своими величественными лесами, часто непроходимыми болотами, спокойными, а иногда и очень таинственными, глубокими озёрами, песчаными пляжами, на которых отдыхают местные жители и гости этого сказочного края. В национальный парк Разна, например, входит озеро Ожезерс, имеющее три с половиной десятка островов (это самое богатое островами озеро в Латвии и всем прилегающем регионе Балтии). Подобных больших и живописных озер в Латгалии и Белорусском Поозерье многие десятки.

Впечатляет туристов и природный парк «Излучины Даугавы», который расположен в охраняемой ландшафтной зоне верховья Западной Двины (Даугавы). Площадь парка – 129,9 км². «Характерная природная особенность излучин Даугавы – 8 больших извилин. Длина каждой излучины достигает 4-6 км, а протяженность между ними всего лишь 2–3 км» [4, с. 76]. Не меньший интерес у специалистов и многочисленных туристов Краславского края вызывает озеро Дридсис, глубина которого достигает 65 м. (Это самое глубокое озеро Балтии). Озеро «виляет как река, образуя заливы, полуострова и острова». Длина озера достигает 11 км, а наибольшая ширина – 1 км [4, с. 84]. В Озерном крае, которому столь много поэтических слов посвятил Н.О. Лосский, сегодня широко развиты природный, водный, оздоровительный и приключенческий туризм, а также верховая езда (зимой – езда на санях в упряжке оленей, собак и др. животных) [1, с. 21, 22],[4, с. 83-87].

География туристических маршрутов Лосского и членов его семьи была весьма разнообразна и включала, в частности, наряду с регионами Беларуси, Латвии, Украину, Грузию, а также многие зарубежные страны [1, с. 35, 128, 137].

Особенно памятными для Н.О. Лосского были экскурсии на Кавказ (сегодня их называют экстремальным туризмом) – в 1911 г. по Военно-Сухумской дороге и в 1912 г. по Военно-Осетинской дороге. Несмотря на то, что в начале XX в. в Грузию и её столицу Тифлис (в н.в. Тбилиси) уже можно было попасть из Владикавказа по короткой и легко доступной дороге с ежедневным автомобильным сообщением, Лосский и его спутники избирали «наиболее живописные, но и наименее доступные» – пограничные дороги и тропы. В частности, тропа на Военно-Сухумской дороге была совсем узкая, с одной стороны которой – пропасть, а с другой подымалась отвесная скала. «Я, и моя жена, – вспоминал Н. Лосский, не могли бы идти по такой лестнице на стене небоскреба, но здесь обаяние суровой величественной природы было так велико, что мысли об опасности, о возможности головокружения и падения в пропасть и в голову не приходила. Но вскоре началась гроза и ливень. «Молнии сверкали на одном уровне с нами, так как мы находились в самом грозовом облаке; раскаты грома в горах были оглушительны»... «Мы не переживем этого дня, я сойду с ума», – шептала жена... Через несколько минут и я побледнел от ужаса». По склону горы покатались камни, куски льда, которые пронесли мимо укрытия, спасшего жизнь Н. Лосскому и его спутникам [1, с. 136-138].

После подобных испытаний, в которых закалялась воля и тело, обзаведясь большой семьёй (четверо детей), Лосские стали более благоразумны, но не утратили интереса к экскурсиям. В некоторых учебных заведениях, где работали Н.О. Лосский и его жена Людмила Владимировна, ученики и студенты совершали до восьми экскурсий в год. Кроме естественно-научных экскурсий, были экскурсии на заводы и фабрики, в музеи и картинные

галереи, экскурсии археологические и исторические, подобные тем, которые юный Лосский совершал по Витебской губернии и Витебску, а также его окрестностям. Все это, вместе с учебой и самостоятельным чтением книг определенной тематики, формировало не только любовь к России, гордость ею, веру в её великие достоинства, но и соответствующие навыки, основы экологического мышления [2, с. 72-80].

В условиях фактической экологической катастрофы, которую переживают сегодня некоторые пограничные районы Российской Федерации, особую актуальность приобретают мысли Н.О. Лосского о том, что школа и другие учреждения образования должна учить и воспитывать детей с целью экологического образования, содействовать раскрытию всех способностей человека. С приобретением теоретических знаний и упражнением мышления должно сочетаться физическое воспитание, развитие художественных способностей, считал философ. Многие упражнения должны приобретаться путем разнообразных природных экскурсий, активным сторонником которых всю свою жизнь был Н.О. Лосский.

Таким образом, на основе изучения жизненного и творческого пути Н. О. Лосского, а также его сыновей можно сделать, во-первых, вывод о том, что природа, являющаяся важнейшим понятием философии и естествознания (в последнем случае – как естественная среда обитания человека) служит не только субстанциональной основой жизни, но и важнейшим мотивом творческой деятельности особо одаренных людей. В этом смысле вся жизнь и философский путь Н.О. Лосского являются яркими примерами проявления этой общей закономерности. Для исследователей же одновременно все это является важным источником постижения истоков творчества философа. С другой стороны, как отмечают современные белорусские ученые, книги, подобные мемуарам Н.О. Лосского, могут служить «своего рода краеведческой экскурсией по пути и прекрасному» [8, с. 65] и потому должны активно использоваться в практической работе культурологов, а также экскурсоводов, краеведов и других специалистов. Во-вторых, можно утверждать, что Краслава, также как и соседний белорусский город Браслав (назван в честь внука Рогнеды князя Брачислава), возникла на границе взаимодействия двух древних культур – балтов (латгалы) и славян-кривичей, что предопределило многие знаковые исторические события, вызывающие повышенный интерес у туристов – наших современников. В-третьих, Краслава, Аглона, Дагда и примыкающие к ним районы Витебской области Беларуси стали сегодня важными центрами паломничества верующих, особенно католической конфессии (в Краславском крае 12 костелов Римско-католической церкви, некоторые из которых не только посещал юный Николай Лосский, но и оставил о них интересные воспоминания) [1, с. 20], [3, с. 74-87]. Многие из этих людей активно совмещают паломничество с природным туризмом.

И наконец, следует подчеркнуть, что заботами многих творческих людей, в т.ч. из династии философов Лосских, на Западе узнали о чудесном крае, который называется Белорусское Поозерье, одним из следствий чего стала разработка в Европейском Союзе нового проекта №ЦВ-1-098 «Усиление возможностей туристического развития в трансграничном регионе Латгале–Утена–Витебск» программы трансграничного сотрудничества Латвия–Литва–Беларусь [4, с. 274]. Одной из важнейших целей этой Программы является «гарантирование высокого уровня охраны окружающей среды, обеспечение экономического и социального благополучия, а также содействие межкультурному диалогу», культурному и экономическому разнообразию, к чему так активно призывал народы Европы философ Н.О. Лосский и его сыновья, другие наследники славной династии белорусско-русской творческой элиты [10].

Библиографический список

1. Лосский, Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Ин-т философии НАН Беларуси; предисл. Б. Н. Лосский; вступ. статья А. А. Лазаревич. – Минск: Право и экономика, 2012. – 278 с.
2. Философы и историки Лосские: диалог культур и цивилизаций / сост. Г.Ч. Лянькевич. – Минск: Право и экономика, 2017.
3. Николай Лосский: продолжение философского пути... Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2014.
4. Краславский край // Твои самые лучшие выходные в Латгалии, Аукштайтии и Витебской области. – Даугавпилс: ООО «Латгалес Друка», 2014. – 58с.
5. Русецкий, А.В. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Минск: БелЭн, 2001. – 288 с.
6. Падліпскі, А.М. Летапісец Віцебшчыны / А.М. Падліпскі. – Мінск: Палымя, 1993. – 92 с.
7. Якушка, В.П. Беларуска-Валдайскае Правінцыя; Беларускае Паазер’е / В.П. Якушка // Беларуская Энцыклапедыя: У 18 т. Т. 2. – Мінск: БелЭн, 1996. – 477с.
8. Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л.В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. / рэдкал. Г.У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск: «Медисонт», 2012. – 454 с.
9. Браслав // Лучшее в Беларуси. Туристический путеводитель / Спр. изд. 3-е доп. – Минск, 2016. – С. 77–81.
10. Лосский, Н.О. Мир как органическое целое / Н.О.Лосский // Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 338–484.

КОНТУРИРОВАНИЕ МАРКЕТИНГА ПО ВИДАМ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

*И.В. Перезозова,
заведующая кафедрой маркетинга и контроллинга
«Ивано-Франковского национального технического
университета нефти и газа»,
кандидат экономических наук, доцент.*

*Н.Ю. Гречаник,
доцент
ГВУЗ «Прикарпатский национальный университет
имени В. Стефаника»,
кандидат экономических наук, доцент.*

В условиях жесткой конкуренции среди регионов Украины за получение инвестиций (в первую очередь внешних), финансовых потоков на развитие (из государственного бюджета или ЕС), квалифицированной рабочей силы, экологически безопасного производства все более актуальной проблемой становится повышение имиджа и инвестиционной привлекательности региона как основного звена государственного строительства в условиях децентрализации. Принятые шаги в этом направлении носят несистемный характер и, как правило, комплексно не решают проблему. Прежде всего, это вызвано нехваткой теоретических наработок, на основании которых можно было бы разработать комплексную маркетинговую стратегию региона, а также удобного и надежного инструментария, который оказал бы поддержку при разработке и реализации такой стратегии по всем векторам.

Формирование потенциала региона через призму маркетингового подхода является ключевой задачей системы регионального управления, поскольку отражает стратегию государственной социально-экономической политики и является основой формирования механизма совершенствования местного самоуправления.

Регион - сложное, многоаспектное явление, при определении его сущности как четко-контурированного политического, социального, институционального пространства выявляется дуализм подходов:

- 1) как многомерной структуры, объединяющей неоднородные и разнокачественные подсистемы, основанные на динамическом взаимодействии природных, технологических и социальных процессов, с учетом действия внутренних и внешних факторов;
- 2) как особый тип экономической системы, сложившейся на основе взаимосвязанного развития производства и ресурсной сферы.

Считаем, что рассмотрение региона следует осуществлять с позиций системного подхода, то есть как единой, неделимой системы в контурах

системы более высокого порядка (рисунок 1), основанный на определенных принципах и взаимосвязях, технологиях управления и развития, а не как отдельного комплекса. Регион является одним из ключевых объектов организационно-экономических и политико-правовых отношений, направленных на организацию региональной экономики, формирования благоприятных условий жизни и удовлетворения потребностей населения с учетом специфики его развития.

Формирование авторского подхода к маркетингу региона базируется на реализации необходимости повышения его привлекательности, взаимосвязанной с процессами, происходящими на его территории, параллельно с региональным разделением труда, специализацией, кооперацией и, на их основе, интеграцией регионов. То есть маркетинг региона учитывает уникальные свойства региона, актуализирует ценность и полезность региона, обеспечивает социально-экономическое развитие региона в соответствии со стратегическими задачами. Во многом от правильного определения маркетинговой стратегии развития региона зависит и его конкурентоспособность, эффективность работы хозяйствующих субъектов различных форм собственности и, в конечном итоге, обеспечение высокого уровня жизни населения. Именно регион служит составным элементом экономической системы более высокого уровня - страны (рисунок 1) и в общем понимании авторами определяется как территориальная целостность (область, район, часть страны) с характерной совокупностью природных или исторически сложившихся, достаточно устойчивых особенностей, в составе которой представлены основные показатели социально-экономической структуры производства, для которой свойственно присутствие природных и ресурсных факторов, процессы управления которой реализуют региональные органы власти.

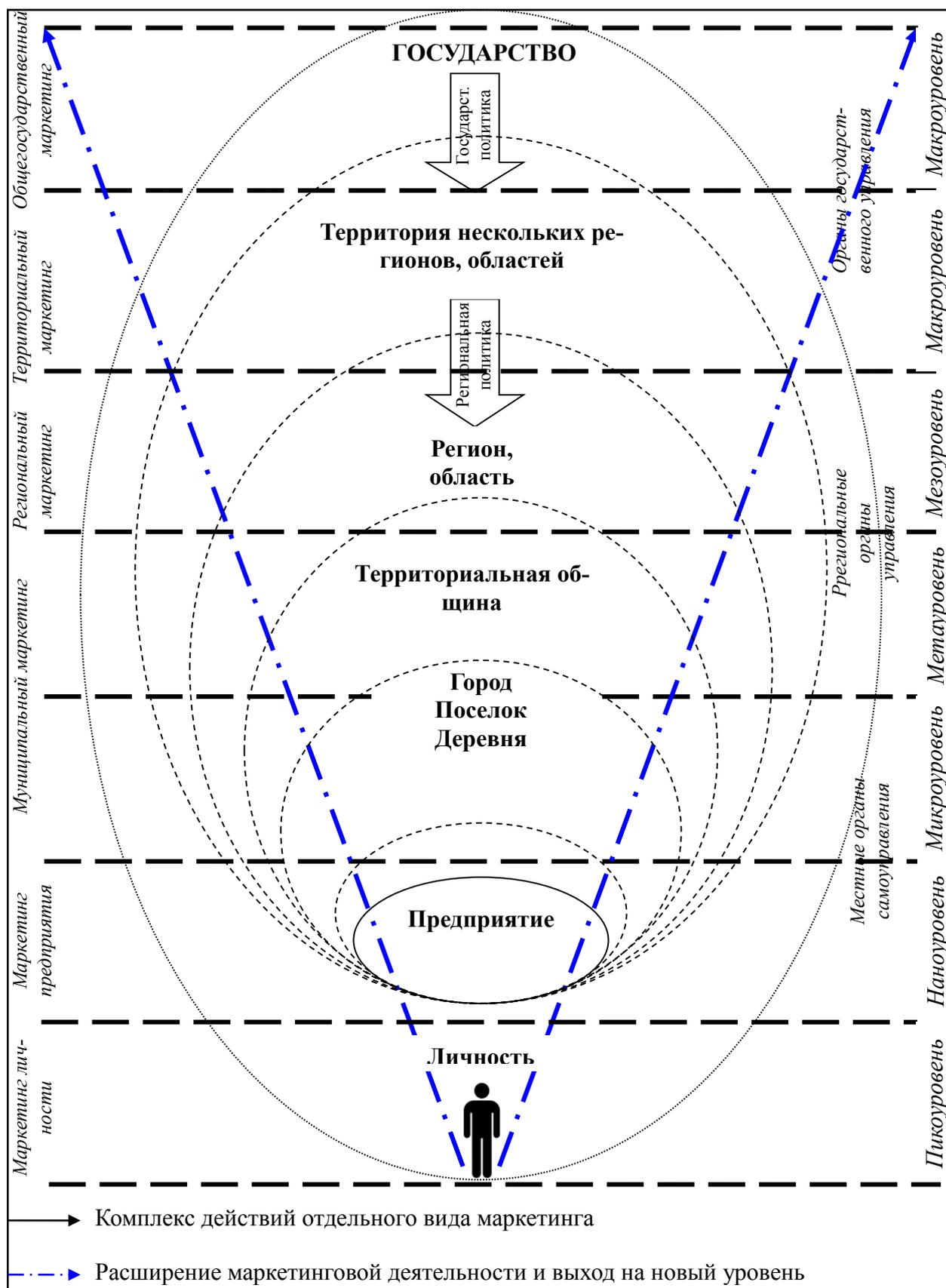

Рисунок 1 – Место маркетинга в экономической системе (разработка авторов)

Понятие «региональный маркетинг» часто употребляется как синоним территориального и муниципального без каких-либо оговорок. Однако, основное отличие реализации зависит от уровня, на котором

проводится маркетинговая деятельность. Регион не является только географической категорией, то есть не следует отождествлять понятия «регион» и «территория». Поэтому, понятие «региональный маркетинг» следует применять исключительно к деятельности региональных органов государственного управления, а понятие «муниципальный маркетинг» - о деятельности органов местного самоуправления. Региональный маркетинг является более широким понятием, тогда как муниципальный - его составной частью. Региональный маркетинг обеспечивает согласование локальных интересов отдельных лиц и предприятий с региональными и с целями общенационального характера. Региональный маркетинг не предполагает изучение рынка, спроса, цен на продукцию отдельного предприятия (наноуровень), а изучает рынки, спрос и реализацию всего потенциала региона с точки зрения внутренних и внешних потребностей. Кроме того, он создает условия для приспособления системы региональной политики к общественному спросу, формирует организационную инфраструктуру по изучению рынков для увеличения конкурентоспособности региона на отдельной территории. Комплекс маркетинговых действий будет аналогичен для региональных органов государственного управления и органов местного самоуправления, но уровень их функционирования будет разным: региональный будет реализовываться на мезоуровне, муниципальный - на метауровне и микроуровне, маркетинг предприятия - наноуровне, а территориальный маркетинг - на макроуровне.

На основе иерархического подхода авторами контурированы виды маркетинга на разных уровнях экономической системы (рисунок 1), что позволяет провести детализированную разработку маркетинговой стратегии на любом уровне системы, в том числе такой подход позволяет рассматривать маркетинг в системе региональной политики на разных уровнях. На уровне государства в целом - маркетинг на мегауровне (общегосударственный маркетинг); на уровне территорий нескольких регионов, областей государства - территориальный маркетинг; на уровне отдельных регионов, областей - региональный маркетинг; на уровне территориальных общин, городов, поселков, сел - муниципальный маркетинг; на уровне предприятий – маркетинг конкретного предприятия.

Важно отметить, что именно человек является ключевым звеном в маркетинговой деятельности (рисунок 1).Наивысшим приоритетом государства является качество жизни населения и устойчивое развитие его благосостояния.

ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖЕНЩИН-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

А.П. Соловей,

младший научный сотрудник

ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси».

Проблема социального самочувствия и основных факторов формирования социального самочувствия находится на стыке различных областей знания (экономических, психологических, социологических) и требует комплексного социологического изучения. Анализ социального самочувствия носит интегральный характер, который охватывает разные стороны человеческого бытия и обуславливает междисциплинарный подход в определении данного понятия. Одна из традиций анализа социального самочувствия рассматривает его как систему субъективных ощущений. Социальное самочувствие – интегральная характеристика эмоционально-психологического восприятия индивидом своего социального положения, реализации жизненной стратегии, осознания и переживания различных сторон жизни [1, с.34]. Отсутствие единых критериев выделения показателей социального самочувствия, многоаспектность операционализации данного понятия приводит к проблеме адаптивности «социального самочувствия» к анализу таких социально-профессиональных групп общества как женщины-ученые.

Актуальность изучения социального самочувствия женщины-исследователя обуславливается общей феминизацией науки, а также гендерной политикой государства. Вопрос о социальном самочувствии женщин-исследователей важен в силу влияния социального самочувствия на их профессиональную активность. В свою очередь, профессиональная активность может сказываться не только на эффективности научно-исследовательской деятельности женщины, но и на специфике самого социального самочувствия, которое влияет на самореализацию и творческий потенциал женщины. А самореализация ученого – это ресурс функционирования науки и индикатор состояния научного сообщества.

Социальное самочувствие женщины-исследователя следует интерпретировать и исследовать через различные проявления в отдельных аспектах жизнедеятельности и ее субъективного осмысления. Социальное самочувствие измеряется через объективные и субъективные условия для реализации собственных притязаний, а также через удовлетворенность/неудовлетворенность различными аспектами своей жизни.

При операционализации социального самочувствия, одними из основных показателей являются субъективная оценка удовлетворенности жизнью в целом, оценка уверенности в завтрашнем дне, а также оценка удовле-

творенности условиями жизнедеятельности (оценка материального положения, оценка удовлетворенности уровнем заработной платы и оценка перспектив ее повышения, оценка удовлетворенности своими жилищными условиями).

На основании социологического исследования социального положения и миграционных намерений работников НАН Беларуси, проведенного Институтом социологии в 2016 году, проанализируем данные показатели социального самочувствия женщин-исследователей. В ходе исследования было опрошено 532 респондента, из них 260 женщин, ошибка выборки не превысила 5%.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос «Принимая во внимание все стороны Вашей профессиональной и личной жизни, насколько Вы в настоящее время удовлетворены своей жизнью в целом?» (рисунок 1).

Рисунок 1 – Удовлетворенность жизнью женщин-исследователей НАН Беларуси (в %, в целом по выборке)

В той или иной степени, удовлетворены своей жизнью в целом 60,5% женщин (в том числе полностью удовлетворены – 8,2 % скорее удовлетворены, чем не удовлетворены – 52,3%). Не удовлетворены своей жизнью, в той или иной степени, 25,3% женщин (в том числе скорее не удовлетворены, чем удовлетворены – 18,5%, полностью не удовлетворены – 6,8%). При этом затруднились ответить на данный вопрос 13,1% женщин.

Следующим показателем социального самочувствия является уверенность в завтрашнем дне, которая может отражать готовность респондента к осуществлению тех или иных жизненных установок, а также субъективную оценку социально-экономического и политического состояния условий его жизнедеятельности (рисунок 2).

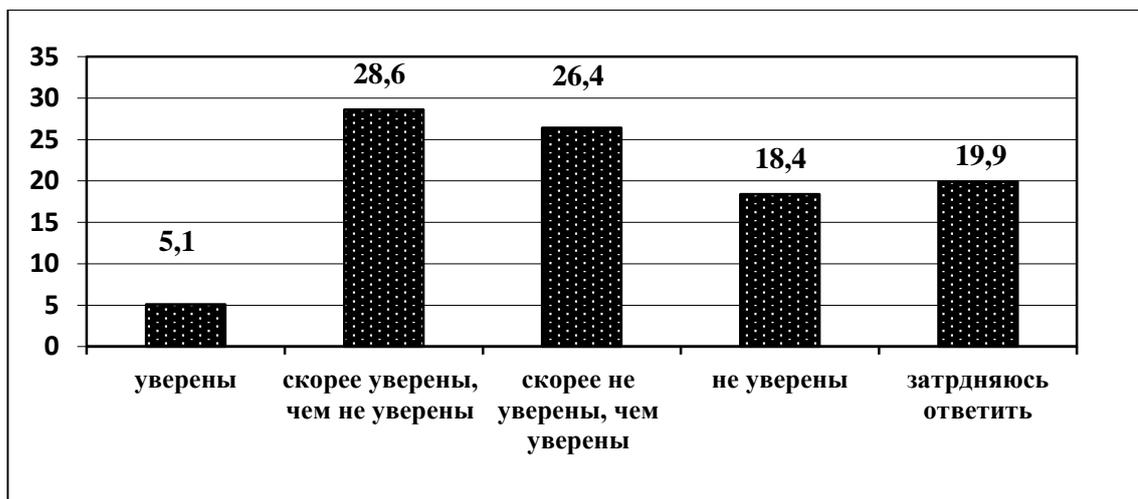

Рисунок 2 – Уверенность в завтрашнем дне женщин-исследователей НАН Беларуси (в %, в целом по выборке)

В той или иной степени, уверены в завтрашнем дне треть женщин (в том числе уверены – 5,1%, скорее уверены, чем не уверены – 28,6%). Не уверены в завтрашнем дне, в той или иной степени, 44,8% женщин (в том числе не уверены – 18,4%, скорее не уверены, чем уверены – 26,4%). Затруднились ответить на данный вопрос 19,9% женщин.

При оценке одного из важных и необходимых аспектов социального самочувствия – материального положения, ответы женщин распределились следующим образом. В той или иной степени, оценили материальное положение своей семьи как «хорошее» 11,2 % женщин (в том числе как хорошее – 4,3%, скорее хорошее – 6,9%). Как «плохое», в той или иной степени, оценили 29,1% женщин (в том числе как плохое – 9,2%, скорее плохое – 19,9%). При этом большинство женщин (53,7%) оценили его как среднее. Затруднились ответить на поставленный вопрос 4,6% женщин. При этом стоит отметить, что перспектива оценки своего материального положения в глазах женщин, очевидно, не является оптимистичной. По мнению 34,4% женщин материальное положение их семьи через год в той или иной степени ухудшится (в том числе немного ухудшится – 24,3%, существенно ухудшится – 10,1%). Для 22,5% женщин данное положение через год не изменится вовсе. Только по мнению 6% женщин в той или иной степени их материальное положение улучшится (в том числе существенно улучшится – 0,4%, немного улучшится – 5,6%). Затруднились ответить на данный вопрос 36,6 % женщин, что так же может подтверждать неуверенность изменения материального положения в лучшую сторону.

Одним из индикаторов удовлетворенности жизнью как показателя социального самочувствия является удовлетворенность заработной платой (рисунок 3).

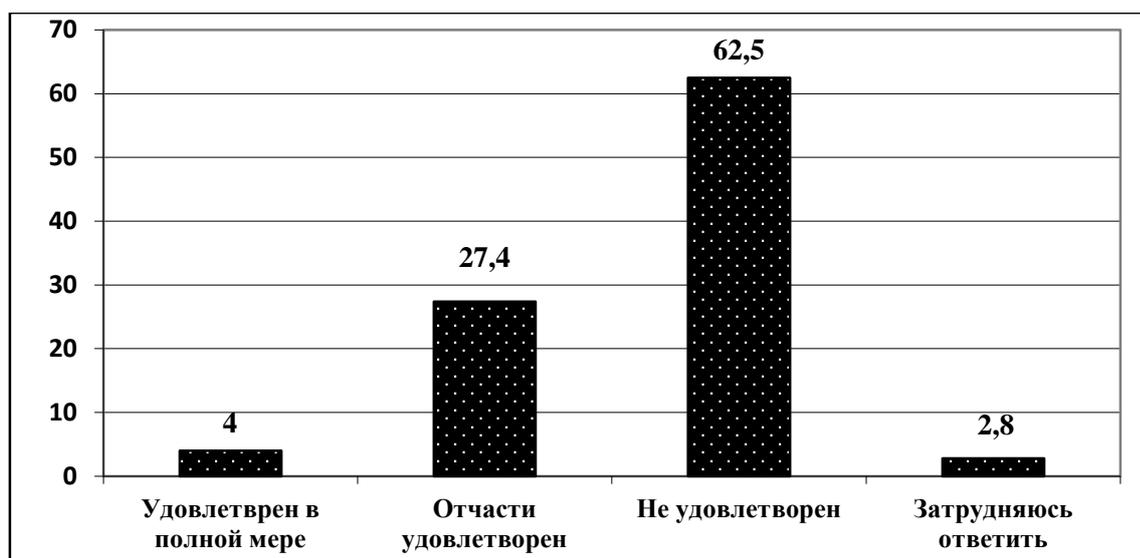

Рисунок 3 – Удовлетворенность женщин-исследователей заработной платой НАН Беларуси (в %, в целом по выборке)

Более половины женщин (62,5%) не удовлетворены своей заработной платой. В той или иной степени, удовлетворены заработной платой треть женщин 31,4% (в том числе в полной мере удовлетворены – 4,0 %, отчасти удовлетворены – 27,4%). Затруднились ответить на данный вопрос 2,8% женщин. При этом, стоит отметить, что повышение заработной платы в своем научном институте высоко оценивают лишь 5,7% женщин, в то время как 58,4 % женщин оценивают данную перспективу низко, и 31,2 % – средне.

В связи с тем, что большинство женщин не удовлетворены своей заработной платой и низко оценивают перспективу ее повышения, актуальным является дополнительный доход. Однако, 75% не имеют дополнительных источников дохода, имеют таковые 23,2% женщин. Для женщин, не имеющих дополнительных источников дохода, основными причинами являются: занятость по основной работе (45,7%), отсутствие свободного времени, связанное с загруженностью домашними делами, воспитанием детей, уходом за престарелыми родителями (22,3%), трудности с нахождением подходящей работы (11,7%). Для 7,9% женщин не позволяет здоровье и семейные обстоятельства, и 5,6% женщин не видят в этом необходимости. В ответе «другое», который выбрали 2,9% женщин, были отмечены следующие причины: «большой объем общественной работы», «зарабатывает муж», «есть возможность дополнительного дохода, но надо немного подождать».

Дополнительными источниками дохода для женщин являются: работа по хоздоговорной тематике (24,3%), работа по нескольким темам в институте, материальная поддержка родителей (20,4%), грант БРФФИ (16,5%), работа по совместительству в других организациях (14,6%), случайные

приработки (14,6%), преподавание в вузе по совместительству (10,7%), репетиторство (6,8%), участие в грантах зарубежных фондов (3,9%), работа по зарубежному контракту (2,9%). В варианте «другое», который выбрали 12,6 % женщин, были отмечены такие дополнительные источники как: «web-разработка», «материально поддерживает супруг», «пенсия» и «сдача квартиры».

Еще одним индикатором удовлетворенности жизнью как показателем социального самочувствия является удовлетворенность жилищными условиями и оценка перспектив в отношении улучшения жилищных условий. В той или иной степени, удовлетворены своими жилищными условиями 64,7% женщин (в том числе в полной мере – 19,3%, в общем да – 45,4%). Треть женщин (30,1%) не удовлетворена своими жилищными условиями. Что касается перспектив улучшения, то не надеются улучшить свои жилищные условия в ближайшие пять лет 45,4% женщин (в том числе скорее нет – 18,5%, нет – 26,9%). Надеются улучшить свои жилищные условия в той или иной степени 36,8% женщин (в том числе скорее да – 16,3%, да – 20,5%). Затруднились ответить на данный вопрос 14,4% женщин, что также может свидетельствовать о неуверенности в улучшении своих жилищных условий в ближайшие пять лет. Следует отметить, что жилищные условия как индикатор социального самочувствия могут отражать уровень экономических возможностей женщины (или ее семьи) а также ограничение ее бюджета. Уровень жилищных условий в тоже время является одним из факторов социально-экономического развития государства. Тем самым степень удовлетворенности своими жилищными условиями может отражать степень удовлетворенности определенными социально-экономическими аспектами государственной политики, и выступать индикатором социального самочувствия женщины.

Проанализировав основные индикаторы удовлетворенности жизнью как показатели социального самочувствия, следует сказать, что наиболее позитивными являются удовлетворенность своей жизнью в целом и удовлетворенность своими жилищными условиями. При этом, удовлетворенность уровнем заработной платы и оценка перспективы ее повышения для более, чем половины женщин не является таковыми. Таким образом, можно отметить, что материальное положение и уровень заработной платы не являются ключевыми индикаторами, влияющими на удовлетворенность жизнью в целом для женщин-исследователей.

Библиографический список

1. Соловей, А.П. Социальное самочувствие: теоретико-методологический аспект исследования / А.П. Соловей // Вес. акад. навук Беларусі. – Сер. гуманіт. навук. – 2016. – №4. – С.33–37.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*А.А. Узрюмова,
профессор
ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет»,
доктор экономических наук, профессор.*

В условиях усиления глобальной конкуренции в мире прослеживается регионализация международных отношений, которая особенно наглядно проявляется в процессе приграничного взаимодействия.

Понимание сущности межрегиональной конкуренции, ее механизма, а также методов повышения конкурентоспособности (КСП) регионов (городов, районов, областей и др. территорий) необходимо для повышения эффективности использования потенциала территории, формирования стратегии развития и способов корректировки территориальных диспропорций.

В отличие от стран – важнейшими направлениями КСП регионов являются:

- сохранение и привлечение трудоспособного и высококвалифицированного населения;
- размещение и сохранение предприятий, в том числе привлечение новых, способствующих формированию наукоемких кластеров с устойчивым сбытом продукции, и предприятий, не нарушающих экологический баланс региона;
- развитие и совершенствование инфраструктуры региона, связанное с улучшением транзитных функций территории, системы профессионального образования и здравоохранения, привлечением туристических потоков, размещением административных и общественных учреждений и др.

Таким образом, *под КСП приграничных агломераций* понимается способность территории создавать такую институциональную среду, которая обеспечивает устойчивый экономический рост региона, производство конкурентоспособных на мировом рынке товаров и услуг, повышение уровня и качества жизни населения региона. При этом усиление межрегиональной конкуренции происходит в том случае, когда количество «мест размещения» превышает число их региональных потребителей (грузов, туристов и др.).

Сегодня в РФ выделяются несколько уровней конкуренции регионов:

- в пределах федерального округа;
- в пределах экономического района (региона);
- в пределах всей РФ;

- в приграничных регионах (агломерациях), конкурирующих с ближайшими странами [3].

Межрегиональная конкуренция чаще всего подразделяется на два типа: с точки зрения способа ее ведения и с точки зрения уровня распространения.

С точки зрения способа ведения обычно различают ценовую и неценовую конкуренции.

Ценовая предполагает продажу товаров и услуг по ценам, которые ниже, чем у конкурента. Уменьшение цены возможно либо за счет снижения издержек, либо за счет минимизации прибыли, что могут позволить себе лишь крупные и сильные регионы с агрессивной конкурентной стратегией.

Неценовая конкуренция основана на продаже товаров (услуг) более высокого качества и надежности, достигаемых благодаря техническому превосходству. Чем меньше цена продукции регулируется региональными положениями, тем в большей степени конкурентным считается рынок.

Процессы конкуренции приграничных агломераций имеют позитивные и негативные последствия. К *позитивным сторонам* относится: усиление региона, расширение сферы его влияния и распространение благоприятных тенденций на окружающую территорию. К *негативным тенденциям* можно отнести: усиливающуюся поляризацию между конкурирующими регионами по ряду социально-экономических параметров развития и расширение на этой основе дивергентных тенденций в масштабе всей страны.

Для уточнения процесса конкуренции важным является детализация механизма повышения КСП приграничной агломерации, (рисунок 1).

Приведённый рисунок позволяет визуализировать основную цель конкурентного взаимодействия приграничных агломераций, стратегические и тактические задачи, а также позволяет рассмотреть все эти этапы в тесной взаимосвязи между собой.

Д.С. Львов[1] под стратегией понимает сознательное регулирование региональных процессов путем их направления и подчеркивает необходимость регулируемого территориального развития РФ. Возможные варианты стратегий при этом увязываются с макроэкономической и структурной государственной политикой.

С нашей точки зрения формирование конкурентной стратегии приграничных агломераций целесообразно оценивать с точки зрения двух основных позиций. Во-первых, исходя из структуры стратегии – необходимость комплексного развития агломерации на основе единых целевых направлений. Во-вторых, с точки зрения типа конкурентной стратегии.

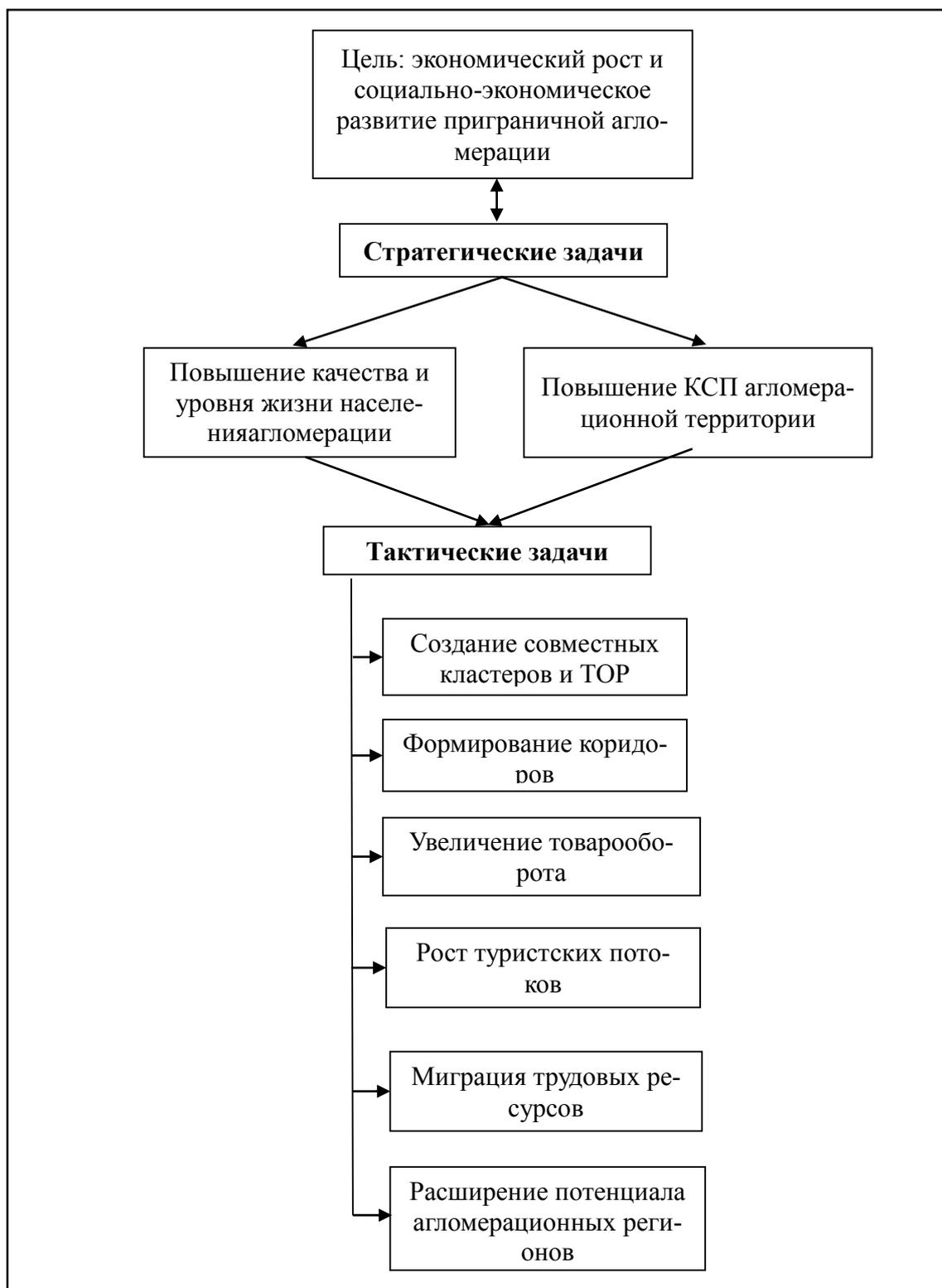

Рисунок 1 – Механизм повышения КСП приграничной агломерации

Важнейшее значение в управлении КСП отводится повышению производительности труда в регионе на основе инновационных преимуществ данной территории. Реализация этой стратегии во многом определяется проведением государственной и региональной политики, направленных на поддержание инновационно-активных предприятий и кластеров, а также

предприятий (кластеров) с высокой добавленной стоимостью реализованной продукции.

По словам главы г. Владивостока И. Пушкарёва: «Нам надо определить сегменты интеграции производства, чтобы не конкурировать, а взаимно развиваться». Именно такой вектор развития Владивостокской приграничной агломерации был намечен на саммите АТЭК в ходе Восточного экономического форума в 2016 г. Благодаря подготовке к саммиту АТЭС Владивостокская агломерация получила мощный импульс для дальнейшего развития.

«Необходимо вырваться из состояния полной изоляции, в которой оказался Владивосток, с трех сторон окруженный водами Амурского и Уссурийского залива, – отметил мэр – Необходимо обеспечить связанность территорий российского Южного Приморья в формате трансграничной агломерации, усиленной не только ТОРами. Важнейшую роль в этом играет создание транспортной инфраструктуры, включающей Владивостокскую кольцевую автодорогу (ВКАД), мостовой переход на полуостров Песчаный по направлению к маршруту «Барабаш-Чиньхуа». С помощью ВКАД и моста на полуостров Песчаный, других мер градостроительного развития мы планируем реализовать преимущества нашего местоположения фактически в полукольце крупнейших экономик мира» [4].

Тренд на превращение Владивостока в центр международного сотрудничества России со странами АТР и формирования г. Владивостока как «мирового города» означает появление возможности превращения Владивостокской агломерации в конкурентоспособную и комфортную территорию, обеспечивающую широкие возможности социально-экономического развития для бизнеса и социума территории.

Обеспечивая конкурентоспособность приграничных агломераций и разрабатывая стратегии их развития, важно осознавать, что возможности и угрозы могут переходить в свою противоположность. Неиспользованная возможность может превратиться в угрозу и заранее выявленная угроза может стать новой возможностью развития территории.

Механизм привлечения инвестиционных ресурсов необходимо тесно увязывать с выявленными сторонами КСП региона. В первую очередь, это реальный и инновационно-активный сектор территории. В этой связи итогом результатом повышения КСП приграничных агломераций могло бы стать:

- предотвращение долговременной тенденции износа основных фондов инновационно-активных предприятий в регионе;
- усиление финансирования со стороны государственного управления системы образования и подготовки специалистов, в целях повышения эффективности человеческого капитала;

- государственная и территориальная поддержка инновационных отраслей и сфер, способных обеспечить ускоренное развитие экономики региона на уровне 15-20 % ежегодного прироста, формирующая ТОР, способную стать локомотивом всей экономики РФ с необходимым ростом ее экономики 8-10 % в год;

- стимулирование малого и среднего бизнеса на государственном и региональном уровнях, особенно в сфере инновационного (венчурного) предпринимательства, способствующее повышению уровня и качества жизни населения региона;

- радикальная перестройка налоговой системы, связанная с облегчением нагрузки на инновационный реальный сектор;

- недопущение экологического разрушения территорий, относящихся к зоне влияния приграничных агломераций [2].

Все выше перечисленное несомненно окажет положительное воздействие на тенденцию экономического роста и КСП как отдельно взятых объектов приграничной агломерации, так и агломерационной системы в целом. В целях повышения общего конкурентоспособного потенциала страны и отдельных ее регионов необходимо обеспечение свободной и равной конкуренции для всех субъектов РФ.

Библиографический список

1. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. кол. Д.С. Львов, отд. эконом. РАН. – М.: Экономика, 1999. – 792 с.

2. Угрюмова, А.А. Экологическая политика в области межрегиональной конкуренции за приграничные экологические ресурсы. Россия: тенденции и перспективы развития / А.А. Угрюмова, Т.А. Капустина // Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. 1. – 763 с. – С. 201–206.

3. Угрюмова, А.А. Применение методологии стратегического управления в развитии региона/ А. А. Угрюмова, Л.М. Тюрина // Социально-экономический потенциал территорий и перспективы развития: сб. материалов межд. научно-практ. конф., Россия, Коломна, 21 апреля 2016 г. / Гос. соц.-гум. ун-т; под общ.ред. Е. И. Медведевой, С. В. Крошила. – Электрон. текст. дан. (1 файл 6,6 Мб). – Коломна: ГСГУ, 2016. – 450 с.

4. Формат трансграничной агломерации предложили Владивостоку. [Электронный ресурс]: PrimaMedia.ru. – Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/vladivostok/14.11.2014/400756/format-transgranichnoy-aglomeratsii-predlozhili-vladivostoku.html>. – Дата доступа: 06.11.2016.

КОНЦЕПЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ЕЕ СПЕЦИФИКА В РАЗВИТИИ АМЕРИКАНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВ

*А.Л. Церковский,
доцент*

*УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени М.Танка»,
кандидат филологических наук.*

«Нация, у которой есть свои собственные уходящие корнями в далекое прошлое история, цивилизация и культура, отличается от корабля, пассажиры которого, собравшись вместе по воле случая и приключений, воображают, что при помощи денег и высокомерия они способны создать свою собственную историю»

А. Муниф [цит. по: 1, с. 42].

Вопросы национального самоопределения, гражданской принадлежности и, наконец, личностной самоидентификации выступают одними из важнейших в жизни современного человека. Интенсификация межкультурного общения, глобализация политических и экономических процессов, стремление «познать себя, тем самым познать мир» во многом определяют дальнейшее цивилизационное развитие мира. Уже сегодня можно говорить о кризисе аутентичности культур. Как утверждает исследователь А. Попов, «С одной стороны мы являемся свидетелями новых интенсивных процессов интеграции стран <...> выстраивания наднациональных институтов управления политическими и социальными процессами. С другой, все ярче проявляется стремление к сохранению традиционных национальных или религиозных ценностей, зачастую приводящее к крайним проявлениям национализма и религиозного фундаментализма» [2, с. 73].

В этих условиях мультикультурализм выступает одним из фундаментальных принципов подобного диалога культур, который рассматривают как «...императив культурной политики в современных полиэтнических государствах» [3, с. 13]. Многие исследователи [1; 2; 3; 4; 5; 10] отмечают, что мультикультурализм стал стратегией государственного развития во многих странах во второй половине XX века. Однако, совершенно очевидно, что мультикультурализм как государственная идеология и практика сосуществования людей различных политических, религиозных и сословных предпочтений осуществляется по разным сценариям. Как утверждает российский исследователь Э. Паин, «...при всей теоретической неопределенности этого концепта его популярность заложена в основном

постулате, признающем самоценность культурного разнообразия страны (региона, всего мира) и принципиальную невозможность (недопустимость) ранжирования культур по принципу «низшая – высшая», «главная – второстепенная» или «государствообразующая – прочие» [6, с. 132].

Вопрос о стратегии развития глобализации остается в рамках дискуссионного поля как западных, так и восточных исследователей. «Глобализация в нашем понимании – результат объективного исторического развития. Сама по себе она не является ни позитивным явлением, ни явлением негативного свойства <...> Его можно использовать в интересах человека и всего человечества, если обеспечить уважение культурных и иных различий между людьми, – важнейшую предпосылку для построения мира, опирающегося на равновесие между различными видами исторического опыта» [5, с. 32]. Е. Байдаров, вслед за А. Дж. Тойнби, такую ситуацию называет вызовом и видит в нем «...воздействие эволюционно-революционных изменений, ведущих, в том числе и к глобальной трансформации витального (жизненного) пространства мирового социума» [1, с. 42].

Либеральная политика плюрализма мнений и толерантности нередко на практике оказывается утопией. В этом ракурсе актуализируется вопрос не столько идеологической стороны мультикультурализма, сколько духовно-нравственной, личностной. Здесь нам видится некоторая угроза чрезмерного расширения понятия толерантности. Как отмечал Ж. Бодрийяр, «Различию нет разумного применения... Универсум различия повсюду оказывается в полном тупике, который является тупиком самого понятия универсум. Различие вернулось к нам в неузнаваемом обличье – исламском, расистском, в качестве иррационального, неумолимого отличия» [цит. по: 2, с. 74].

Мультикультурализм имеет различные как политико-идеологические, так и экономические формы. Ввиду высокого геополитического статуса Соединенных Штатов Америки особенно актуальным представляется рассмотрение специфики протекания мультикультурализма в этой стране. Так, долгое время в культурно-цивилизационном пространстве США доминировала идея «плавильного котла» (melting pot). Само название указывает на характерную особенность американской нации – духовно-культурного и гражданского устремления к ассимиляции прибывающих в эту страну эмигрантов в поиске Американской мечты и подразумевает процесс «переплавки», смешивания различных культур и традиций в одну общую – американскую. По мнению М. Лернера, такая идеология является выражением «...иллюзорного убеждения американца в том, что его сущность, действия и методы отвечают естественному порядку вещей» [4, с. 459].

Как отмечает У. Аллен, у американцев нет первичного цивилизационного единства, которое сложилось в других регионах мира. По мнению ученого, в

Америке можно найти любую разновидность религии, национальности и расы [7, p. 7]. У. Аллен активно использует устоявшийся термин «плавильный котел» (*melting pot*). Этой концепции сегодня всё сильнее противопоставляется идея мультикультурализма, для которой характерно стремление того или иного этноса к сохранению своей культурной идентичности. Концепция «плавильного котла» ставит задачу постепенной ассимиляции и гомогенизации (невзирая на потенциальное несогласие отдельных этногрупп), а «мультикультурализм» настаивает на ассимиляции, культивируя «естественность» развития истории. В своем исследовании он пишет: «Белый англосаксонский протестант старой Новой Англии или нью-йоркская семья датчан, например, будут неизбежно видеть свою страну и интерпретировать американский эксперимент иначе, чем польский романно-католический сталевар из Кливленда, Огайо...» [цит. по: 8, с. 8]. Политический ракурс этой идеи – тактика республиканской партии США, которая стремилась к консолидации нации через формирование концепции американского гражданского общества без расовых, религиозных, этнических и прочих дифференциаций. Такие исследователи, как С. Хантингтон и А. Шлезингер указывают на потенциальную угрозу, лежащую в самой идее мультикультурализма, которую они видят в стирании этнокультурных различий населения страны, что ведет, по их мнению, к распаду всей нации. Далее, как комментирует А. Попов, «...политикам придется иметь дело не столько с американцами, сколько с латиноамериканцами, афроамериканцами и азиатскоамериканцами и т.д.» [4, с. 77].

Вопрос мультикультурного прошлого и настоящего Республики Беларусь сегодня представляется особенно актуальным в связи с протекающими процессами глобализации в экономической и культурной сфере жизни страны. Однако сохранение национальной самобытности в сегодняшнем мире для Беларуси – это тот же *вызов* по А. Дж. Тойнби. Теоретико-методологические аспекты изучения современного культурологического статуса Беларуси можно найти в работах таких выдающихся исследователей, как И. Левяш и В. Еворовский.

Имея статус фронта, культурно-цивилизационное пространство Беларуси, вместе с тем, имеет известную интенцию маргинальности, находясь на стыке российской и европейской культур. Как отмечает белорусский культуролог И. Левяш, «Кардинальный сдвиг к европейскому Западу, ставший «красной тряпкой» для геополитически поднимающейся Москвы, привел к *смене траектории* дальнейшей эволюции Беларуси. В результате впервые в истории произошла масштабная миграция белорусского Одиссея из *Центральной Европы в Восточную*» [9, с. 22]. Можно согласиться, что эта ситуация выбора стояла перед белорусским народом еще во времена ВКЛ, но немаловажно и характерно, что, двигаясь, этот культурный фронт актуализирует новые смыслы в самоопределении белорусов, поэтому «...речь должна идти не о фатальном «уделе» (судьбе), а о концептуально зрелом,

осознанном выборе и реализации адекватной реальности стратегии национальной безопасности Республики Беларусь в современном сложном и динамичном мире, стратегии» [9, с. 25].

Специфика развития мультикультурализма в Беларуси заключается в интеграционном процессе, который протекает на современном этапе и охватывает практически все сферы жизни страны. Это касается и экономического, и политического, и культурного аспектов – переставая быть сателитной частью русской культуры, белорусская, тем самым, оказывается в ситуации неопределенности, некоторой исторической потерянности. Поэтому особенно актуализируется вопрос о консолидации интеллектуальной и политической элиты белорусского общества, «...которая ориентирует на мобилизацию главного стратегического резерва республики – *человеческого капитала и его интеллектуального потенциала*» [9, с. 25]». О специфике и назревшей необходимости такого единства нации рассуждает В. Еворовский: «Классическое центрирование страны вокруг ее внутреннего интеллектуального и политического ядра, сосредоточение страны, внимание нации прежде всего к самой себе, собственных проблем, особенно интимных исторических корней, является первым шагом к разрушению имиджа «проходного двора», какого-то “пограничья”, которое не имеет ни границ, ни собственной судьбы, ни осязаемого центра. В этом отношении целостная история нации и консолидация интеллектуальной и политической элиты вокруг нее становятся мощным фактором преодоления годами культивированного, как снаружи, так и изнутри, чувства неполноценности белорусского нации и своеобразным противовесом всем тем стереотипам, так близким сердцу наших соседей <...> В качестве выбора это позиция всегда содержит в себе элемент свободы. В этом промежутке свободы самым актом выбора уточняется понимание каждым человеком ценности лично пережитого прошлого, опыта современного и предчувствия будущего» [10, с. 524-526].

Таким образом, концепцию мультикультурализма мы рассматриваем как вызов современному миру. Его специфика в развитии американского общества заключается в замещении и во многом упразднении концепции «плавильного котла», в то время как для белорусской нации встает вопрос о необходимости консолидации интеллектуальной и политической элиты с целью определения дальнейшего исторического пути развития белорусского народа.

Библиографический список

1. Байдаров, Е. У. Процесс государственного строительства и межгосударственного взаимодействия в контексте сохранения духовных ценностей и культурно-исторической памяти / Е. У. Байдаров //Мат. межд.

науч.-практич. конф. «Интеллектуальный капитал Евразийского Союза : проблемы эффективного управления и использования в обществе, основанном на знаниях», Минск, 14–15 ноября 2013 г./ Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 40–42.

2. Попов, А. В. Мультикультурализм и национальная идентичность в контексте современности / А. В. Попов // Труды СПбГУКИ. – 2013. – Т. 199. – С. 73–84.

3. Мухамеджанова, Н. М. Принцип мультикультурализма в межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] / Н. М. Мухамеджанова // Вестник ОГУ. – 2010. – №10 (116). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/printsip-multikulturalizma-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii>. – Дата доступа: 09.05.2017.

4. Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня: в 2 т. / М. Лернер. – М.: Радуга, 1992. – Т.2. – С. 459.

5. Награльян, А. А. Место и роль национальной традиции в условиях глобализации экономики и культуры / А. А. Награльян, Д. В. Филюшкина // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – №4. – С.31–37.

6. Паин, Э. А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э. А. Паин. – М., 2003. – С. 132.

7. Allen, W. The Urgent West. The American Dream and Modern Man / W. Allen. – New York: Dutton, 1969. – 235 p.

8. Мишина, Л. А. Религиозное, историческое и гражданское в американской литературе XVII века / Л. А. Мишина // Ученые записки РГСУ. – 2012. – № 10 (110). – С. 166–170.

9. Левяш, И. Я. Белорусский интеллект: наследие и современность / И. Я. Левяш // Мат. межд. науч.-практич. конф. «Интеллектуальный капитал Евразийского Союза : проблемы эффективного управления и использования в обществе, основанном на знаниях», Минск, 14–15 ноября 2013 г./ Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 18–26

10. Евароўскі, В. Б. Нацыянальная філасофія Беларусі: тэорыя, архелогія, гісторыя, генеалогія, школа / В. Б. Евароўскі ; навук. рэд.: Л. Ф. Яўменаў. – Мінск: Беларуская навука, 2014. – С. 297.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия участникам семинара	6
Святлоў Б.У. Міністр культуры Рэспублікі Беларусь	6
Каваленя А.А. Акадэмік-сакратар аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАНБеларусі, член-карэспандэнт НАНБеларусі	7
Доклады и выступления	9
Котляров И.В. Цивилизационный код белорусского общества как новая парадигма изучения социальной реальности	9
Коцай Е., Гринцевичене В. Удовлетворенность жизнью молодежи Литвы	18
Винокуров А.И. Сравнительные исследования контактных сообществ приграничья с использованием методологии социокультурного портрета	25
Можейко М.А. Креативный потенциал культуры пограничья: опыт нелинейного моделирования	30
Сапотько П.М. Кластерная модель развития «пограничных» территорий	42
Мицкевич О.Н. Социально-профессиональная адаптация молодых специалистов региональных учреждений культуры: социологический анализ	47
Лихачева С.Н. Работа местных органов власти с обращениями граждан как показатель развития политической культуры (на примере социологического исследования в могилевской области)	53
Денисова Н.Ф. Развитие страны глазами общества: Беларусь в период 1990-2011 гг. в международном сравнении	59
Стаселька К.І. Сытанне мастацкай літаратуры у беларускім грамадстве	65
Таранова Е.В. Социокультурные характеристики белорусского общества: межстрановые сравнения	67
Можейко В.А. Процессы глобализации и феномен нового пограничья	72
Одиноченко В.А. Беларусь в конфессиональном пограничьи: соотношение с Россией и Украиной	79
Айзенштадт А.Л. Проблема национального и региональных брендов в Республике Беларусь	86
Балбуцкая М.А. Особенности формирования личностных качеств ребёнка в сельской семье: социологический анализ	91
Волосников Р.А. Сферы и формы влияния пограничников на общественное мнение населения приграничных территорий	96
Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Проявление особенностей менталитета в книжной культуре современного студенчества «пограничной» территории (на примере нижневолжского региона России)	101
Злотников А.Г. Территориальные общности как объект социологии	108
Каргаполов С.В. Формирование электронной культуры студенчества (на примере нижневолжского региона Российской Федерации)	113
Лупаренко С.Е. Проблемы социокультурного обеспечения детей	120
Мартищенко Е.В. Досуговые возможности жителей разных регионов Беларуси: социологический анализ	125

Моисеева Д.В., Дулина Н.В. Финансовая культура населения и показатели эффективности экономики региона (на примере Республики Беларусь).....	134
Пасовец Ю.М. Миграция как фактор социокультурного развития российского приграничья (на материалах пограничных с Украиной регионов Центрального Черноземья)	139
Лянькевич Г.Ч. Философы Лосские: к проблеме исторической родины и туризма на «пограничных» территориях	144
Перезовова И.В., Гречаник Н.Ю. Контурирование маркетинга по видам на разных уровнях экономической системы	152
Соловей А.П. Показатели социального самочувствия женщин-исследователей в академической науке	156
Угрюмова А.А. Конкурентоспособность приграничных агломераций Российской Федерации: состояние и перспективы.....	161
Церковский А.Л. Концепция мультикультурализма и ее специфика в развитии американского и белорусского обществ	166

Научное издание

**Особенности культурного развития
«пограничных» территорий:
исследования и стратегическое управление
Материалы международного
научно-практического семинара
г. Минск, 30-31 мая 2017 года
Сборник научных статей**

Ответственный за выпуск *Н.А. Сосновская*

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 19.06.2017 Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная
Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 10,9 Уч.изд.л. 11,5
Тираж 100 экз. Заказ № 2416

ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2
Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tut.by; pravo642@gmail.com Отпечатано на издательской системе
KONICA MINOLTA в ИООО «Право и экономика»

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное
Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.
в качестве издателя печатных изданий за № 1/185